

НОВАЯ ПОЛЬША 10/2013

Содержание

1. ВРЕМЯ ПРЕЗРЕНИЯ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. КОНЕЦ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
4. СУДЬБЫ ГОГОЛЯ, ЛЕЙКИНА И ДРУГИХ
5. «НАДО УСТРОИТЬ СКАНДАЛ В ЗАЩИТУ СИНЯВСКОГО И ДАНИЭЛЯ»
6. МНОГОКУЛЬТУРНЫЙ МИР ГУЦУЛЬЩИНЫ
7. ТАТАРСКАЯ НЕВОЛЯ
8. АКАКИЙ АКАКИЕВИЧ
9. Из книги «НАЧАЛО ПЕРЕЧЕРКНУТО»
10. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
11. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
12. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ
13. ВРАТАРЬ ИЗ ЛЮБЛИНА
14. ПОЛЬША ДЛЯ НАС ОБРАЗЕЦ
15. ПОЭТИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ В ГРУЗИИ
16. ТРЕХСТИШИЯ МОИХ ГОРОДОВ

ВРЕМЯ ПРЕЗРЕНИЯ

Пострадавшие и жертвы не нуждаются в подведении итогов. Нуждается в этом общество Украины. Если преступление не будет названо, оценено, осуждено и подытожено, то оно будет отягощать историю народа и совесть будущих поколений.

— Мы собираемся беседовать о Волыни, но ведь это не единственное место, где в один прекрасный день соседи, принадлежащие к разным народам, начинали убивать один другого. Бывали случаи резни на Балканах. Была Руанда. Можно ли найти общий знаменатель для таких событий?

— «Анна Каренина» Льва Толстого начинается знаменитой фразой о том, что все счастливые семьи похожи друг на друга, а каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Упомянутые вами конфликты были очень разными, у каждого из них иная история. Столетиями народы жили бок о бок в согласии, но в какой-то момент начали разгораться конфликты. Что их вызвало?

3 декабря 1999 г. меня на частной аудиенции принял Иоанн Павел II. В конце разговора Папа спросил, как, на мой взгляд, можно объяснить извержение конфликтов в мире. Я ответил, что дело доходит до них в моменты отчаяния, когда враждующие общества считают, что исчерпали возможности победить в споре или же защитить свои обоснованные интересы. В свою очередь, благосостояние и комфорт смягчают напряженность. К примеру, в Бельгии конфликт между фламандцами и валлонами продолжается испокон веков, но никогда не принимал вооруженной формы. Слишком многое рисковали утратить эти народы. В бывшей Югославии народы жили в бедности — и в результате им почти нечего было терять. Дело там дошло до войны. Папа задумался и сказал тихим голосом: «Вы правы, но ведь раньше эти народы жили в несравненно большей нищете, однако до конфликтов у них не доходило». Ему хотелось, наверно, донести до меня ту мысль, что в человеческой природе присутствует некий потенциал зла, который в определенных условиях может активизироваться. Культура, традиция, религия, воспитание позволяют овладевать эмоциями и не допускают того, чтобы плохая сторона человеческой души взяла верх. Случаются, однако, ситуации, в которых эта темная, мрачная грань человеческой натуры ускользает из-под контроля.

— **Что высвободило этот потенциал зла на Волыни?**

— Преступление на восточных кресах — а оно имело место не только на Волыни, но и в Восточной Галиции — стало, как мне думается, реакцией на длившееся много поколений унижение украинцев. Поругание достоинства пробуждает дурные эмоции и пролагает путь жажде мщения, которая в определенных обстоятельствах находит для себя выход. Жертвами этой реакции были десятки тысяч безвинно убитых. К физической ликвидации оказалось приговоренным в сущности всё польское население, проживавшее на тех территориях. Это было нечто невообразимое, потому что вдруг, прямо-таки с вечера на утро, соседи становились преступниками. Члены семей делались врагами.

— **Вы можете сформулировать, кто конкретно несет ответственность за разжигание этого ада? В Польше чаще всего указывают на украинского националиста Степана Бандеру, а тех, кто совершали преступления, называют «бандеровцами».**

— Это не так. В 1943 г. Бандера уже несколько лет сидел в немецком концлагере, как раз за свой политический национализм. Германия — в отличие от ее действий в Словакии — не хотела создавать украинское государство. Бандера вышел на свободу лишь после войны и в тот период пробовал как-то поддерживать национально-освободительное движение. На рубеже 50-х и 60-х гг. его убили в Мюнхене по приказу советских властей.

Инициатором «волынской резни» выступил совсем другой человек; это был Роман Шухевич, его последний псевдоним — Чупрынка. Он считал, что единственный способ включить кресы в состав Украины — это избавиться от поляков и добиться того, чтобы буквально ни один из них не остался на этих землях. Поляки должны были либо покинуть эту территорию, либо погибнуть. Сложилось так, что моя жена родом с Волыни. На свет она появилась в населенном пункте Мизоч. Ее отец был сельским учителем. Семья Баси прошла через ад. Многие из ее родственников расстались с жизнью. Остальные бежали из своих домов в чём были. Нашлось тогда несколько украинцев, которые им помогли. Однако решительное большинство боялось. Помощь полякам означала смерть не только для того, кто ее оказывал, но и для всей его семьи. К полякам на Волыни относились так же, как немцы — к евреям.

— Но почему до этого дошло в июле 1943 г., когда судьбы войны были уже по существу предрешены и шансы на реализацию украинских устремлений рухнули?

— На мой взгляд, именно поэтому. Украинцы потеряли всякую надежду на то, что им удастся достигнуть задуманных политических целей. Как представляется, это была ненависть, вызванная отчаянием и безграничным разочарованием: шанс на создание собственного государства оказался загубленным. Однако последствия оказались противоположными запланированным. Думаю, эти люди не осознавали, что действуют на пользу как гитлеровским властям, так и будущей советской власти. Я, однако же, не в состоянии объяснить массового характера тогдашних убийств, той мрачной силы, которую никто не сумел в тот момент укротить.

— А возможно, ее спровоцировали как раз немцы или Советы, которые были заинтересованы во взаимном стравливании поляков и украинцев?

— Появились тексты, которые пытаются свалить часть ответственности на русских, якобы манипулировавших ситуацией в своих интересах. Эта концепция не находит подтверждения в документах. Совершили это преступление украинцы. И не умники, которые читали Макиавелли, а зачастую неграмотные, носившие в себе тот потенциал безграничного зла. Зло оказалось высвобожденным и в течение исторически весьма короткого времени наложило такой отпечаток, с которым должны справиться следующие поколения украинцев. Пострадавшие и жертвы не нуждаются в подведении итогов. Нуждается в этом само общество Украины. Если преступление не будет названо, оценено, осуждено и подытожено, то оно будет отягощать историю народа и совесть будущих поколений.

— Начало преступлению положил Шухевич, а совершали его простые люди. Неужели ни у кого из интеллигенции, из духовных вождей не было шансов сдержать его?

— Наивно полагать, что, когда вспыхивают подобные стихийные движения, какая-то фигура в состоянии своим словом овладеть ситуацией. Мне представлялся случай вступать в контакт с двумя иерархами греко-католической Церкви: косвенно — с митрополитом Львовским Андреем Шептицким и непосредственно — с его братом, архимандритом Климентием. В семье Шептицких, словно в капле воды, отражались все проблемы, которые наблюдались на кресах и которые связывали и разделяли два общества: поляков

и русинов. Не надо забывать, что это был один из богатейших родов Европы. К нему принадлежали и эти два духовных иерарха, которые получили образование в Вене. Они могли сделать блестящую политическую или военную карьеру, но выбрали духовный путь. Приняли решение на религиозных основаниях внести вклад в построение украинского народа. И занимались этим с самых основ, опираясь на Евангелие, на заповеди Господни.

Их третий брат, Станислав, был генералом и стоял во главе формирований, сражавшихся за польский Львов. Встречались они все у самого старшего из братьев — Леона. Вели яростные диспуты на тему тогдашней ситуации и источников напряжения. Нельзя поставить им в вину, будто они не понимали польских настроений. Есть в Польше люди, которые осуждают их за то, что они не сделали достаточно много для предотвращения резни на Волыни. Они сделали много. Сделали столько, сколько могли. Особенно старался сдерживать акты массовых преступлений архиепископ Андрей. Наполовину парализованный, на инвалидной коляске, он получал обстоятельную информацию и знал, что творится за стенами архиепископского дворца. Он был одним из немногих иерархов, у кого хватало мужества противодействовать. Писал письма с выражением протеста, адресованные немецким властям, Гиммлеру. Отправил также письмо Папе Римскому Пию XII, где подробно описал, что уже в 1942 г. — стало быть, до волынской резни — в этом маленьком краю на протяжении трех дней перебили 200 тысяч человек, главным образом евреев.

— Помню высказывания моих старших братьев, которые родом из тех мест. Меня удивляло, откуда в них столько ненависти к украинцам. Понял я их лишь в тот момент, когда изучил историю этих земель и узнал, что пережили тогда поляки.

— Очень многие из людей, которые помнят те времена, готовы простить. Они, однако, хотят, чтобы украинская сторона четко признала, что это преступление произошло, и осудила тогдашнее варварство. Временами мы сталкиваемся с аргументацией типа: «Вы нехорошо поступали с нами, а мы — с вами». Надо ясно сказать: это не были равнозначные действия. Да, это правда, что поляки несут ответственность за возведение стены отчуждения и непонимания между обоими обществами. Однако массовых преступлений не было. Не было до войны убийств невинных людей. Польская сторона признаёт свое постыдное наследие. И осуждает месть. Нельзя говорить, что мы — великий народ, раз у нас были Мицкевич, Словацкий

или Норвид, но мы — великий народ, раз у нас есть мужество признать, что мы поступали плохо. Например, в межвоенный период польские власти терпимо относились к сжиганию украинских церквей. Да, украинцы подвергались во Второй Речи Посполитой дискриминации. Однако есть принципиальная разница между тем, затрудняют ли кому-нибудь продвижение по социальной лестнице или же чудовищным образом уничтожают целые семьи и деревни. На Волыни положение дошло до абсолютного озверения. Люди, которые это пережили, ждут простой констатации: «Так было. И это никогда не повторится. Мы знаем, что такое совершили наши предки». Правда очищает. Она может быть трудной и неудобной, но никогда не бывает вредной.

— Коль скоро украинцам необходимо взглянуть в глаза правде о волынском преступлении, то как должны действовать мы, поляки, чтобы закрыть эту главу?

— К счастью, мы многое сделали и продолжаем делать. Я имею в виду то, что мы первыми признали независимость Украины. И в массовых масштабах стихийно поддержали в 2004 г. демократизацию Украины. Уже очередное молодое поколение поляков высказалось в пользу Украины. То было время, когда любые проблемы, о которых мы вели разговоры, отошли на задний план. Тогдашний бурный подъем поддержки привел к определению наших отношений, в том числе и на государственном уровне. Польша много лет остается главным адвокатом украинского вопроса во взаимоотношениях с Евросоюзом и со всем миром. И вот что существенно: так поступал Александр Квасневский, так поступал Лех Качинский и так поступает сейчас Бронислав Коморовский. Независимо от того, какой политический лагерь находится у власти, отношение Польши к Украине остается неизменным. Это весьма положительно воздействует на отношение украинцев к Польше и полякам. Мы еще многое должны сделать. Нам необходимо, например, избавиться от чувства превосходства, которое — хотя и без всяких на то оснований — всё еще наблюдается у части нашего общества.

— Какой вы видите роль Церквей в процессе примирения?

— На протяжении нескольких последних десятилетий, со времен немецко-французского или польско-немецкого сближения, понятие примирения — в контексте коллективной вины, а также ответственности и прощения — вошло не только в лексикон этики, но и в словарь политики и политиков. Необходимо заметить, что источник всех этих слов лежит в Библии. Летом 2005 г. дело дошло до официального акта

примирения между украинцами и поляками, а конкретно — между римско-католической Церковью и украинской греко-католической Церковью. Кардинал Любомир Гузар на площади Пилсудского обратился с письмом к председателю Конференции епископата Польши архиепископу Юзефу Михалику и услышал ожидаемый ответ. Этот диалог состоялся на глазах у огромной толпы верующих. С того момента минуло, однако, восемь лет, а последствий этого торжественного акта пока не видно.

— Почему так произошло?

— Потому что одних лишь писем не хватит — пусть даже написанных самыми выдающимися богословами. Такой процесс требует общественной подготовки. Люди должны не только услышать подобные послания, но и принять их в качестве своего собственного образа мыслей. Должны отождествить себя с их содержанием. С этой точки зрения обеим Церквям предстоит еще преодолеть длинную дорогу. Есть смысл знать, что это проблема греко-католической Церкви, верующие которой живут главным образом в Западной Украине. Иначе это выглядит в Восточной Украине. Там украинцы осуждают указанные преступления, так как это не их опыт. Вовсе не их деды и отцы участвовали в них.

— Следовательно, требуются инициативы снизу?

— Это хорошо, что встречаются президенты и министры, что они выступают с важными и красивыми речами и воздвигают памятники. Но что из этого, коль скоро случается, что через несколько дней памятники подвергаются осквернению? Это доказательство того, что слова рассеиваются в воздухе, а человеческие сердца и умы еще не открылись для примирения. Я знаю, что в связи с 70-й годовщиной воłyнского преступления в различных католических кругах Украины предпринимаются попытки заново обдумать тогдашние события — понять, что произошло, и противодействовать такому в будущем. Положительную роль играет здесь Львовский украинский католический университет, который, на мой взгляд, представляет собой одно из самых значительных и независимых украинских учебных заведений.

Ошибаются, однако, те, кто думает, будто достаточно убедить высшие политические власти и церковных иерархов, чтобы достигнуть примирения. Здесь не хватит одноразового акта раскаяния и просьбы о прощении, а необходимо чувство ответственности за то, что произошло. На Украине такая позиция наталкивается на сопротивление, так как для

признания в неблагоприятных делах необходимы внутренняя сила и решимость в поисках согласия. Моральная сила человека проявляется в том, что он готов признать свои ошибки и свою ответственность. У народов, которые пока лишь формируют свое самосознание, как правило, существуют комплексы, существует ощущение неуверенности в своей судьбе, существуют трудности с признанием ошибок, так как, по их мнению, это их ослабляет. Многие украинцы считают, что поляки, добиваясь признания и осуждения волынского преступления, демонстрируют высокомерно-барственную позицию, пытаются принудить их к таким жестам, к которым они не готовы.

Представляя свою книгу во Львове, я услышал от одного ветерана борьбы с коммунизмом в советские времена и узника лагерей, что никто не имеет права сказать дурного слова об украинце, «ибо каждый украинец — это Божье создание». Согласно его точке зрения, всякий украинец самим фактом своего рождения воплощает добро, а плохими бывают другие. После такого утверждения кое-кто из присутствовавших в зале почувствовал смущение. Однако эти слова произнесло лицо, обладающее авторитетом у соотечественников, — человек, которого преследовали коммунисты, который просидел много лет в тюрьмах и пользуется заслуженным уважением.

— Но мы, поляки, тоже порой испытываем трудности, когда надо признаваться в бесславных эпизодах нашей истории.

— Это правда. В Польше мы тоже наталкиваемся на такое сопротивление. Но мы продвинулись по этому пути значительно дальше. Для украинцев опыт с независимостью очень свеж. Кроме того Украина разделена не только в вопросе о подходе к волинской резне, но и в своем отношении к десяти векам собственного прошлого. Западную и Восточную Украину многое связывает, но столь же многое разделяет. Если мы добавим к этому Буковину и Закарпатье, то окажется, что иногда они больше связаны с непосредственными соседями, чем с Украиной по другую сторону Днепра. Добавим сюда племена гуцулов, бойков и лемков, которые не всегда и не до конца отождествляли себя с украинцами. В Польше отличия, ставшие последствиями ее разделов, стерлись после Второй Мировой войны и сегодня практически незаметны. На Украине расчленение на ту часть, которая до Первой Мировой войны относилась к царской России, и ту, что принадлежала Австро-Венгрии, остается несравненно более глубоким.

— Что еще мы можем сделать, чтобы польско-украинское примирение стало фактом?

— Польше и полякам чрезвычайно важно проявлять сердечность, понимание и оказывать помощь Украине и украинцам. В июне 2001 г. Иоанн Павел II, кроме уже упомянутого Климентия Шептицкого, беатифицировал греко-католического священника Омеляна Ковча, который погиб в концлагере Майданек. Ранее он оказывал помощь полякам и евреям, когда во время войны тех преследовали украинцы. У него хватало мужества помогать полякам, хотя в межвоенный период польские власти подвергали его дискриминации. Под воздействием разнообразных обращений из Италии и Германии немецкие оккупационные власти были готовы выпустить Ковча из лагеря, если он сделает заявление, что не станет помогать лицам, которых преследуют по расовым и национальным причинам. Священник Омелян Ковч отказался. И написал тогда в письме, что люди в лагере больше нуждаются в нем, чем те, кто на свободе. Он погиб за несколько недель до освобождения Майданека. Имело бы смысл создать в украинской глубинке, в бывшем приходе Ковча, Дом польско-украинского соседства его имени. Он должен стать не еще одним Домом польской культуры, а центром, откуда будет исходить искренность, доброжелательность и помощь. В тех краях Украины преобладает большая бедность. У пожилых людей нет страховки, нет доступа к самым простым лекарствам вроде таблеток от головной боли или средств против гриппа. Мне бы хотелось, чтобы они могли получить такие медикаменты бесплатно. Это бы осязаемым образом показало, что процесс примирения означает не только громкие декларации, но и конкретную помощь соседей. Весть о такой инициативе разошлась бы по всей Восточной Галиции. Я стараюсь создать такой дом и верю, что еще успею принять участие в его открытии.

— Вы оптимистически смотрите на будущее польско-украинского примирения?

— Вне всякого сомнения. Считаю, что польско-украинские отношения уже теперь хороши, а будут всё лучше и лучше. Разумеется, это требует активных повседневных действий. Дом польско-украинского соседства мог бы, помимо оказания помощи, напоминать о нашей общей истории. Было бы хорошо, если бы жители Львова гордились тем, что в этом городе существовали крупные школы — философская и математическая, — об уровне которых свидетельствуют фамилии Стефана Банаха, Гуго Штейнгауза, Станислава Улама и многих других. Что в нем имелось прославленное кафе «Шотландское», где рождались большие научные идеи, что университет им. Яна Казимира благотворно воздействовал не

только на Галицию, но и на всю Польшу и Европу. Он был одним из крупных центров культуры в этой части «провинциальной Европы» — если воспользоваться словами Милоша. Сегодня мы в Польше способны вспоминать о знаменитых вроцлавянах, которые были вовсе не поляками, а немцами. Мы горды тем, что они жили и творили во Вроцлаве. Мало кто из нынешних жителей Львова знает, что многие из поляков, которые учились в университете им. Яна Казимира, позднее эмигрировали на Запад и внесли большой вклад в мировую культуру — в американскую, британскую, французскую науку. Они были учеными в области физики, химии, математики. Формировали в указанных странах основы правовых наук. Некоторые стали лауреатами Нобелевской премии. В контексте волинского преступления стоит напомнить, что выпускником Львовского университета был и Рафаэль Лемкин, выдающийся юрист, создатель понятия «геноцид». Другим примером служит хотя бы дед сегодняшнего министра финансов Якуб Ротфельд-Ростовский, нейрохирург, более известный в мире, чем в Польше. В сегодняшнем Львове, наверно, никто о нем не слышал. Точно так же, как и о выдающемся британском юристе — целой институции в сфере международного права, чье имя присваивают научным учреждениям. Я имею в виду Герша Лаутерпахта; среди историков это Людвик Немировский, известный как сэр Льюис Намьер. Имеет смысл совместно вспоминать нашу историю. Украинцы во Львове иногда затирают следы польского присутствия на Украине — как это делали в Польше в 50-е — 60-е годы, уничтожая то, что было связано с памятью о немцах. Однако я верю, что это пройдет. Зреет новая открытость в отношениях между нашими народами.

— Вы больше подчеркиваете реальные контакты, чем декларации.

— Когда-то кардинал Мариан Яворский из Львова написал мне, что из одного тамошнего собора — несмотря на договоренность, что этот храм будет принадлежать римско-католической Церкви, — ночью вынесли алтарь и под покровом темноты установили на это место иконостас. Я позвонил одному из знакомых мне украинских иерархов. Тот обещал постараться сделать всё, что сумеет, но счел, что я переоцениваю его возможности: «Они меня не слушают. Слушают националистических лидеров, которые есть в городских властях». Его ответ свидетельствовал одновременно о доброй воле и беспомощности. Епископ не обладает исполнительной властью, а члены городского совета обладают.

Важны, следовательно, хорошие взаимоотношения на самом нижнем уровне.

Я бы хотел, чтобы Дом польско-украинского соседства возник в том приходе, где трудился до войны Омелян Ковч. Это была совсем не метрополия, а всего лишь маленькое местечко. Речь идет о том, чтобы контакты выстраивались в деревне, в сельском приходе, между обычными, простыми людьми.

Адам Даниэль Ротфельд — род. в 1938 в Перемышлянах на Подолье. Профессор гуманитарных наук. В 2001–2004 был заместителем министра, а затем (2005) министром иностранных дел. С 2008 сопредседатель Польско-российской группы по трудным вопросам. В 2009–2010 член группы экспертов, которая подготовила стратегическую концепцию НАТО–2020. С 2011 работает в Варшавском университете.

Интервью опубликовано в доминиканском ежемесячном журнале «В дродзе» («В пути») по случаю 70-й годовщины Волынской резни.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Подписание «августовских соглашений» 31 августа 1980 г. в Гданьске стало первым шагом к свободной и независимой Польше: август символизирует торжество компромисса над взаимным разделением. «Августовские соглашения» должны оставаться примером для нас. (...) Был бы не нужен «круглый стол», и не ввели бы военное положение 13 декабря 1981 г., если бы условия «августовских соглашений» соблюдались.

Принципы этих соглашений по-прежнему актуальны...», — Тадеуш Фишбах, тогдашний первый секретарь воеводского комитета Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) в Гданьске («Жечпосполита», 2 сент.)

• «Мировая премьера фильма Анджея Вайды «Валенса. Человек с надеждой» состоялась на фестивале в Венеции. (...) Польский зритель сможет посмотреть картину уже 21 сентября. (...) «В Польше относительно Валенсы существуют три разных точки зрения. Одни говорят: феноменальная личность, народный трибун, искушенный политический борец. Другие твердят: выскочка, случайно пробившийся наверх. Третьи же полагают, что простой рабочий не мог бы всего этого добиться, следовательно, ему помогала госбезопасность», — так сам о себе говорил Лех Валенса в интервью, которое он дал на прошлой неделе «Газете выборчей». (...) По крайней мере, можно радоваться, что у нас есть наши права и свободы, в том числе свобода слова и право открыто критиковать того же самого Валенсу, и всё это благодаря тому, что он в нужное время оказался у руля. Этого у него уже никому не отнять. Валенса такой один», — (Ядвига Штабинская, «Дзенник — Газета правна», 6–8 сент.)

• «“Сегодня символикой «Солидарности» размахивают все кому не лень. (...) Теперешнее руководство «С» не имеет ничего общего со старой «Солидарностью». Нынешний ее глава, Петр Дуда, во время военного положения был по другую сторону баррикад, охраняя с дивизией десантников телевидение и радио. Такова ироническая ухмылка истории. (...) Участники «Солидарности» под его руководством называют премьера демократической страны лжецом и трусом. Моя «Солидарность» даже коммунистических диктаторов так не

именовала, так как мы стремились к диалогу и предлагали свои варианты решения общественно-политических проблем”, — Богдан Борусевич, маршал Сената, один из организаторов августовской забастовки 1980 г. в Гданьске. («Жечпосполита», 17 июля)

• «С августа 1980 г. в рядах «Солидарности» и других официально зарегистрированных тогдашними властями организациях (...) состоялось 10 млн. человек. Благодаря опросу ЦИОМа (...) впервые можно увидеть, сколько человек занимались оппозиционной деятельностью после введения военного положения 13 декабря 1981 г. — около 800 тыс. поляков указывает, что они участвовали в деятельности подпольных структур «Солидарности». (...) ЦИОМ проводил опрос весной этого года по поручению Сената, который готовит закон о материальной поддержке бывших деятелей антикоммунистического подполья, многие из которых в настоящее время живут в крайней нужде». (Гражина Рашковская, «Жечпосполита», 30 авг.)

• «Лукаш Каминский, директор Института национальной памяти: «В свое время я сам пробовал подсчитать, сколько человек активно участвовало в оппозиционной деятельности в социалистической Польше после 1956 г., и выяснил, что их было около 250 тыс. человек» («Жечпосполита», 30 авг.)

• «Когда 8 сентября 1968 г. Рышард Сивец совершил самосожжение на «Стадионе Десятилетия (ПНР)» в Варшаве в знак протеста против советского тоталитаризма, ему было 59 лет. (...) Женатый человек, отец пятерых детей (двух дочерей — Инноценты, которой на момент смерти отца было 22 года, и Эльжбеты, 20 лет, трех сыновей — Вита, 16 лет, Адама, 13 лет, и Мартина, 11 лет) выступил против вторжения войск стран Варшавского договора, в составе которых были и польские военные, в Чехословакию. (...) Сивец поджег себя на стадионе, где в это время собралось 100 тыс. человек», — Гражина Рашковская. «Смерть Сивца видели немногие. С отдаленных трибун был виден минутный хаос, какая-то возня. (...) Самосожжение Рышарда Сивца скрыли. Даже радио «Свободная Европа» сообщило о его поступке лишь восемь месяцев спустя. Никто так и не узнал тогда ни о его прошлом в рядах Армии Крайовой, ни о том, что Сивец отказался сотрудничать с советской образовательной системой, ни о его одиноких воззваниях, отправляемых им в небытие на протяжении ряда лет. (...) Вокруг были перепуганные люди, которым хотелось обычной, нормальной жизни», — Богуслав Храбола («Жечпосполита», 7–8 сент.)

- «Документы свидетельствуют, что в 1968 г. коммунистические власти полностью контролировали массовое сознание. (...) Во время передислокации польских воинских частей к чехословацкой границе люди приветствовали военных, стояли вдоль дорог с крестами и зажженными свечами, клали на танки цветы, женщины вставали на колени помолиться за солдат. Люди кричали, чтобы военные хорошенько наподдали этим «пепикам» (так в Польше презрительно называют чехов. — Пер.). Примерно с тем же воодушевлением военных встречали позднее, когда те возвращались. Общество было совершенно оглушено. Тем не менее сегодня мы знаем и о другой Польше тех лет: несломленной, сплотившейся в сопротивление», — Збигнев Глюза. («Жечпосполита», 22 авг.)

- «Жители ПНР не поддерживали вторжения в Чехословакию в 1968 г. «Мало того, имели место словесные выпады в адрес военных, правда, в основном советских военных. Другое дело, что инициаторы этих выпадов, как правило, были нетрезвы. (...) За оказанную чехам и словакам моральную поддержку, а также за выступления против подавления «Пражской весны» было задержано свыше ста человек. (...) Несколько сотен граждан были привлечены к административной ответственности, а полтора десятка человек осуждены к лишению свободы», — Гжегож Майхшак («Жечпосполита», 28 авг.)

- «В первой половине 2013 г. с заявлением о предоставлении статуса беженца к польским властям обратилось 10 407 человек. Это настоящий рекорд. (...) В течении всего 2012 г. таких заявлений поступило 10 753. Кроме того, целых 93% заявлений поступило впервые. (...) Чаще всего (свыше 9 тысяч) о статусе беженца хлопотали российские граждане, в основном чеченцы. Также много среди обратившихся грузин (761), сирийцев (144) и армян (126)». («Дзенник — Газета правна», 27 авг.)

- «Данные о состоянии экономики так хороши, что экономисты говорят о символическом окончании кризиса — символическом, ибо формально его в Польше просто не было. В июле (...) объем розничной торговли вырос на 4,3%, хотя еще в июне составлял 1,8% (...) Инфляция довольно низкая, в связи с чем доходы реально увеличиваются». («Жечпосполита», 27 авг.)

- «Средняя зарплата в июле составила 3825 злотых, сообщило вчера Главное управление статистики. Это на 3,5% больше, чем в июле 2012 г., отмечен также более быстрый рост, чем в июне, когда он составил 1,4%. (...) Реальная средняя заработная плата

продолжает расти, несмотря на то, что инфляция в июле увеличилась с 0,2 до 1,1%». («Газета wyborcza», 20 авг.)

• «За последние десять лет сбережения поляков увеличились вдвое. (...) Вклады среднестатистического поляка в инвестиционных и пенсионных фондах составляют 8,7 тыс. евро. В этом смысле по сравнению с другими европейскими странами мы плетемся в хвосте. (...) Активы поляка едва дотягивают до 15% активов среднего европейца». («Газета wyborcza», 28 авг.)

• «Во втором квартале объем ВВП оказался на 0,8% выше, чем год назад, и на 0,4% выше, чем в первом квартале прошлого года, сообщает Главное управление статистики». («Жечпосполита», 2 сент.)

• «70% ВВП обеспечивают малые и средние предприятия, на которых трудится 75% легально работающих поляков вместе со 100% польских нелегалов». («Bloomberg Businessweek Польша», 26 авг. — 1 сент.)

• «В первой половине этого года поляки запустили свыше 167,7 тыс. индивидуальных предприятий. Это на 13% больше, чем во второй половине прошлого года, когда было создано 148 тыс. таких фирм. (...) В Государственном судебном реестре в первые шесть месяцев этого года было зарегистрировано свыше 17,4 тыс. новых компаний. Это на 5% больше, чем в прошлом году». («Bloomberg Businessweek Польша», 2-8 сент.)

• «Растет количество фирм, производящих экологически чистые продукты. В 2011 г. их было 23 тысячи, а в 2012 г. уже свыше 26 ти. (...) В 2004-2012 гг. количество сельских хозяйств, специализирующихся на органической продукции, а также общая площадь обрабатываемых ими угодий возросли вшестеро». («Дзенник — Газета правна», 12 авг.)

• «Я сторонник так называемых семейных хозяйств. (...) Одна семья может спокойно прокормить себя собственным трудом и собственными средствами. Это несколько десятков голов скота, несколько сотен гектаров пашни. (...) Подобного рода некрупные хозяйства должны сотрудничать между собой, помогать друг другу, договариваться о направлениях своей деятельности, создавать производственные группы — благодаря этому люди учатся не только проверять, но и доверять друг другу. (...) Культура села эволюционирует. (...) По мнению сельских старост, директоров школ и фермеров, католическая Церковь перестала быть тем институтом, с которым имеет смысл обсуждать перспективы дальнейшего развития села. Староста

пользуется монополией на принятие важных решений, принимает на работу бюджетников, и большая часть вопросов решается через него. Эти образованные люди аккумулируют вокруг себя человеческий и социальный капитал и прекрасно обеспечивают развитие деревень, даже лишенных туристической привлекательности или сырья. (...) К сожалению, не лучшим образом на ситуацию с образованием влияет подчинение сельской образовательной системы старосте. Директора школ оказываются заложниками старост, от которых зависит, кого взять на работу, сколько выделить денег. (...) Сегодня очень многие старосты, научившись считать деньги, экономят на всем. (...) А в результате закрываются школы, школьные здания сдаются в аренду коммерсантам. И деревня наверняка дорого заплатит за это. (...) Низкий уровень знаний школьников и студентов не оставляет сомнений, что печальные последствия уже наступают. (...) Жителей села прибывает, всё чаще деревня привлекает поляков больше, чем город», — Петр Новак, социолог сельских районов. («Тыгодник повшехный», 8 сент.)

- «Тонна ржи сегодня стоит 671 зл. Это на 26,7% меньше, чем год назад. (...) Тонна жита стоит 415 зл., то есть почти на 43% меньше, чем в прошлом году. (...) Снижение цен стало следствием хорошей урожайности не только в Польше, но и в мире в целом». («Дзенник — Газета правна», 21 авг.)

- «Еврокомиссия потребовала вернуть 39,2 млн. евро из фонда сельскохозяйственной политики. Поводом стали нарушения, совершенные в 2007–2008 гг. Поскольку польские власти разобрались в ситуации, перечисление денег было приостановлено, но на повестке дня по-прежнему стоит возврат 30 млн. евро». («Дзенник — Трибуна», 14–15 авг.)

- «Шанс на увеличение темпов роста польского ВВП связан с инновациями и предпринимательством. (...) В Польше по-прежнему велик потенциал человеческих амбиций и потребностей, с одной стороны, и профессионализма, инициативности и предприимчивости — с другой. (...) Однако попытки задействовать этот потенциал оказываются безрезультатными — на пути стоит политика защиты ведомственных интересов. (...) Сильнейшим тормозом представляются интересы огромной и постоянно растущей армии бюрократов, которая последовательно расширяет сферу своего негативного и часто грабительского влияния на экономическую жизнь. Чиновники диктуют правила, которые обеспечивают их паразитическое существование и всячески тормозят разгосударствление экономики. (...) В результате

очередных политических изменений чиновников не только оставляют на своих местах, но и добавляют к ним новых, ограничиваясь рокировкой на высшем уровне», — Анджей К. Козминский, президент Академии Леона Козминского. («Жечпосполита», 27 авг.)

- «Стоимость восстановления сети Польских государственных железных дорог в связи с ущербом, нанесенным воровством, составит в этом году 85 млн. злотых. (...) По этой же причине поезда в течении полугодия опоздали в общей сложности на 1,5 тыс. часов, причинив неудобства более чем миллиону пассажиров. (...) Добычей воров становятся в основном семафоры и сигнализаторы, стрелочное оборудование и трансформаторы. (...) В 2012 г. пропало 62 км рельс и 140 км электросетей. В общей сложности было совершено почти 5 тыс. краж (на две тысячи больше, чем в прошлом году). В 2012 г. стоимость потерь подскочила до 21 млн. зл., что в два с половиной раза больше, чем два года назад», — Конрад Майшик («Дзенник — Газета правна», 18 июля)

- «Из скважины близ Лемборка в Поморском воеводстве уже больше месяца добывают сланцевый газ. (...) Фирма «Lane Energy Poland» добывает сегодня около 8 тыс. кубометров газа в сутки. Такое количество пока нельзя считать коммерческой добычей, но до сегодняшнего дня ни в одной другой европейской стране не были достигнуты подобные результаты. (...) И что важнее всего, после короткой стимуляции газ больше месяца самостоятельно выходит на поверхность. (...) С 21 июля с.г. на скважине проводятся производственные испытания, которые продлятся два месяца». (Юстина Пищатовская, Томаш Фурман, «Жечпосполита», 28 авг.)

- «Впервые в Польше не отмечен дефицит внешней торговли. Второй квартал мы закрыли с профицитом. В июне сальдо платежного баланса было положительным и составило 574 млн. евро. Это уже третий по счету профицит, оказавшийся выше, чем в предыдущем месяце». («Жечпосполита», 13 авг.)

- «В первом полугодии наши фирмы продали за границу товаров на сумму свыше 74 млрд. евро. Это на 6% больше, чем в прошлом году, подсчитало Главное статистическое управление. (...) Когда в первом полугодии многие европейские страны еще отходили от последствий кризиса, наш экспорт в эти страны увеличился на 4,3%, а продажа польских товаров в страны Африки выросла на 23,2%, в страны же Центральной и Южной Америки — на 19%, следует из данных, предоставленных министерством экономики. Несмотря на то что удельный вес нашего экспорта на этих территориях (6, 7 и 3 млрд. евро

соответственно) почти в десять раз меньше, чем в Европе, в первом полугодии он был на 1,1 млрд. евро больше, чем в прошлом году», — Януш К. Ковальский («Дзенник — Газета правна», 29 авг.)

- «Сегодня к гданьскому терминалу DCT причалит самый длинный корабль в мире. Его длина составляет 400 м, на нем умещаются 18 тыс. контейнеров. Гданьск — единственный порт на Балтике, который оказался в состоянии принять этого гиганта. (...) Контейнеровоз датского перевозчика «Maersk Line» станет постоянным гостем в Гданьске, куда он будет доставлять из Китая товары для стран Центральной и Восточной Европы». («Газета wyborча», 21 авг.)

- «В первом полугодии 2013 г. объем продаж в страны СНГ достиг 7,2 млрд. евро, оказавшись на 12,7% больше, чем в аналогичный период прошлого года. Этот показатель более чем в два раза выше, нежели рост всего польского экспорта. Самым крупным нашим покупателем выступает Россия — в прошлом году на российский рынок было продано товаров на 3,9 млрд. евро (12,8% роста). Экспорт на Украину составил 2 млрд. евро (рост 10,9%), в Белоруссию — 815 млн. евро (рост 19,6%). (...) Экспорт в Россию вырос на 25,2% по сравнению с 2011 г., на Украину — на 21,5%, а в Белоруссию — на 16,9% (...) В Казахстан мы продали товаров на 208 млн. евро (рост составил 7,1%), на 31,4% вырос экспорт в Узбекистан, на 40,5% — в Таджикистан». (Адам Возняк, «Жечпосполита», 22 авг.)

- «Российские санитарные службы усилили контроль за состоянием наших продовольственных продуктов. Несколько мясоперерабатывающих предприятий потеряли возможность реализовать свою продукцию на территории России. (...) В Европарламенте вчера состоялись дебаты относительно блокировки Россией импорта с Украины. Одной из главных причин этой торговой войны называют Соглашение об ассоциированном членстве в ЕС, которое Украина должна подписать с Евросоюзом в ноябре». («Дзенник — Газета правна», 29 авг.)

- «Россия может ввести эмбарго на ввоз мясо-молочной продукции из Польши, сообщил в субботу представитель Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор) Алексей Алексеенко». («Жечпосполита», 2 сент.)

- «Как сообщает министерство труда и социальной политики Польши, гражданам Северной Кореи в 2011 г. было выдано 239 разрешений на работу. В прошлом году — 509. (...) Польша одна

продолжает сотрудничать с северокорейским режимом. (...) На паях с режимом Ким Чен Ына действует польско-корейская фирма «Хополь», зарегистрированная в Гдыне. Ей принадлежит сухогруз, перевозящий руду, удобрения и уголь из Кореи в Китай. Предприятие убыточное, но наше правительство не только не отказывается от участия в нем, но и планировало в прошлом году покупку второго судна. Если уж польские власти позволяют себе участвовать в политически сомнительном бизнесе, то уж предприниматели и министерство труда тем более не должны испытывать угрызений совести, принимая на работу граждан Северной Кореи». (Милош Венглевский, «Ньюсуик-Польша», 26 авг. — 1 сент.)

- «Согласно последним данным Главного управления статистики, количество профессионально активных поляков трудоспособного возраста составляет 55,5%. Всего работает 15,3 млн. человек, среди которых 8,5 млн. мужчин и 6,8 млн. женщин. В этой группе 11,9 млн. человек работает по найму. Прочие же — предприниматели, в том числе работающие на самих себя либо помогающие членам своей семьи. Среди наемных работников ок. 8,7 млн. работают на основании бессрочного трудового договора, а 3,1 млн. трудятся на условиях повременной оплаты». («Политика», 21–27 авг.)

- «Предприниматели снова задерживают выплату заработной платы. Из последних данных Государственной инспекции труда (ГИТ) следует, что за первые шесть месяцев этого года предприниматели задолжали своим сотрудникам почти 111 млн. злотых. Годом ранее эта сумма составляла 95 млн. злотых. В первой половине 2013 г. инспекторы ГИТ провели 45,4 тыс. проверок — это на пятьсот с лишним меньше, чем в предыдущем году, однако размер задолженности увеличился. (...) Выросло количество фирм-неплательщиков — с 1621 в 2012 г. до 1730 в 2013-м. Денег не получили 62 тыс. работников, в прошлом году таких людей было 47,5 тыс.» (Бартош Сендрович, «Газета wyborcza», 3 сент.)

- «Массы безработных теряют всякую надежду когда-либо найти работу, а молодежь оказывается перед закрытыми дверями. (...) Согласно приблизительным подсчетам, число этих молодых людей за пять лет в одной только Польше достигло 1,5 млн., и это только та часть молодежи в возрасте от 16 до 25 лет, чьи семьи живут исключительно за счет физического или умственного труда. (...) На наших глазах образуется целая армия маргиналов, состоящая в основном из людей молодых, темпераментных, склонных к

культивированию в себе комплекса неполноценности и изнывающих от желания быть замеченными, что отличает их от тех, у кого есть работа, кто зарабатывает деньги и пользуется уважением общества. (...) Из этих отверженных и формируются боевые группы коричневого толка, равно как и всех прочих оттенков», — Адам Михник («Газета wyborcza», 31 авг. — 1 сент.)

• «На десять работающих поляков будет приходиться семь или даже девять пенсионеров, самоуправление будет тратить большую часть бюджетных средств на опеку над пожилыми и одинокими людьми, а население страны составит 30 млн. человек. Такой образ Польши в 2060 г. представили авторы нового демографического прогноза Управления социального страхования. Менее чем за сорок ближайших лет население Польши сократится на 6–8 млн. человек. (...) Семьи, которые потенциально могли бы завести в Польше детей, в массовом порядке выезжают за границу. Из двух миллионов польских эмигрантов самую большую группу составляют люди в возрасте 25–34 лет». (Адам Тыцнер, «До жечи», 19–25 авг.)

• «Объявления в интернете: «Рожаю через месяц. Продам ребенка! (...) Предположительное время родов — начало августа. Гинеколог сказал, что будет девочка. Развивается нормально, плод здоровый. Мне 17 лет, и я забочусь о том, чтобы беременность протекала хорошо. Фотография плода только с 12-й недели, следующие снимки УЗИ невыразительные, мешал живот. Желающих прошу связаться со мной по электронной почте (...)». «Продам ребенка. (...) Мне 18 лет, без вредных привычек. Вместе с моим парнем мы ищем людей, которые хотели бы купить ребенка. Я на втором месяце беременности. Цена на ваше усмотрение. Звоните (...)» («Жечпосполита», 28 авг.)

• «“Окно жизни” — место, где мать может оставить своего новорожденного ребенка без угрозы для его жизни и здоровья. Первый такой пункт был открыт в Польше 19 марта 2006 г. по инициативе архиепископа Кракова, кардинала Станислава Дзивиша. (...) Сегодня по всей стране функционирует 51 такое «окно». (...) За все время их существования в них были оставлены 67 младенцев. (...) В конце 2012 г. Комитет прав ребенка ООН сообщил, что собирается добиться от Евросоюза запрета на оставление детей в «окнах жизни» с целью сохранения возможности идентификации нежеланных детей. (...) «Окна были, есть и будут. Ибо через них видно самое важное: жизнь», — говорит сестра-назаретанка Йозефина Гутковская, руководившая деятельностью первого «окна

жизни» в 2006–2012 гг.». (Мартин Ходунь, «Тыгодник повшехный», 8 сент.)

- «1 июля 2013 г. стартовала первая государственная «Программа лечения бесплодия методом искусственного оплодотворения на 2013–2016 годы». В ней решили принять участие почти 2,5 тыс. пар со всей Польши. Почти тысяча уже приступила к лечению». (Марта Мазусь, «Политика», 4–10 сент.)

- «Выросло количество бездомных. (...) Теперь их почти 31 тыс., что на 19% больше, чем два года назад». («Дзенник — Газета правна», 28 авг.)

- «В конце 2012 г. государственный долг Польши составил уже 886,8 млрд. злотых. И с конца прошлого года сумма долга с угрожающей скоростью приближается к биллиону. Эта скорость опережает темпы развития нашей экономики и всё больше напоминает смертный приговор с небольшой отсрочкой». (Иоанна Сольская, «Дзенник — Газета правна», 2 сент.)

- «Мы живем в мире, где область общественно-политических проблем находится за гранью нашего понимания и не вызывает никакого сколько-нибудь живого интереса. Действительно, кому есть дело до того, что государственный долг вырос на несколько миллиардов?», — проф. Мартин Круль («Газета выборча», 24–25 авг.)

- «Дефицит не свыше 16 млрд. злотых, почти 7,7 млрд. экономии при расходовании средств министерствами — такие изменения внесло правительство в бюджет этого года во вторник. Они были продиктованы тем, что из-за кризиса в государственную казну поступило меньше налоговых платежей». («Газета выборча», 21 авг.)

- «Рейтинговое агентство «Fitch» (...) за ухудшение состояния государственных финансов и отмену первого «порога осторожности» в связи с новеллизацией бюджета снизила рейтинговую перспективу Польши с «позитивной» на «стабильную»». («Жечпосполита», 26 авг.)

- «Проблема, которая связана с выходом Туска из состава кандидатов на высшие управленческие должности в Евросоюзе, говорит о многом. (...) Туск по-прежнему сохраняет за собой на европейской арене позицию сильную и стабильную. Но времена изменились, и снижение рейтинга правящей партии бросается в глаза всё сильнее, что вовсе не сводит на нет польские успехи. Уже очевидно, что Польша пережила

кризисный период 2012–2013 гг., когда зона евро снова оказалась в состоянии регресса, и это единственная страна, которая вот уже 20 лет непрерывно развивается. (...) Польша — тринадцатая страна, новеллизирующая бюджет, а некоторые сделали это уже дважды. (...) Приспособливание бюджетного плана к изменившимся обстоятельствам и новой информации — это в Европе норма, а не исключение из правил. Это основа бюджетной прозрачности», — Януш Левандовский, комиссар ЕС по вопросам бюджета. («Политика», 4–10 сент.)

- «Пенсии, рассчитанные на основе новых правил, на целую тысячу злотых меньше пенсий, рассчитанных по-старому. (...) В минувшем году «новая» пенсия составила 1730 зл., в то время как «старая» составляла 2760». («Жечпосполита», 20 авг.)

- «Предложения об изменениях в Открытых пенсионных фондах (ОПФ), представленные премьером в среду, сводятся к трем основным пунктам. Во-первых, это передача облигаций из ОПФ в Управление социального страхования (УСС) с целью их погашения. Во-вторых, поэтапный перевод активов из ОПФ в УСС за десять лет до пенсии. В-третьих, закрепление возможности принятия участниками системы окончательного решения о перенаправлении новых вкладов в УСС. (...) Реализация этих трех предложений неизбежно приведет к ликвидации ОПФ и передаче средств будущих пенсионеров государству. (...) Законотворческий процесс может быть приостановлен лишь президентом либо Конституционным трибуналом. (...) Для специалистов по конституционному праву здесь налицо нарушение основ управления страной. Осталось найти полсотни смелых депутатов либо воспользоваться поддержкой какой-либо государственной структуры, обладающей правом конституционного обжалования», — Мацей Битер, главный экономист «Wealth Solutions», секретарь Гражданского комитета по вопросам пенсионного обеспечения. («Дзенник — Газета правна», 6–8 сент.)

- «“Биржевые последствия изменений в ОПФ, проводимых правительством, могут превзойти самое смелое воображение”, — считает Веслав Розлуцкий, глава Биржевого совета. Вчера фондовый индекс WIG20 снизился на 4,6%, в среду — на 2% и выше. (...) Инвесторы начали в массовом порядке избавляться от акций, и самыми активными в этом смысле оказались банки. Их акции упали на 5–6, а в некоторых случаях на 9%». («Газета wyborча», 6 сент.)

- «“Предложенные меры способны навредить польской экономике”, — такое совместное заявление сделали вчера Ежи Бузек и Ежи Хауснер. (...) Уже в среду, когда проект реформы был

представлен премьером, министром финансов и министром труда, он подвергся беспощадной критике со стороны Национальной экономической палаты, Экономической палаты пенсионных обществ, конфедерации «Левиафан» и большинства экономистов и аналитиков». (Анна Попёлек, «Газета выборча», 6 сент.)

• «Накопительная пенсионная модель — это один из наиболее действенных инструментов (...) для поддержки благоприятного экономического развития и строительства капиталистической экономики, которая не будет находиться на вторых ролях. Ликвидация либо маргинализация этой модели будет иметь крайне негативное влияние на стабильность государственной пенсионной системы и приведет к трудно восполнимым потерям в экономике, осложнив цивилизационное развитие Польши», — Стефан Кавалец, бывший замминистра финансов, президент компании «Capital Strategy». («Жечпосполита», 26 авг.)

• «Лучшей пенсионной системой я считаю трехуровневую швейцарскую. Правительство обеспечивает только минимальную пенсию, которая выплачивается из сумм обязательных взносов. Обязательны также взносы на второй уровень, то есть в индивидуальные пенсионные фонды. Третий уровень — добровольный, однако налоговая система благоприятствует накоплению здесь дополнительных денежных средств, предназначенных для пенсионных выплат. (...) Национализация частных пенсионных фондов — это серьезная ошибка. Сегодняшнее отношение инвесторов к Венгрии должно насторожить поляков. Мы («Raiffeisen Bank International») сейчас проводим реструктуризацию нашего венгерского бизнеса. Мы закрыли несколько отделений, увольняем людей...», — Карл Севельда, президент «Raiffeisen Bank International». («Жечпосполита», 21 авг.)

• «Если премьер приглашает меня для того, чтобы я участвовал в национализации 270 миллиардов, отложенных на частных счетах на втором уровне пенсионной системы, либо для того, чтобы я сотрудничал с правительством в рамках дальнейшей фискализации государства, то такое приглашение меня не интересует. Если же он, напротив, хочет настоящих реформ, роста экономической свободы, ограничения государственного присутствия в экономике, то я всегда к его услугам», — депутат Ярослав Говин, бывший министр юстиции. («Впрост», 26 авг. — 1 сент.)

• «Депутат Джон Годсон отказался от членства во фракции «Гражданской платформы» (ГП). Он также покидает эту

партию. Поводом для принятия такого решения послужил, как он сам выразился, мировоззренческий диссонанс». («Газета Польска цодзенне», 28 авг.)

- «В игру включилась политика. Если появляются проблемы с бюджетом, ликвидируются «порог осторожности» и ОПФ. (...) Есть серьезная проблема с приростом населения и рождаемостью, которая в Польше самая низкая в Европе. И неизвестно, как эту проблему решить. (...) Какая-то драма приключилась с нашими властными элитами, они потеряли способность рационально мыслить. В расчет берется только то, что помогает удерживать власть. (...) Самая многочисленная партия в Польше, то есть ГП, насчитывает всего лишь 40 тыс. членов, читателей «Впрост» в четыре раза больше», — проф. Павел Спевак («Впрост», 2–8 сент.)

- «Чем поляки моложе, тем они безответственнее. Среди самых молодых, 24 летних, целых 37% полагает, что уплата налогов не относится к обязанностям гражданина. Среди поляков старше 60 лет так считает лишь 16% опрошенных ЦИОМом». («Газета wyborcza», 19 авг.)

- «Если в 2010 г. только 9% дел, расследуемых Центральным антикоррупционным бюро (ЦАБ), было связано с деятельностью органов самоуправления, то теперь такие дела составляют одну треть от общего количества проводимых ЦАБ расследований. (...) За всё это время ЦАБ после проверки деклараций об имуществе должностных лиц органов самоуправления, а также доносов на них возбудило 129 производств о лишении этих лиц их полномочий. 108 человек лишилось должностей, с ними расторгнуты трудовые отношения либо наложены штрафы, в том числе 21 человек ушел по собственному желанию. Все это приносит эффективность на уровне 83%». («Дзенник — Газета правна», 14–15 авг.)

- «На днях вступает в силу поправка к закону о нетюремном лишении свободы в рамках системы электронного надзора. (...) Отменено правило, согласно которому нетюремное лишение свободы назначается только в исключительных случаях. (...) После четырех лет, прошедших с момента нововведения, оказалось, что заключенные, получившие электронные браслеты, не нарушают обязанностей, связанных с такой формой отбывания наказания, что значительно экономит бюджетные средства». (Малгожата Крышкевич, «Дзенник — Газета правна», 27 авг.)

- «47% опрошенных отрицательного мнения о деятельности правительства Дональда Туска, а 23% поддерживают курс правительства. Опрос ЦИОМа от 1-2 августа» («Газета wyborcza», 17-18 авг.)

- «Поддержка партий: «Право и справедливость» (ПиС) — 33%, «Гражданская платформа» (ГП) — 22%, «Союз демократических левых сил» (СДЛС) — 15%, крестьянская партия ПСЛ — 5%, «Движение Паликота» — 3%. Заявленная готовность пойти на выборы — 50%. Опрос Института исследования мнения «Номо Номіні» от 23-24 августа». («Жечпосполита», 27 авг.).

- «Падение доверия к ГП было предварено довольно драматическим разочарованием избирателей в работе правительства и самого премьера. Из лидера рейтингов популярности он превратился в аутсайдера. Ему не доверяет такой же процент общественности, что и Ярославу Качинскому». (Витольд Гадовский, «Газета wyborcza», 3 сент.)

- «На XXIII Экономическом форуме в Кринице председатель ПиС Ярослав Качинский заявил, что в случае его прихода к власти он введет новые налоги, бремя которых ляжет главным образом на предпринимателей. (...) Премьер Дональд Туск парировал: “У меня появилась дополнительная мотивация защищать Польшу от таких вот людей. Что до намеков относительно того, что польский бизнес — это, мол, коммунистическая номенклатура, то скажу еще раз: я благодарю всех польских предпринимателей за то, что они помогли Польше преодолеть кризис”». («Газета wyborcza», 5 сент.)

- «“Польша решила покончить с неосмотрительно объявленной в 2007 г. экспедиционной политикой. (...) Это было неудачным решением для Польши — при любой необходимости отправлять польских солдат в больших количествах на край света. Такую политику мы прекращаем”, — заявил президент Бронислав Коморовский 15 августа. “Мы живем в такое время, когда служба польского солдата вдалеке от Польши остается службой ради спокойствия наших границ. (...) Мы хотим, чтобы этот дорогой оплаченный капитал боевого опыта служил Польше и нашим союзникам всегда и везде, где это необходимо. Так же, как мы рассчитываем на них в случае угрозы нашим границам”, — премьер Дональд Туск, 16 августа». («Впрост», 26 авг. — 1 сент.)

- «Польша не только не примет участия в интервенции в Сирию, но и не окажет этой операции политической поддержки. Ни одно другое крупное государство Евросоюза не

отважилось занять такую позицию. (...) В последние дни как президент, так и премьер-министр не принимали участия в телефонных консультациях глав государств, готовящихся к интервенции в Сирию, хотя польские дипломаты и проводили такие беседы на уровне своих полномочий». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 29 авг.)

• «На изменение позиции Туска относительно Сирии практически не отреагировали ни СМИ, ни оппозиция. Своей провинциально-консервативной ментальностью Польша уже давно выделяется на фоне своих партнеров по ЕС. Несмотря на то, что мы — одна из шести самых больших стран Европы, нас, в принципе, интересуют только те вопросы, которые непосредственно влияют на ситуацию в нашей стране, к примеру, такие, как бюджет Евросоюза или лимиты углекислого газа. За рядом редких исключений, вроде памятного выступления министра иностранных дел Радослава Сикорского, более пространной концепции относительно развития ЕС Варшава так и не выработала. За пять лет нахождения в ЕС мы старательно уклонялись от участия в разрешении кризисной ситуации в зоне евро, хотя от этого зависела жизнеспособность самого ЕС, а также геостратегическая позиция Польши». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 3 сент.)

• «Министр иностранных дел Радослав Сикорский заявил в интервью «Монду», что если Россия действительно хочет помочь развязать сирийский gordiev узел, она должна обезопасить арсенал химического оружия в Сирии, в сооружении которого Кремль участвовал еще в советское время. (...) Российский МИД немедленно раскритиковал польского министра, пытаясь взвалить вину за нахождение химического оружия в Сирии на страны Запада». (Войцех Рогатин, «Польска», 6-8 сент.)

• «Флотилия кораблей НАТО вот уже несколько дней разыскивает и нейтрализует опасные объекты в Балтийском море. Нетронутыми остаются только баки с отравляющими веществами. (...) В операции участвует корабль командования Постоянной группы сил противоминной обороны НАТО «Контрадмирал Ксаверий Черницкий». (...) По расчетам военных моряков во время двух мировых войн в водах Балтики осталось около ста тысяч морских мин. (...) Ученые полагают, что на дне Балтийского моря лежит около 50 тыс. тонн химического оружия. (...) В районах массированного затопления морских мин много рыб, преимущественно больных». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 26 авг.)

- «До сих пор имелись определенные сомнения относительно того, какой фактор имел решающее значение в победе поляков в Варшавской битве 1920 года. Вчера эти сомнения развеял архиепископ варшавско-пражский Хенрик Хосер. “В ночь с 14 на 15 августа 1920 года случилось чудесное явление Девы Марии над отрядами Красной армии, что вызвало панику в их рядах. Это задокументировано свидетельствами многих участников событий 93-летней давности”, — утверждает архиепископ». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 16 авг.)

- «Более ста реконструкторов воспроизвели вчера под Оссувом победу польской армии над большевиками в 1920 году. Реконструкции предшествовали памятные мероприятия на кладбище, где покоятся погибшие в Варшавской битве. Память польских солдат, павших в 1920 г., почтили вместе с памятью жертв смоленской катастрофы. Прелат Ян Анджеевский в своем выступлении представил историческую «цепь» Оссув — Катынь — Смоленск. Часть депутатов совета Воломина вместе с его председателем Мартином Дуткевичем бойкотировала торжества и обратилась с заявлением к властям города, которые представлены в основном членами партии «Право и справедливость», призвав не связывать Варшавскую битву со смоленской катастрофой в рамках одного мероприятия. Однако это заявление никак не повлияло на содержание программы торжеств». (По материалам «Газеты wyborczej» от 16 авг.)

- «Свящ. Александр Яценяк в своей проповеди в варшавском соборе св. Иоанна Крестителя напомнил собравшимся, что вместе с жертвами катастрофы Ту-154М мы также должны чтить память тех, «кто был связан со смоленской трагедией и погиб при стечении странных обстоятельств, и о чьей загадочной смерти СМИ хранят гробовое молчание». Священник назвал несколько фамилий людей, погибших при невыясненных обстоятельствах. (...) Он призвал верующих помолиться за то, чтобы зерно, зароненное в почву действительности этими таинственными смертями, дало обильные всходы правды, позволяющие пролить свет на смоленскую трагедию». (Барбара Федышак-Радзиевская, «В Сети», 19-25 авг.)

- «49% поляков считает, что католическая церковь слишком активно вмешивается в политику. 70% не хотели бы, чтобы церковь и священники высказывались по поводу текущих политических событий. (...) 51% опрошенных высказывается за преподавание религии в школах, а 43% полагают, что преподавание религии необходимо осуществлять лишь на

уровне приходов. Опрос проведен по поручению Института общественных отношений». («Жечпосполита», 6 сент.)

- «В отчете, подготовленном Институтом общественных отношений перечислены следующие недостатки учебника по Закону Божию: 1) фактически поставлен знак равенства между понятиями «польский» и «католический»; 2) католическая Церковь представлена как непогрешимый и не совершающий ошибок институт; 3) внушается мысль, что этика, не связанная непосредственно с религиозностью, гибельна, а право по отношению к религии вторично; 4) наличествуют гендерные стереотипы, в соответствии с которыми, например, женщина представлена как «воплощение заботы и опеки». (...) Ни министерство образования, ни руководство школ не могут влиять на содержание программы Закона Божия, этим занимается исключительно Церковь. (...) Министерство образования также никак не определяет содержание учебников по данному предмету. (...) Плохо организованное обучение Закону Божию способны наплодить фанатиков двух видов: ультракатоликов и антиклерикалов. А между этими двумя крайностями, как следствие, будет дрейфовать абсолютно равнодушное ко всему большинство». (Иоанна Подгурская, «Политика», 4-10 сент.)

- «Конгрегация доктрины веры продолжает рассмотрение дела обвиненного в педофилии архиепископа Юзефа Весоловского. Папа отозвал священника с должности апостольского нунция на Доминикане. (...) Архиепископ Весоловский находился в дружеских отношениях с 36 летним свящ. Войцехом Г., который тоже подозревается в педофилии». (Магдалена Стокло, «Польска», 6-8 сент.)

- «Польская католическая Церковь неким образом оказалась вынуждена вникать в проблему педофилии. В этом контексте важно, чтобы епископат назначил координатора по вопросам защиты детей и молодежи», — Экке Оербек, автор книги «Трепещите», посвященной проблеме педофилии в польской католической Церкви. («Польска», 6-8 сент.)

- «Комендант полиции Радома распорядился снять кресты со стен своего кабинета, секретариата и зала заседаний. (...) Ситуация находится на изучении у внутреннего отдела полиции». («Тыгодник повсехный», 1 сент.)

- «Полиция варшавского района Средместье разыскивает мужчину, который несколько дней назад публично оскорбил гражданина Израиля. Потерпевший приехал в Польшу в гости. (...) На улице к нему подошел какой-то человек и, ничего не

сказав, снял с головы иностранца ермолку, бросил в урну, а потом спокойно отошел». («Газета wyborcza», 24–25 авг.)

• «В пятницу Апелляционный суд в Варшаве постановил, что радио «Эска Рок», в эфире которого недавно насмеялись над чернокожими, должно заплатить 50 тыс. злотых штрафа». («Газета wyborcza», 31 авг. — 1 сент.)

• «“Моряки с учебного парусника «Cuauhtemoc» Военно-морской академии Мексики загорали на пляже в Гдыне, когда на них внезапно напала толпа полуголых пьяных футбольных фанатов, приехавших на матч. Фанаты гнали за мексиканцами с криками: «Грязнули!», «Черномазые!». (...) Некоторые моряки были избиты до потери сознания, раненых забирали кареты скорой помощи. Нападавших было несколько десятков. Полиция приехала только спустя час”, — Ольгерд Квятковский. “Я возмущен жестоким нападением толпы болельщиков на гостей нашего города”, — заявил мэр Гдыни Войцех Шурек». («Газета wyborcza», 19 авг.)

• «На евангелическое кладбище в Собоце (до 1945 г. — Зобтен-ам-Бобер) приехали бульдозеры и срывали кладбище с землей. (...) Всё это продолжалось несколько дней. “Все были в шоке. Какая разница, что здесь лежали немцы, да хоть китайцы”, — говорит молодая мама. (...) Бульдозеры на кладбище направил бурмистр Львовска-Силезского Людвик Казюв. (...) Продавщица из магазина: “Да ведь там похоронены люди с нашей деревни. Мы живем в их домах, сюда приезжают их потомки. Мы боремся за сохранение наших кладбищ на востоке, а сами разрушаем чужие могилы”». (Магда Ногай, «Газета wyborcza», 6 июня)

• «Андрухов, 20-тысячный польский городок, где в заброшенных домах городского центра проживает около 140 цыган. (...) Администраторы «Антицыганского андруховского движения», страницы на Фейсбуке, которая за сутки получила 1,5 тыс. «лайков», хотят заставить местные власти изгнать из города цыган. (...) В Польше (...) живет 12–35 тыс. цыган. (...) Условия их жизни намного хуже, чем у коренных поляков, часто члены цыганских общин не имеют достаточного уровня образования, им в первую очередь грозит безработица и дискриминация. Цыгане живут в изоляции, воспринимая внешний мир как чужой и враждебный. (...) По данным ЦИОМа от 2008 г., поляки относятся к цыганам негативно, руководствуясь при этом в основном стереотипами. 42% опрошенных считают, что цыгане генетически предрасположены к совершению преступлений». (Лукаш Возницкий, «Газета wyborcza», 3 сент.)

- «Страница «Антицыганского андруховского движения» на Фейсбуке была быстро закрыта как распространяющая расизм и ненависть. (...) Однако жители Андрухова собрались на другой странице «Андрухов не для цыган». За неделю страница собрала 2,3 тыс. «лайков». («Газета выборча», 4 сент.)

- «Религиозные меньшинства, как и все прочие, вызывают особое умиление у лево-либерально настроенного обывателя, который не понимает, что, если дать зверю палец, он откусит всю руку». (Филип Мемхес, «Жечпосполита», 21 авг.)

- «Я был там тогда, 11 лет назад. (...) Один из археологов делил найденные зубы на две кучки, в одной — коренные зубы, в другой — молочные. Молочных было очень много. Это, как выяснилось, самый простой способ определить, сколько среди жертв находилось детей. И такая маленькая косточка. Я спросил, что это. «Бедро», — услышал я в ответ. Но где в бедре такая крохотная кость? Только через минуту до меня дошло, что это кость маленького ребенка. (...) Едвабное — это символ. Но таких мест было больше. В Вонсоже евреев убивали топорами и сбрасывали в противотанковый ров. Их можно оттуда выкопать, да вот зачем?» — Петр Кадлчик, глава Союза еврейских общин Польши. («Впрост», 12-18 авг.)

КОНЕЦ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Продолжающееся около трех лет строительство второй линии варшавского метро стало предлогом для политической склоки в связи с историей польско-российских отношений. А выражаясь точнее — могло бы стать, если бы жители Варшавы оказались более податливыми к наущениям и политическим провокациям национально ориентированных правых сил.

Речь зашла об установленном на одной из варшавских площадей памятнике польско-советскому братству по оружию во времена Второй Мировой войны. Станный это монумент: на верхушке пьедестала трое солдат Красной Армии мечутся в бешеной горячке боя, бросая гранаты и стреляя из ППШ, тогда как у постамента четыре солдата Народного Войска Польского стоят, понунив головы, и подремывают. Когда в 1945 г. варшавская публика впервые увидела это выдающееся произведение фигуративного искусства, она хохотала до слез и сразу же окрестила его, присвоив имя «памятника четырем спящим». Это название сохранилось по сей день, обретя почти официальный статус.

Строители метро, которые как раз в этом месте выкопали большой котлован под новую станцию, временно удалили спящих, пообещав, что после завершения работ возвратят их на прежнее место, — в соответствии с польско-российским договором, по которому Польша обязуется ухаживать за этим памятником и согласовывать с Москвой любые решения, касающиеся его судьбы.

Национальные правые круги немедля почуяли запах крови и выступили на битву против столичных властей, обвиняя их в желании восстановить символ советского господства над Польшей. «Мы не даем согласия на возвращение четырех спящих!» — громогласно грянули идеологи и активисты правых, посылая президенту (мэру) Варшавы Ханне Гронкевич-Вальц письма протеста и организовав сбор подписей в интернете.

Надо признать, что площадку для столкновения они выбрали довольно ловко. Их противники не очень-то могут себе позволить открытое выступление в защиту монумента,

который — что бы ни говорить — действительно представляет собой наследие сталинских времен и действительно ассоциируется с той пятидесятилетней эпохой, когда армия СССР удерживала в повиновении всё население восточной половины европейского континента. Разумеется, можно аргументировать, что этот памятник воздаёт почести обыкновенным парням, которых призвали на военную службу и которые не несли ответственность за имперские амбиции государственного руководства. Они просто боролись с общим смертельным врагом, изгоняя его с оккупированных территорий, в том числе из Польши. И погибали в этой борьбе.

Всё сказанное — правда. Этот памятник действительно несет в себе такой смысл. С той лишь разницей, что такой его смысл — отнюдь не единственный. Столь же правомерны и другие способы прочтения его значений. Те же самые советские войска, которые в 1945 г. вышвыривали немцев из оккупированной Польши, в последующие годы стояли на страже тоталитарной системы, насильно навязанной жителям этой части планеты. В 1956 г. они стягивались объездными дорогами к Варшаве, чтобы подавить бунт поляков против коммунистической власти. И остановились в последний момент. Варшаве повезло больше, чем Будапешту — там они не остановились.

Поэтому, когда сегодня «Право и справедливость» (ПиС) организует в Варшаве кампанию против возвращения памятника четырем спящим, то в руках у этой партии сильные козыри, и она ставит противников в затруднительную ситуацию.

Таков старый, испытанный метод национальных правых кругов. Их лагерь специализируется в проведении такой исторической политики, острие которой с виду вроде бы направляется против внешних врагов, однако на самом деле ее целью являются внутренние противники. Борясь с памятником четырем спящим, ПиС выступает вовсе не против советской империи, которая, впрочем, давно уже не существует, и не против сегодняшней России, которая взяла на себя роль охранителя этого символа. Выступает указанная партия против властей Варшавы, которые обвиняются ею чуть ли не в измене: мол, посмотрите, вот они — защитники и наследники советского оккупанта.

Когда летом нынешнего года, в 70-ю годовщину массовых убийств польских жителей Волыни, совершенных Украинской повстанческой армией, те же самые национально ориентированные правые силы организовали весьма спорное

чествование и реконструкцию этой резни, они тоже ставили своей задачей вовсе не унижение или оскорбление украинцев. Главным объектом атаки были власти Польши — их пытались пригвоздить к позорному столбу за мнимое стремление затушевать это преступление.

Такой метод мобилизации общественного мнения и подстегивания коллективных эмоций многократно приносил успех политикам правого толка. Но вдруг за последние месяцы что-то в Польше неожиданно изменилось. Историческая политика перестала быть эффективным способом привлечения общественной поддержки на свою сторону.

Под письмом, протестующим против возвращения памятника четырем спящим на старое место, удалось собрать в интернете меньше 10 тысяч подписей. В двухмиллионной Варшаве! Сами участники этой акции, пожалуй, осознают, что их затея окончилась провалом, поскольку в интернетных комментариях объясняют случившееся техническими трудностями. Подписей могло бы оказаться значительно больше, уверяют они, но соответствующий сервис работал плохо, возникали трудности с регистрацией, и многие из подписей не получилось зафиксировать.

Возможно, это и правда. Однако техническими трудностями уж никак не объяснить результаты анкетирования, которое по заказу варшавских властей провел один из центров изучения общественного мнения, пользующийся хорошей репутацией. Оказалось, что 72% опрошенных жителей столицы хочет, чтобы памятник спящим остался там, где он простоял на протяжении последних почти 70 лет. Такой же процент высказался и в пользу того, чтобы оставить в столице памятник ген. Зигмунту Берлингу — коммунистическому армейскому военачальнику, которого правые тоже хотели бы выдворить из публичного пространства.

Это, естественно, не означает, что поляки вдруг полюбили символы коммунистического прошлого и пересмотрели свое отношение к советской традиции. Их слабая реакция на лозунги и призывы правых кругов свидетельствует скорее о том, что для многих поляков история перестала быть эмоционально живой сферой. Восприимчивость общественного мнения к событиям прошлого решительно уменьшилась.

Правому лагерю не удалось мобилизовать жителей Варшавы на битву с постсоветскими символами, зато в это же самое время профсоюзы вывели на улицы столицы не меньше 100 тыс.

человек, выступающих против социально-экономической политики правительства. Эти сентябрьские демонстрации послужили предвестием изменения политической погоды.

Сегодня не история и не национальные символы, а экономика и социальные проблемы распаляют поляков, доводя их до белого каления. Налоги. Пенсионный возраст. Минимальная зарплата. Безработица. Вопрос о том, чем должно руководствоваться государство: экономическим рационализмом или же чувством общественной справедливости, как ее понимают, например, профсоюзы.

Сентябрьские демонстрации стали сигналом, что тектонические плиты польской политики начали медленно перемещаться. Меняется карта политического руководства в польском обществе. Лица, состоявшие до сих пор лидерами оппозиции, интуитивно ощутили, что на этой волне они не поплывут, а скорее утонут в ней, и поэтому держались в стороне. Ярослав Качинский дал деятелям своей партии указание не участвовать в демонстрациях, организуемых профсоюзами. Вскоре он, однако, изменил мнение, видя, что может утратить эмоциональный контакт с массами. Сегодня правая оппозиция лихорадочно перелицовывает собственный имидж, выставляя в своей пропаганде на передний план социально-экономические вопросы и пытаясь переодеться в облачение левых сил.

Мировой экономический кризис привел к тому, что в Польше настал благоприятный климат для социалистов, профсоюзников, левых. Для приверженцев идей социальной справедливости, в том числе и такой, которая восходит к Робину Гуду, грабившему богатых, чтобы раздавать бедным. Для этатистов, любителей государственного вмешательства и высоких налогов.

Это может предвещать плохие времена для польской экономики, но памятники и исторические символы вздохнут с облегчением.

СУДЬБЫ ГОГОЛЯ, ЛЕЙКИНА И ДРУГИХ

Сегодня имя Лейкина мало что говорит кому бы то ни было. Творчество столь популярного когда-то писателя неизвестно и у него на родине, и за пределами России. А ведь в свое время о Николае Александровиче Лейкине (1841–1906) упоминалось во всех польских энциклопедиях, вплоть до однотомного словаря Станислава Ляма, который был выпущен за несколько месяцев до начала Второй Мировой войны. Там написано, что это русский романист, автор книги «Наши за границей» «и др.». Этих других было довольно много. Из-под пера Лейкина вышло несколько пьес, более десятка романов сатирического характера и около восьми тысяч небольших произведений. Еще до первого обретения независимости наши энциклопедии хвалили его за то, что он, хоть и часто скатывался к карикатуре и фарсу, но «никогда не запятнал своего пера сервизмом». «А что касается юмора, немногие из русских писателей были настолько наделены им».

Цензура, как царская, так и пэнэровская, была, однако, иного мнения. На рубеже XIX–XX веков романы Лейкина в польском переводе появлялись только в автономной Галиции. В 1899 г. варшавский цензор Назаревский предложил запретить распространение романа Лейкина «Наши за границей» на территории, входившей тогда в Российскую Империю. В описании путешествия богатой купеческой четы из Санкт-Петербурга в Париж цензор узрел карикатуру не только на этот слой населения, но и на русских вообще. Действительно, Николай Иванович и его супруга Глафира Семеновна на каждом шагу демонстрируют отсутствие культуры, безграничную наивность и полное невежество во многих существенных областях. Назаревский пояснял, что этот роман не ознакомит с русской литературой и жизнью, а, напротив, может дать полякам пищу для насмешек и всяческих издевательств. Запрету варшавского цензора подверглись и другие сатирические романы Лейкина. Не позволили напечатать «Наших за границей» (в отрывках) и в варшавском журнале «Слово», выходившем в 1882–1914 гг. Ради сохранения доброго имени русских запрещалось не только переводить сатирические романы Лейкина, но, более того, в 1884 г. было предписано изъять их русские издания из варшавских

библиотек и читальных залов, как публичных, так и принадлежавших различным обществам и клубам. В то же самое время соотечественников Марка Твена не беспокоили переводы на многие языки книги его очерков «Простак за границей» (1869), показывавших в сатирическом свете путешествие группы американских туристов по Европе и Святой Земле. В книге они были представлены сборищем неотесанных грубиянов.

Российская же цензура вплоть до 1905 г. запрещала даже постановку «Ревизора» на польских сценах. Во Второй Речи Посполитой цензура не запрещала ни польских, ни русских изданий романа Лейкина. К царским традициям цензура вернулась лишь в «Народной Польше». В 1944–1989 гг. у нас не был выпущен ни один перевод из Лейкина. В тот же период не печатался перевод романа Алексея Константиновича Толстого (1807–1875) «Князь Серебряный», изображавшего в неприглядном виде опричнину и правление Ивана Грозного.

Если в ПНР раздражавшие цензуру тексты изымались даже из собраний сочинений, то в других странах т.н. народной демократии не останавливались перед их кастрацией. Примером может служить Болгария, где из переводов «Кануна весны» Стефана Жеромского были удалены обороты, представлявшие в нелестном виде большевиков, а из перевода его же «Верной реки» вычеркнуты фрагменты, подобным образом показывавшие русских солдат. Этот роман переводчик перевел с русского (sic!), а вину за изъятия свалил на московских цензоров (см. E. Mozejko. Stefan Zeromski w Buigarii // Ruch Literacki. 1963. Z.4).

В межвоенной Польше цензура не позволила выпустить новый перевод «Тараса Бульбы», исторической повести Николая Гоголя, впервые переведенной в 1850 г. Петром Гловацким, народным учителем из Галиции. Ни в одной из польских библиотек не найти ее экземпляра. Здесь, несомненно, сыграла свою роль отрицательная характеристика польской шляхты. Польская молодежь знала это произведение по русскому оригиналу. В частности и поэтому в 1902 г. во многих школах бойкотировались торжественные мероприятия к пятидесятой годовщине со дня смерти писателя.

Второй перевод, подготовленный к печати в 1936 г., был конфискован еще до появления в книжных магазинах. Это решение критически оценивал Антоний Слонимский, выдающийся драматург, автор «Еженедельных хроник», публиковавшихся на страницах «Вядомостей литератских». В этом элитарном журнале, адресованном польской

интеллигенции, Слонимский постоянно нападал на деятельность цензуры. В статье от 28 июня 1936 г. он писал, что «нельзя ставить русские пьесы и исполнять русскую музыку», о чем должна была свидетельствовать упомянутая выше конфискация.

Читателям оставалось краткое упоминание в энциклопедиях. В энциклопедии «Ultima Thule» говорится, что Гоголь был автором исторической повести «Тарас Бульба», в которой выразил «элементарную ненависть к полякам». Подобным же образом информировал читателей своего так высмеянного Тадеушем Бой-Желенским справочника «Что читать» священник-редемпторист Мариан Пирожинский. Эта традиция продолжилась в энциклопедиях, издававшихся в годы ПНР, цензура которой руководствовалась примером своей предшественницы периода санации: в 1956 г. был конфискован еще один перевод «Тараса Бульбы», сделанный Марией Лесневской. Перевод, по слухам прекрасный, пропал после ее смерти. Только в Третьей Речи Посполитой почти одновременно появились два перевода «Тараса Бульбы»: Ежи Шоты (Кросно) и Александра Земного (Варшава, 2002).

Понятное дело, в годы Второй Речи Посполитой (1918–1939) из некоторых русских романов изымались фрагменты, которые могли бы оскорбить польского читателя. Это относилось к писателям, творившим как в царской России, так и в Советском Союзе. Так, цензурные ножницы в 1936 г. радикально прошли по «Гайдамакам» Тараса Шевченко, в частности, по причине содержавшегося в поэме одобрения уманской резни 1768 года. Как показало сравнение полного перевода романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Золотой теленок» (1931) с его новым изданием, вышедшим под названием «Великий комбинатор» (1998), из последнего удалена значительная часть XVII главы («Блудный сын возвращается домой»), в которой католические священники Кушаковский и Морошек представлены алчными и безжалостными дельцами. Внешне они посягают лишь на душу шофера Адама Козлевича, постоянно подчеркивающего свое католичество. На самом же деле они заинтересованы в присвоении его автомобиля. Таким образом, выпал и рассказ великого комбинатора (Остапа Бендера из знаменитых «Двенадцати стульев») о том, как в одном городке, выступая в роли Иисуса Христа, он накормил «пятью хлебами несколько тысяч верующих».

Из «Бурной жизни Лазика Ройтшванеца» Ильи Эренбурга (первое польское издание — 1928) исчезло всё описание пребывания героя в Польше, содержавшее насмешки над ее

офицерами и даже самим Пилсудским. Отметим, что этот прославленный роман многие годы не мог выйти на родине автора, но уже по совершенно иным причинам. Из всех переводов известного романа Николая Островского «Как закалялась сталь» вычеркивали едкое описание государственного герба Польши, который виднелся на столбе у границы с Советским Союзом: одноглавый хищник, вцепившийся в этот столб когтями, вытянув вперед клюв, с ненавистью вглядывается в советский серп-и-молот. Эта поднявшаяся над различиями государственного строя солидарность цензур привела к тому, что из 20 томного издания хроник Болеслава Пруса, вышедшего в ПНР, вычеркивать было нечего: все они прошли перед зоиловым оком царской цензуры, старательно устранявшей любые антирусские аллюзии. Знаменитая пьеса Владислава Анчица «Костюшко под Рацлавицами», ставшая одним из краеугольных камней костюшковской легенды, после 1944 г. еще ставилась на провинциальных сценах. Только через два года кто-то оповестил цензуру об этом несвоевременном воспевании разгрома русских войск. Неважно, что царских, коли у зрителя они все равно могли ассоциироваться с советской армией. Только в немногих постановках «Свадьбы» Выспянского появлялся гетман Браницкий, принимавший русские рубли.

В Польше не вызвало отклика новое издание столь популярной в свое время книги по русской истории Дмитрия Иловайского, причем тиражом 15 тыс. экземпляров (Русская история. Книга для всех. М., 1998). Из краткой вступительной аннотации мы узнаём, что до 1917 г. она издавалась целых 36 раз и пользовалась огромной популярностью. Да и теперь к ней обращаются не только знатоки истории России, но и все, кто хотел бы больше узнать о ее прошлом. Из той же аннотации следует, что книга адресована преподавателям, учащимся и студентам, а также всем интересующимся историей России.

Легко себе представить реакцию Стефана Жеромского на эту похвалу историку, о котором он с такой страстью писал в «Сизифовом труде». Кажется, о его пышущих ненавистью к полякам учебниках ничего не знала Марина Цветаева, уделившая в своих воспоминаниях немалое место деду (см. «Дом у Старого Пимена», польское издание — 1971). Из них мы узнаём, что уже престарелый ученый незадолго до смерти (1920) был арестован ГПУ. К счастью, одну из комнат в квартире Цветаевой занимал поляк^[1], офицер этого зловещего учреждения. По настоятельной просьбе поэтессы он вмешался в дело и добился успеха. При этом он признался, что учился по

учебникам ее деда и получал «единицы». От дальнейших подробностей он, однако, воздержался, так что Цветаева не могла понять, почему, рассказывая об этом, он так заливался смехом. Действительно, кто из выпускников царских гимназий мог предположить, что поручительство поляка спасет от смерти автора учебников, столь враждебных к прошлому его отчизны. Наверное, никто не предполагал и того, что книгу Иловайского, по-прежнему полную антипольских акцентов, будут рекомендовать в «новой», демократической и либеральной России.

1. В книге жилец М.Цветаевой Генрих Бернардович назван евреем. Видимо, именно это обстоятельство так рассмешило его — Цветаева упоминает об «изуверском» антисемитизме Д.И.Иловайского.

«НАДО УСТРОИТЬ СКАНДАЛ В ЗАЩИТУ СИНЯВСКОГО И ДАНИЭЛЯ»

Публикация и предисловие Здислава Кудельского

Перевод Натальи Горбаневской

6 марта 1959 г. в письме Густаву Герлингу-Грудзинскому Ежи Гедройц, редактор парижской «Культуры», восторженно писал о напечатанном в парижской журнале «Эспри» *замечательном* анонимном «эссе советского писателя о соцреалистической литературе» [здесь и далее в тексте публикатора все письма цитируются по оригиналам, находящимся в архиве «Института литерацкого» в Мезон-Лафите. Вставки в квадратных скобках сделаны переводчиком]. Два месяца спустя, 3 мая, он сообщал Герлингу о полученном от редактора «Эспри» *сенсационном* рассказе Абрама Терца. Сборник с произведениями Терца и Анонима (лишь со временем обнаружилось, что автор — в обоих случаях Андрей Синявский) вышел по-польски осенью 1959 г. в «Институте литерацком»^[1].

Следующие рукописи, переброшенные из СССР, попадали к Гедройцу через французскую русистку Элен Пельтье-Замойскую^[2], дружившую с Синявским и Даниэлем.

«Я выбрала «Культуру», — вспоминала она позже, — и у меня нет причин сожалеть об этом решении. Я познакомилась с Гедройцем через моего мужа, польского скульптора Августа Замойского, и знала, что могу доверять его щепетильной порядочности. Точно так же доверяла я Юзефу Чапскому, живописцу и старому другу моего мужа, чудом избежавшему Катыни и написавшему замечательную книгу «На бесчеловечной земле». В них обоих меня поражала редкая черта. Как многие поляки, они немало претерпели от русских и, разумеется, не были коммунистами, но ни разу я не слышала от них горького слова против русского народа. Наоборот, они страстно верили в возможность возрождения традиции, которая некогда соединила Мицкевича и Пушкина»^[3].

Следуя этой традиции, Гедройц издал в «Институте литерацком» еще четыре книги Терца-Синявского: «Фантастические повести» (1961) — по-польски и по-русски, «Любимов» (1963), «Мысли врасплох» (1965) и сборник рассказов Юлия Даниэля (под псевдонимом Николай Аржак) «Искупление и другие рассказы» (1965).

Следуя той же традиции, еще в 1960 г. Гедройц издал выпуск «Культуры» на русском языке — как он сам это в письме от 12 января 1958 г. определил, «в тоне “русским друзьям”»^[4]. Заканчивался номер новеллой Абрама Терца «Суд идет».

С получением новых рукописей Гедройц стал представителем Синявского и Даниэля, чуть ли не их литературным агентом, посредничал в вопросе печатанья, в переводах, с помощью друзей и сотрудников «Культуры» старался разрекламировать полученные тексты, выбивал гонорары. Когда Герлинг в письме 1961 г. обратил внимание, что цена для журнала «Темпо презенте»^[5] и так слишком высока, Гедройц отвечал:

«Мне важны только две вещи. В первую очередь получить деньги, которые, кстати, идут не в мой карман, а в карман авторов. В такого рода «нелегальных» случаях финансовый вопрос не самый главный, но тоже входит в расчет. То, что Терц получил от меня за «Суд идет» совсем неплохую сумму, могло только побудить его поддерживать контакт. В такого рода работе никто мне не помогает даже в переброске этих книг за железный занавес. С другой стороны, не скрою, что мне важна международная позиция “Культуры”» (письмо от 19.10.1961).

Следует добавить, что, поддерживая независимых советских писателей, Гедройц стремился также влиять на установки интеллигенции в Польше.

Представленная здесь подборка писем относится к 1965–1966 гг., когда оба писателя были арестованы, а затем осуждены — Синявский на семь лет лагеря, Даниэль на пять. Ежи Гедройц (с помощью Элен Пельтье-Замойской, Густава Герлинга-Грудзинского и других друзей) с необычайной энергией старался заинтересовать различные международные круги, чтобы они организовали протесты в защиту осужденных. Особое взаимопонимание в вопросе важности таких акций было у него именно с Герлингом, контакты которого, в особенности дружба с Игнацио Силоне, были очень полезны. И Гедройц, и Герлинг были уверены, что процесс Синявского и Даниэля — в истории русской интеллигенции переломный.

*

Переписка Ежи Гедройца с Густавом Герлингом-Грудзинским хранится в фонде «Библиотека Бенедетто Кроче» в Неаполе и в «Институте литеацком» в Мезон-Лафите. Она инвентаризована в рамках проектов, осуществляемых этими учреждениями в сотрудничестве с польской Национальной библиотекой и Главным управлением государственных архивов. В планах архива Герлинга-Грудзинского и «Института литеацкого» — издание полного корпуса этой переписки в краковском «Выдавництве литеацком». Данная подборка печатается с согласия Марты Герлинг, управляющей архивом Густава Герлинга-Грудзинского, и благодаря доброжелательной помощи покойного директора «Института литеацкого» Генрика Гедройца и нынешнего директора Войцеха Сикоры.

Густав Герлинг-Грудзинский — Ежи Гедройцу,

Рим, 20 X [1965]

Дорогой пан Ежи, узнал здесь, что Синявский — это Терц: писали об этом вроде бы американские («Нью-Йорк таймс»), швейцарские и некоторые итальянские газеты (которые я прозевал). Почему Вы умолчали об этом в письме, которое я получил сегодня утром в Неаполе? Прошу подтверждения **вместе с деталями** по возможности обратной почтой и **экспрессом**: как «посол» Терца в Италии должен буду написать статью в «Ла Фьера леттерариа»^[6]. Был бы также благодарен за подсказку, какое направление дать этой статье (чтобы не потопить Терца еще сильнее), и за какие-то сведения об «официальной» литературной деятельности Синявского.

Заранее благодарю.

С наилучшими пожеланиями

Густав Г.Г.

Ежи Гедройц — Густаву Герлингу-Грудзинскому,

[Мезон-Лафит], 23 X [1965]

Дорогой пан Густав!

К сожалению, ничего не могу сказать о Терце. Синявский арестован, и его обвиняют в том, что он Терц, Юрий [так!] Даниэль — под предлогом, что он Аржак. Опасаюсь, что это провокация с целью получить от меня или западной печати подтверждающий материал. В этот момент могу сказать только то, что написал в редакцию «Монда». Прилагаю текст. Похоже, обещают процесс. Синявский достаточно известен и ценим,

чтобы сосредоточиться на нем и устраивать шум, тем более выгодный, что он друг Пастернака и Ахматовой, крайне популярный среди интеллигентской молодежи. Шолохов, который грубо напал на Пастернака за Нобелевскую премию и на самого Нобеля, теперь лауреат и получает премию. Помимо оценки Шолохова как писателя, как человек он подлец. (К Вашему сведению: даже Арагон отказался писать о нем статью по случаю премии (...). Это кое-что значит, так как Арагон — советский цензор во Франции.)

В «Монде» я дал довольно подробный обзор творчества Синявского. По моему убеждению, это процессы, аналогичные польским (процесс Ваньковича и дело Мацкевича и Гжендзинского^[7]). Это доказательство слабости режима, который реагирует истерически. Если Синявский не сломится, его дело может носить принципиальный характер: стать переломным в истории России. Как я Вам говорил, вся эта история — это, в частности, попытка ликвидации «Нового мира». Сегодня партия жалеет, что было разрешено напечатать Солженицына, нападают на Твардовского за публикацию в июньском номере «Н.М.» повести Семина «Семеро в одном доме»^[8]. Думаю, что Вам сейчас предстоит важная роль организовать скандал на своей территории. (...)

Я хотел бы использовать этот момент, чтобы выпустить русское издание «Иного мира»^[9]. Может, это мне удастся.

Благодарю за Кафку^[10]. Очень любопытный. Пришел слишком поздно, чтобы дать в ноябрьский номер. Пойдет в декабрьском.

Вы совершенно правы, что ситуация требует более частых контактов. Писем недостаточно. Но Вы же сами откладываете [приезд в Мезон-Лафит] до весны.

Если будут какие-то интересные вырезки из итальянской печати, очень прошу прислать. (...)

С наилучшими пожеланиями

Ежи Гедройц

ГГГ — ЕГ, [Рим], 26 X [19]65

Дорогой пан Ежи!

Весьма благодарен за письмо. Понимаю, что вы ничего не можете сказать о Терце. Читал Ваши заявления в «Монде» и «Нью-Йорк таймсе», но это не облегчает моей «роли

организовать скандал на итальянской территории». Предположительно я напишу две коротких статьи — в «Темпо презенте» и «Ла Фьера letteraria», — атакуя сам факт ареста Синявского и Даниэля независимо от того, действительно ли они Терц и Аржак (с использованием Ваших подсказок: попытка ликвидации «Нового мира», одновременность происходящего с Нобелем Шолохову). Вчера московский корреспондент «Коррьере делла сера» сообщил, что открытый процесс должен состояться через 10 дней и что обвинение в контрабанде рукописей заменено на обвинение в контрабанде валюты. В Неаполь я возвращаюсь в пятницу пополудни, мы могли бы еще на основе возможных новых сведений установить окончательную линию моих статей.

Я рад что вы принимаете в расчет русское издание «Иного мира». На мой взгляд, пришло время выпустить второй русский номер «Культуры»^[11]; я видел бы в нем мой очерк о Горьком^[12], который, говорят, производит большое впечатление в польских партийных кругах. (...)

С самыми искренними пожеланиями

Густав Г.Г.

ЕГ — ГГГ, [Мезон-Лафит], 28 X [1965]

Дорогой пан Густав!

Посылаю к сведению фотокопию статьи, которая на днях выйдет в «Монде». К сожалению, «Монд», публикация в котором мне очень важна, оставляет за собой копирайт и не соглашается на перепечатку без соглашения с ними. Тем не менее можно использовать факты. (...) Во всяком случае поспешите со статьями, потому что это даст Вам *primeur* [первенство] в Италии.

В настоящее время надо организовать целую акцию в защиту Синявского и Даниэля, заняв по отношению к советским обвинениям, что это Терц и Аржак, позицию, уточненную в моей статье в «Монде». Мне представляется очень важным, чтобы Вы по возможности сразу начали [и] организовали акцию протестов. Это способ, которым весьма злоупотребляют, но, как вижу, дело Синявского разрастается, и такая акция может быть сейчас весьма эффективной. Думаю, что и привлекательной. Действуйте энергично. Жаль, что Вы не начали этого сразу после моего звонка. Тогда бы у Вас был *primeur*. Но и так у Вас первого подробности из статьи Замойской.

Можно воспользоваться конъюнктурой и разместить еще на итальянском издательском рынке рассказы Аржака и «Мысли врасплох» Терца.

Вы правы, что надо бы подумать о новом русском номере. Но пока у меня нет на это ни денег, ни времени. (...)

Очень прошу прислать вырезку из «Коррьере делла сера». Если в этой информации есть тень правды, то это свидетельствовало бы, что я прав, предполагая, что у советских нет никаких доказательств и они эксплуатируют весь скандал, рассчитывая, что мы им эти доказательства предоставим. Теперь ищут какого-нибудь оправдания. В ближайшее время увидим. Очень прошу прислать эту вырезку, как и вообще все вырезки, кас[ающиеся] этого дела, из итальянской печати, которую вы читаете.

С наилучшими пожеланиями

Ежи Гедройц

ЕГ — ГГГ, [Мезон-Лафит], 4 XI [1965]

Дорогой пан Густав!

(...) В настоящий момент у меня никаких новых сведений. Знаю только о массовых арестах в Ленинграде^[13] (около 50 человек) из интеллигентских кругов, но пока у меня нет подробностей. Солженицын недавно отнес новый рассказ в редакцию «Нового мира», который был запрещен цензурой, и прямо после этого у Солженицына провели обыск, где изъяли все рукописи^[14].

Как видите, война идет вовсю. Я, однако, по-прежнему уверен, что это истерическая реакция по образцу скандалов Гомулки и Клишко^[15]

в Польше. Если будет достаточно сильная реакция на Западе, Москва, несомненно, откажется от репрессий. Сделали ли вы уже что-нибудь в смысле монтажа такой акции на своей территории?

Пользуясь конъюнктурой, в скором времени выпущу книгой все рассказы, до сих пор напечатанные в «Культуре». Думаю, что как рассказы, так и «Мысли врасплох» при нынешней конъюнктуре должны бы заинтересовать итальянских издателей. Хочу Вас уговорить этим заняться.

Не помню, писал ли я Вам, что Ю.Даниэль — еврей, поэт, который специализировался в переводах, главным образом еврейской поэзии на русский язык. Здесь несомненно есть антисемитский акцент, очень напоминающий дело Бродского.

С наилучшими пожеланиями

Ежи Гедройц

ГГГ — ЕГ, Неаполь, 8 XI [19]65

Дорогой пан Ежи!

Благодарю за письмо. Написал обе обещанные статьи — во «Фьера леттерариа» и «Темпо презенте», — придерживаясь ваших указаний и очень аккуратно используя статью пани Элен (не приводя имени автора). Однако я не на сто процентов уверен, появятся ли они, потому что из сегодняшней «Коррьере делла сера» вижу (вырезку прилагаю), что дело начинает приобретать ускоренные темпы. Если появится, пришлю Вам вырезку из «Фьеры» («Темпо презенте» Вы получаете).

Прилагаемая вырезка как будто свидетельствует, что Ваша тактика отрицания, в принципе верная и единственная в этих обстоятельствах, близится к концу. Или у них есть доказательства, или С. что-то-то сказал. Когда я получил от Вас статью Элен, что-то меня «кольнуло». И с облегчением вздохнул, узнав, что в «Монде» она не появится.

Прилагаю также вырезку из «Коррьере делла сера» от 6 сентября: в этом репортаже из Варшавы вы найдете хвалебное упоминание о «Культуре».

С наилучшими пожеланиями

Густав Г.Г.

P.S. Только что получил номер «Фьеры» с моей статьей^[16] (напечатана как передовая на первой странице). Прилагаю вырезку. Все детали о Синявском и Даниэле, а также информацию о Солженицыне перенес, чтобы не повторяться, в статью для «Темпо презенте»^[17].

ГГГ — ЕГ, [вероятно, Рим], 13 XI [19]65

Дорогой пан Ежи, вот что я сделал:

дал ваше заявление для публикации в «Ла Фьера леттерариа» с просьбой, чтоб они его соответственно комментировали;

ухватил в корректуре свою статью для «Темпо презенте» и соответственно ее изменил;

инструктировал критика «Эспрессо» Паоло Милано, который обещал мне написать обо всем деле один из своих ближайших фельетонов^[18].

Вот что я еще намерен сделать:

уговорить «Ла Фьера леттерариа» перепечатать из «Темпо презенте» рассказ Аржака-Даниэля «Руки»;

написать для «Ла Фьера леттерариа» статью о «Мыслях» Терца-Синявского;

подсказать Риццоли^[19] издание книгой всех трех рассказов Аржака.

Что до протеста, то здесь господствует убеждение, что его должен изготовить Конгресс [свободы культуры] в Париже и переслать в Рим уже с подписями французских и английских писателей; только тогда итальянские писатели с «большими именами» (Моравиа et consortes [и собратья]) присоединят свои подписи; так что мобилизуйте Еленского.

Это всё, больше не могу. Через два-три дня возвращаюсь в Неаполь, должен немножко заняться своей собственной работой. (...)

С наилучшими пожеланиями

Густав Г.Г.

ЕГ — ГТГ, [Мезон-Лафит], 15 XI [1965]

Дорогой пан Густав!

Позавчера Коллинз [английский издатель Синявского и Даниэля] организовал пресс-конференцию по поводу ареста Терца и Аржака. Может, итальянский издатель сделал бы что-нибудь подобное?

Мне пришло в голову, не удастся ли организовать в Италии «суд» над Терцем и Аржаком с участием как можно более видных писателей и правоведов. Такого рода зрелище может произвести большое впечатление, так как эта форма не стала банальной и, хорошо организованная, может вызвать сенсацию. Это был бы случай затронуть и другие дела такого рода из прошлого. Советских это поставило бы в очень трудное

положение и могло бы повлиять на дальнейшую судьбу арестованных. Подумайте об этом.

Буду очень благодарен, если дадите поручение выслать мне два или даже три экз[емпляра] «Темпо презенте» с вашей статьей. Вообще буду Вам очень благодарен за, по возможности, все вырезки, кас[ающиеся] этого дела. Мне надо собирать их не только для себя, но и чтобы рассылать заинтересованным. Время от времени есть такие возможности, а для них это очень важно.

С наилучшими пожеланиями

Ежи Гедройц

Такой «суд» мог бы передаваться по радио или даже пойти по телевидению.

ЕГ — ГТГ, [Мезон-Лафит], 16 XI [1965]

Дорогой пан Густав!

Спасибо за письмо. Действительно, Ваша деятельность замечательна. Только очень прошу вырезок, по возможности в двух экз[емплярах]. Мне это очень важно. Завтра иду на конференцию в Конгрессе [свободы культуры], сообщу Вам о результатах. Мориак обещал написать. К сожалению, А.Ахматова не приехала. Юзя [Юзефа Чапского] удалось втиснуть на завтрак для русских поэтов, который устраивает для них Пьер Эмманюэль. Увидим, удастся ли что-нибудь разнюхать. (...)

С наилучшими пожеланиями

Ежи Гедройц

ГТГ — ЕГ, Неаполь, 25 XI [19]65

Дорогой пан Ежи!

Благодарю за письмо от 16 ноября. Прилагаю накопленный урожай моей «деятельности». Возвращаюсь из двухдневной поездки в Рим. Поехал туда еще раз по телефонной просьбе Лабедза^[20] (а вроде бы и Вашей), чтобы дожать дело протеста итальянских писателей. Как Силоне, так и Кьяромонте готовы этим заняться, но ждут аналогичного выступления французских и английских писателей. Между тем, вопреки торжественным заверениям Лабедза, письмо английских писателей не появилось в «Таймсе» ни в понедельник, ни во

вторник. Больше я действительно ничего сделать не могу. (...) Забыл еще одно: Риццоли написал мне, что вскоре обратится к Вам за правами на Аржака.

С наилучшими пожеланиями

Густав Г.Г.

ЕГ — ГТГ, [Мезон-Лафит], 27 XI [1965]

Дорогой пан Густав!

Благодарю за письмо, вырезки и статью. (...) не очень понимаю, почему Лабедз не прислал Вам вырезки из «Таймса», где был этот протест. (...) и тоже самое «блокнот» Мориака из последнего «Фигаро литтерер»^[21]. Очень хороший.

Любопытно мне, как будет развиваться ситуация. Здесь на пресс-конференции Сурков заявил, что следствие будет проведено быстро и что не будет нарушений законности. Он пытался поставить под сомнение литературную ценность Синявского, но без нажима. Зато Твардовский очень резко поставил вопрос, произнося хвалы Синявскому и [говоря,] что его судьба — вопрос нашей совести и что возвращение к сталинским методам невозможно. Вообще у меня такое впечатление, что позиция писателей стала жестче. Это особенно ощущалось у Беллы Ахмадулиной. (...)

Я хотел бы организовать что-то вроде «table ronde» [«круглого стола»] о польско-русских отношениях на радио «Liberty» [«Свобода»] по-русски. Такое очень «герценовское». С участием Вашим, Юзя [Чапского], Гостовца, может быть Лободовского^[22]. Что Вы об этом думаете? Если начнет вырисовываться, Вы приехали бы? Какие у Вас идеи насчет такого «table ronde»?

Риццоли прислал просьбу о правах на Аржака. Мой Аржак тоже как раз выходит книжечкой. Вышлю Вам послезавтра.

С наилучшими пожеланиями

Ежи Гедройц

ЕГ — ГТГ, [Мезон-Лафит], 4 XII [1965]

Дорогой пан Густав!

Благодарю за письмо. Пока не думаю о перепечатке вступительной статьи Синявского к Пастернаку, так как хотел бы издать антологию «Синявский-Терц» вместе с

предисловием и несколькими очерками нескольких славистов, которые — независимо от их профессиональной компетентности — были его друзьями. Дело выяснится до конца месяца. Дело Синявского развивается, и мы едва в его начале. Мне всё больше кажется, что оно будет значащим этапом в развитии ситуации в России. По недавно полученным сведениям, в Московском и Ленинградском университете попросту идет брожение. Есть даже попытки продемонстрировать. Всё под лозунгом борьбы со сталинизмом. Требуют освобождения или открытого процесса. Дело Синявского — Даниэля — главная тема всех разговоров. Любопытно, что ряд французских коммунистов откровенно занимает позицию «про» — во главе с этой дрянью Арагоном. Смена фронта Арагона так же характерна, как эволюция Эренбурга: оба обладают «чутьем». Синявский, к сожалению, в тюрьме заболел. Подробностей еще не знаю.

Что касается «table ronde», то, радуясь, что мысль Вам понравилась, буду уговаривать Вас принять участие. (...) То, что Ваш русский язык заржавел, вовсе не помеха. [Александра] Вата не хочу, потому что это будут запутанные рассуждения и из него поперет резкий антикоммунизм. (...) На следующей неделе начну разговаривать об этом с «Liberty». Очень прошу Вас подумать над направлением такой дискуссии. Потому что вы правы: это не может быть импровизация. Кстати, думаю потом напечатать тексты в «Культуре». (...)

С наилучшими пожеланиями

Ежи Гедройц

Я потому, в частности, придаю такое значение Вашему участию в «table ronde», что Вы автор «Иного мира», а я рассчитываю в будущем году довести до его издания по-русски.

ГТГ — ЕГ, Неаполь, 10 XII [19]65

Дорогой пан Ежи!

Благодарю за письмо. Мне очень нравится замысел антологии «Синявский-Терц». Что касается статьи Синявского о Пастернаке, то, прочитав ее, я и так отказался бы от своего предложения: она написана с образцовой (по советским условиям) добросовестностью, но не вносит ничего нового.

Я с Вами на сто процентов согласен, что казус Синявского — Даниэля может быть переломным пунктом в развитии ситуации на поле русской интеллигенции и его следует

разыграть умело и до конца, ни на минуту не останавливаясь. В январском номере Вы, на мой взгляд, должны дать обширный обзор всемирных откликов, которые станут, быть может, также острой для писателей в Польше (поляки не любят, чтобы русские их обгоняли). Лучше всего такой обзор составил бы Еленский, у которого уже немалый опыт в этой области.

Прилагаю вырезку из «Ла Фьера леттерариа»^[23]. Из заметки в сегодняшней «Коррьере делла сера» Вы увидите, что мне всё-таки удалось изловить итальянских писателей. Ват теперь был бы идеален как автор вступительной статьи о ничтожестве Шолохова.

Что до русского «table ronde» — еще увидим. Однако настаиваю: мой русский слишком заржавел, особенно перед микрофоном, где нужна большая раскованность. Что же до направления, то отличную исходную точку дал Гостовец в своей статье о Терце^[24]. Что-то похожее и я написал в предисловии ко второму изданию «Иного мира» и во вступлении к антологии «В своих глазах»^[25].

С наилучшими пожеланиями

Г.Г.Г.

ГТГ — ЕГ, Неаполь, 11 XII [19]65

Дорогой пан Ежи!

Прилагаю первую страницу сегодняшнего номера «Ла Фьера леттерариа». В письме в редакцию генеральный секретарь COMES (Европейского сообщества писателей) Вигорелли^[26] защищается от обвинений в том, что не выступил по делу Синявского и Даниэля, приводит текст своей телеграммы Суркову и текст ответа Твардовского, обещает дальнейшие акции и предлагает их методы, полемизирует со мной по вопросу информации об обыске у Солженицына и обещает созвать чрезвычайное заседание надзорного совета COMES, если эта информация окажется правдивой. Это последнее довольно важно. Если у Вас есть какие-то конкретные доказательства этого обыска, прошу прислать безотлагательно, чтобы я мог ковать, пока железо горячо.

Под письмом Вигорелли Вы найдете обращение итальянских писателей к Шолохову со всеми подписями.

С наилучшими пожеланиями

Густав Г.Г.

ЕГ — ГТГ, [Мезон-Лафит], 14 XII [1965]

Дорогой пан Густав!

Благодарю за письмо и вырезки и поздравляю с протестами. Вы уже знаете из прессы о попытках студенческой демонстрации в Москве^[27]. Всё развивается неожиданно. Думаю, что ситуация в самом деле созревает и нужно этому способствовать, само собой разумеется, уже теперь стараясь соответствующим образом направлять. Здесь нам никто не поможет, и здесь мы будем иметь весь Запад против нас. А надо стараться довести до того, чтобы эти перемены были вдохновлены нами. Коротко говоря, польско-русская нормализация путем революции. Это будет реальней, чем в [19]19 г. благодаря отсутствию польских помещиков, отсутствию (таких резких) социальных акцентов. Это может быть скорее интеллигентская революция. А за нами миф октября [1956 го]. Само собой разумеется, и теперь против нас будет всё польское общество.

Потому-то этот «table ronde» мы должны провести. Рассчитываю переломить Ваши сомнения. Ваше замечание о статье Гостовца справедливо. (...)

Думаю, как бы в этих поисках сенсации не было опасения, что редакторам придется прятаться от бомб. А это важно: собственно польские дела всё меньше интересуют Запад, и мы можем только прицепляться к русским делам. Поэтому я так забочусь о Терце. Некоторые даже корят, что я излишне беспокоюсь о рекламе «Культуры». Но это же единственный шанс вбить в голову, что мы — канал, и хороший канал. Русская эмиграция во главе с «Посевом» бойкотирует всё дело: мол, «поляки»; достопочтенный Коллинз при помощи Лабедза (Коллинз купил «Энкаунтер») дает понять, что только он монополист. Даже начинают фабриковать побасенки. Так, например, Харрари отличилась буйным воображением, напечатав, что Синявский из староверов, и вокруг этого плетет рассуждения. А «Нью лидер», который ведет себя как гангстер? Перепечатал «Мысли врасплох» и обеспечил себе американский копирайт. Всё это выглядит жалко, но терпеть этого нельзя. (...)

С наилучшими пожеланиями

Ежи Гедройц

ГТГ — ЕГ, Неаполь, 19 XII [19]65

Дорогой пан Ежи!

Благодарю за оба письма. Информация о демонстрации студентов в Москве необычайна. Быть может, мы вступаем в новый период, в период, которого ждали много лет. (...) Прилагаемая вырезка, должно быть, убедит Вас в том, что польскими делами всё-таки на Западе интересуются. Вы найдете там, в частности, большие абзацы о Мацкевиче и Гжендзинском. Я понимаю, что неизбежно раздражают разнообразные эксплуататоры типа Коллинза, «Нью лидера» и Манюси Харрари, но у Вас нет причин огорчаться: в Италии, например, в кругах людей, интересующихся этими делами, позиция «Культуры» великолепна. Вежинский показывал мне в Риме статью о вас всех в «Тайме» — это доставило мне большое удовольствие.

Силоне говорил мне, что Вигорелли из COMES'а и Карвер^[28] из ПЕН-клуба хотят направить в Москву совместную делегацию в связи с арестом Синявского и Даниэля. Силоне предложил, чтобы в нее кооптировали Вас как главного (на Западе) актера этой драмы. По мнению Еленского, это было бы принято как провокация, я же считаю, что пришло время повышать ставки в игре. (...)

Оба мы посылаем наилучшие рождественские и новогодние пожелания всем жителям [Мезон-]Лафита: Вам, Герцам^[29], Чапским [Юзефу и его сестре Марии] и пану Генрику [Гедройцу].

Густав Г.Г.

ЕГ — ГТГ, [Мезон-Лафит], 27 XII [1965]

Дорогой пан Густав!

Очень вдохновило меня известие о проекте совместной делегации ПЕН-клуба и Comes'а и об инициативе Силоне. Я об этом ничего не знал, и никто мне ничего не сообщал. Думаю, что проект будет торпедирован моими «друзьями». Во всяком случае я очень благодарен Силоне и, само собой разумеется, если бы это всё-таки осуществилось, готов ехать несмотря на некоторый несомненный риск. Ну, нельзя же играть не рискуя.

Недобрые известия из Москвы. Согласно этим известиям, Синявский ныне подвергается соответствующему химическому traitement [досл. лечению, зд. обработке] типа «сыворотки правды» в перспективе процесса. Это известие от очень серьезных людей, которые только что вернулись из Москвы. Само собой разумеется, такого рода слухи

непроверяемы, но упорное молчание советских властей по отношению ко всем протестам дает основание предполагать, что что-то не в порядке. Одно хорошо (и знаменательно), а именно: массу людей допрашивают в связи с Синявским и Даниэлем, и все ведут себя замечательно. Это тоже новое явление. (...)

С наилучшими пожеланиями и всех благ

Ежи Гедройц

P.S. Буду благодарен за сообщение, чем кончилась инициатива Силоне. Подогревайте его.

ЕГ — ГТГ, [Мезон-Лафит], 2 I [1966]

Дорогой пан Густав!

Риццоли отказался издавать Аржака книгой. Весьма сожалею. Сейчас он выходит по-французски.

У меня сведения, что в СССР готовится бурная кампания против Терца как антикоммуниста и крайне правые круги в Союзе писателей хотят требовать его исключения. Стоит заранее бить тревогу.

Есть ли у Вас какие-то подробности (или, м.б., Вы можете узнать) относительно этой делегации Карвера—Вигорелли? До меня ничего не дошло.

Наилучшие пожелания

Ежи Гедройц

ГТГ — ЕГ, Неаполь, 5 I [19]66

Дорогой пан Ежи!

Силоне получил ответ из Парижа, что Ваше участие в делегации было бы понято в Москве как провокация... Проект в конечном счете провалился. Не знаю, пошлют ли вообще эту делегацию. Пока что Карвер и Вигорелли изготовили совместное заявление в защиту Синявского и Даниэля.

Меня очень встревожило то, что Вы пишете о том, как обрабатывают Синявского: если процесс окажется дурным, то несмотря на все уроки и опыт прошлого русским снова удастся вызвать на Западе дезориентацию (по крайней мере, таково мое мнение).

Новости, полученные здесь, хороши (прилагаю вырезки). В одной итальянской газете я также вычитал, что в Ленинграде арестовали 250 студентов за участие в издании и распространении нелегального журнальчика... «Колокол». Вы что-нибудь об этом слышали?

С наилучшими пожеланиями

Густав Г.Г.

ГТГ — ЕГ, Неаполь, 12 I [19]66

Дорогой пан Ежи!

Благодарю за письмо. (...) В Риме я разобрался, какова будет линия итальянских коммунистов и попутчиков по делу Терца. Вот что они скомбинировали. Терц выбрал себе еврейский псевдоним, чтобы направить подозрения на своих коллег-евреев и тем самым поставить их под удар, он антисемит и реакционер. Я всё чаще думаю, что только человеческая глупость и убожество дают некоторое понятие о бесконечности. (...)

С наилучшими пожеланиями

ЕГ — ГТГ, [Мезон-Лафит], 25 I [1966]

Дорогой пан Густав!

Отвечаю на письма с огромным опозданием, но некоторое время сидел в Лондоне, главным образом чтобы разные дела обсудить с Меровским^[30]. Кроме того думаю над проведением большого опроса среди всемирных советологов на тему «агонии Советского Союза». Пишу, само собой разумеется, в сокращении. Такого рода опрос может дать любопытный результат, а при некоторой рекламе, которую дело Терца — Аржака сделало «К[ультуре]», рассчитываю, что большие бонзы согласятся ответить.

Жаль, что эта делегация не осуществилась. Сопротивление Парижа, т.е., как догадываюсь, Конгресса [свободы] культуры, мне понятно.

Как Вы знаете из печати, советские прервали молчание. Травля совершенно как в деле Пастернака. Как раз *a propos* [досл. к слову, зд. по поводу] этого у меня есть одно предложение. Я получил стенограмму заседания Союза писателей в Москве, на котором исключали Пастернака. Документ поразительный, а в то же время язык тот же, что в «Известиях». Думаю, было бы

некоторой сенсацией опубликовать это сейчас^[31]. В машинописи 35 стр. Какие вы видите — если вообще видите — возможности?

Не все коммунисты ведут себя, как итальянские. Вышла крайне интересная статья К.Х.Хетманссона в «Стокгольм тиднинген» от 15 го числа. Заглавие — «Полиция со взглядами». Он, в частности, пишет: «арест двух советских писателей и приговор польским ученым (речь идет о Хассе, Смехе и др., остаток группы Модзелевского^[32]) свидетельствуют о новых заморозках, которые воцарились в культуре различных социалистических стран... это очень негативные тенденции. Литературу нельзя рассматривать как валютные преступления... Быть может, и я не согласился бы с содержанием этих книг, напечатанных за границей. Но это другое дело. Речь идет о том, что со взглядами надо бороться другими взглядами, а не полицией и судебным приговорами». Это, может быть, стоит использовать. Прилагаю фотокопию и вырезку из «Известий».

О Терце ничего особого не знаю. Его держат en secret [в одиночке]. (???) (вычеркнуто: Ходят упорные слухи, что его химически готовят к процессу. Это, конечно, трудно проконтролировать, но есть обстоятельства troublant [тревожные]). Есть также проявления странной подлости и отваги. Один студент [безусловно, аспирант] в Институте мировой литературы в Москве защищал кандидатскую диссертацию. После защиты он поблагодарил тех, кому был особенно обязан: Синявскому и Дементьеву. Дементьев вскочил как ошпаренный, крича, как можно его ставить наравне с предателем. Это тот самый Дементьев, который вместе с Синявским написал книгу о революционной поэзии^[33]. Это пока исключительно для Вашего частного сведения, а не для печати. Дам знать, когда об этом можно будет написать.

Жаль, что Вы торпедировали книжное издание Аржака. Защищаю [свое мнение], что «Искушение» — большая литература, не говоря уже о «Мыслях врасплох». Но à propos Аржака: «Темпо презенте» не заплатило мне еще за «Руки». Сейчас я, как Гарпагон, собираю для них [Синявского и Даниэля] деньги.

А propos проектируемого опроса: буду благодарен за подсказку имен (вместе с адресами).

С наилучшими пожеланиями

Ежи Гедройц

ГТГ — ЕГ, Неаполь, 31 I [19]66

Дорогой пан Ежи!

(...) В итальянской печати все по-прежнему довольно благородно защищают Синявского и Даниэля. Я уже не собираю вырезок, так как пришлось бы устроить особую картотеку. Я скорее пессимист в отношении процесса. Резкость нападок в советской печати, по-видимому, указывает, что, во-первых, решено вынести тяжкий приговор, а во-вторых, обвиняемых уже успели соответственно обработать. Очень хотел бы ошибиться.

С чего это Вам пришло в голову, что я торпедировал книгу Аржака? Прямо наоборот — я поддерживал ее горячо и с упорством. Сам Риццоли в последний момент отказался, не сообщив мне причин. (...)

С наилучшими пожеланиями, также Зигмунтам [Зигмунту и Зофье Герц] и пану Генрику.

ЕГ — ГТГ, [Мезон-Лафит], 18 II [1966]

Дорогой пан Густав!

Ваша статья в самом деле великолепна^[34]. Помещаю ее в начало номера. У Игнацио только два вопроса: в конце вы пишете о немногочисленных экз[емплярах] западных изданий на рус[ском] языке, которые попали в Россию. Что немногочисленные — согласен, но в первую очередь попали экземпляры на польском языке. Я сам с друзьями — и своими, и обвиняемых — послал разными путями, знаю, что дошли, и, кстати, об этом говорилось в зале суда.

Второе, совсем новое, о чем вы знать не могли, когда писали статью: напечатанный в «Юманите» протест Арагона и реакция большинства западных компартий. Это тоже историческое событие, притом только начало. По мнению зд[ешнего] Кэ д'Орсе [французского МИДа], нельзя исключить, что из-за этих реакций была отложена конференция коммунистических партий, которая должна была состояться в Москве сразу после съезда партии [КПСС], который будет в марте. Съезд тоже наверное будет *mouvemente* [бурным]. Поэтому я прошу Вас добавить хоть несколько слов на эту тему. В частности, для людей в Польше это будет очень важно.

У меня нет иллюзий насчет размера гонорара от «Темпо презенте», но я хочу собрать что можно. В настоящий момент

есть проблема помощи им. Даже если их под тем или иным предлогом освободят, их материальное положение будет трагическим. На следующей неделе у меня будет совещание по этому вопросу, вдобавок рассчитываю, что должны прийти сведения из России.

Дайте мне знать насчет судьбы стенограммы. Я предложил «Либерти» и «F[ree]E[uropе» — «Свободной Европе»), чтобы они сделали из этого [радио]пьесы. Посмотрю, как они откликнутся. За стенограмму платить не потребуется, но понятно, хотел бы, чтобы было отмечено, что получено это от нас.. (...)

С наилучшими пожеланиями

Ежи Гедройц

ГГГ — ЕГ, Неаполь, 20 II [19]66

Дорогой пан Ежи!

Благодарю за письмо и за похвалу моему комментарию. Первое дело очень легко поправить. Соответствующее предложение в скобках должно звучать так: «и немногочисленных их соотечественников в польских переводах и заграничных русских изданиях». Со вторым — та трудность, что каждый день приносит что-то новое. Предлагаю дать под статьей прибавление «От редактора» примерно в таком духе: «Герлинг-Грудзинский писал свой комментарий 15 февраля, на следующий день после приговора, и еще не мог знать размеров и размаха волны протестов. Она охватила (что в данном случае особенно важно) почти всех коммунистических или близких к коммунистам писателей и интеллектуалов на Западе. В частности, на страницах «Юманите» выступил Арагон, некогда пропагандист соцреализма во Франции. В хорошо информированных кругах предполагают, что в силу таких резких протестов будет отложена международная конференция коммунистических партий, которая должна была состояться сразу после мартовского съезда КПСС. В самой России (как сообщает «Коррьере делла сера» от 19 февраля) женам Синявского и Даниэля дали свидание с осужденными, но при условии, что они ничего не скажут о реакции Запада на процесс, а Константин Паустовский, прекрасный писатель и один из русских кандидатов этого года на Нобелевскую премию, направил письмо адвокатам Синявского и Даниэля, содержащее критику обвинительного заключения. По сообщению той же итальянской газеты, арестованы и помещены в сумасшедший дом два молодых писателя, один из

которых пытался прорваться в зал суда, а второй категорически отказался дать показания, от кого он получил перепечатку произведений Синявского и Даниэля».

Форма «От редактора» позволит Вам включить туда всё, что вы еще узнаете до подписания номера в печать.

Пастернаковская стенограмма произвела на меня глубокое впечатление. В среду еду в Рим: стану там хоть на голову, лишь бы ее напечатали в «Темпо презенте». Но Вам тоже следует ее напечатать (пусть даже петитом) в «Культуре». Это документ огромного значения. (...)

С наилучшими пожеланиями

Густав Г.Г.

ЕГ — ГТГ, [Мезон-Лафит], 24 II [1966]

Дорогой пан Густав!

Очень рад, что вы всё-таки оценили стенограмму Пастернака. Обращаю внимание, что в последнем номере «Пари матч» помещена фотография, где Синявский [публикатор пишет: нрзб. — несомненно, несет] гроб Пастернака. А в последнем же номере «Литературной газеты» — сообщение московского Союза писателей об исключении Синявского. В сумме может получиться в «Темпо презенте» или еще где-нибудь нечто весьма смачное.

Другое дело: размышляю над составлением «белой» (пожалуй, красной) книги, которая содержала бы все важнейшие протесты или отклики на Западе в связи с этим делом. Вопрос: под чьей фирмой это издать? Кто знает, не был бы самой лучшей фирмой Вигорелли как Comes. Что Вы об этом думаете? Думаю, ясное дело, об издании по-русски. Во всяком случае по-прежнему прошу присылать самые интересные вырезки из итальянской прессы, по крайней мере той, которую Вы просматриваете. (...)

С наилучшими пожеланиями

Ежи Гедройц

ЕГ — ГТГ, [Мезон-Лафит], 13 III [1966]

Дорогой пан Густав!

(...) 16-го в Париже должна пройти сессия Comes'а. Приехал Ивашкевич^[35]

Должен приехать Твардовский. Хотел бы я знать, будет ли создана совместная с ПЕН-клубом комиссия по вопросу защиты Синявского/Даниэля. Французская вечерняя печать сообщила, что польский ПЕН-клуб выразил протест по делу Синявского. Слишком красиво, чтобы быть правдивым. Парандовский? Наверняка ерунда.

Видите ли Вы возможность развернуть акцию протеста в итальянских университетах?

С наилучшими пожеланиями

Ежи Гедройц

ЕГ — ГТГ, [Мезон-Лафит], 17 III [1966]

Дорогой пан Густав!

Разумеется, в высшей степени поддерживаю приглашение в М[езо]н-Лафит. Радуюсь вашему с женой приезду. Тем более, что есть масса дел, нуждающихся в обсуждении: во многих вопросах мы стоим сейчас перед весьма принципиальными решениями — а здесь в Париже живешь как в пустыне.

(...)

Здесь идет съезд Comes'а. Хотелось бы узнать, какие он даст результаты и будет ли создана совместная комиссия защиты Синявского вместе с ПЕН-клубом. Мой идеал — чтобы такая комиссия издала «белую книгу» и создала фонд помощи, который я вижу шире, чем одна только помощь Синявскому. К сожалению, как Замойская, так и я стоим за рамками всех этих акций, так что я могу только «подпускать» разные вещи весьма косвенно. Слышал я, что, по мнению Еленского, Вигорелли якобы слепо слушается Силоне, а вы лично не переносите Вигорелли — впрочем, со взаимностью. (...)

С наилучшими пожеланиями

Ежи Гедройц

ЕГ — ГТГ, [Мезон-Лафит], 31 III [1966]

Надеюсь, что это письмо — несмотря на зд[ешние] забастовки — дойдет до Вас быстро. Сенсация! Получил стенограмму процесса Синявского и Даниэля (57 стр. машинописи). Большой

формат: защитительная речь, т.е. последнее слово Даниэля (11 стр.) и посл. слово Синявского (6 стр.). Насколько я смог сориентироваться, речь Синявского совпадает с тем, что было напечатано в «Иль Джорно». Поскольку мы совершенно debordes [зд. завалены работой], я дал тексты Agence Hoffman [агентству Гофман], которое займется распространением. Может, это заинтересует Риццолли? В таком случае пусть обращается прямо в Agence Hoffman (...).

Узнал, что в то же время, что процесс Синявского и Даниэля, во Львове и Киеве были закрытые процессы против примерно десяти молодых украинских писателей за схожие преступления^[36]. Подробности, а может, и материалы получу на днях. Сразу Вам перешлю. Думаю, что следовало бы включить их дело в дело Синявского. Тут, пожалуй, Силоне может много помочь. Ну, подождем подробностей.

С наилучшими пожеланиями

Ежи Гедройц

ЕГ — ГТГ, [Мезон-Лафит], 15 V [1966]

Дорогой пан Густав!

Снова не успеваю с письмами. Получил вырезки, открытки дошли в порядке. Вигорелли «показался». Это надо будет как-то использовать. (...)

Дело Синявского и Даниэля, опасаясь, начинает входить в мертвую фазу, хотя продолжают сыпаться переводы и т.п. Карвер молчит как заклятый и, несмотря на несколько писем Замойской, даже ей не ответил. Надо всё-таки использовать конгресс ПЕН-клубов. Моя последняя идея-фикс состоит в том, чтобы конгресс постановил, что каждое национальное отделение ПЕН-клуба, а их 56, организовало «неделю» помощи Синявскому и Даниэлю. Речь идет не только о [материальной] помощи, которая необходима, но и о том, чтобы поднять шум. Кроме того такая резолюция поставит национальные отделения ПЕН-клуба за железным занавесом в положение, вынуждающее к некоторой отваге. А помощь (лучше посылки, чем деньги) должна отправляться через Международный Красный Крест.

Независимо от Синявского и Даниэля, которые здесь важнее всего, эту помощь можно пытаться распространить на:

Дзюбу и Свитличного, арестованных украинских писателей;

группу Модзелевского в Польше (Модзелевский, Хасс, Смех, Куронь^[37]). Это молодые ученые, пишущие, так что их как-то можно подтянуть под ПЕН-клуб. В этом случае можно бы централизованно направлять помощь Наталье Модзелевской^[38] ввиду ее авторитета и партийного стажа.

Обсудил это с Замойской, которая загорелась и пишет Карверу (упоминая только о русских), но, увы, молчание Карвера не дает особых надежд. Могли бы вы поговорить об этом с Силоне (едет ли он в Нью-Йорк?), чтобы он эту концепцию — если он ее оценит — запустил? Очень прошу этим проникнуться, а также прошу ответить.

Еще одно дело. В середине июня в Нью-Йорке проходит фестиваль Стравинского (сейчас он в Москве). На фестиваль приезжают также советские дирижеры во главе с Кондрашиным. Со Стравинским очень носятся в СССР, так что стоило бы как-то к нему попасть. Может, Рубинштейн^[39]? К сожалению, я с ним незнаком, так что буду штурмовать Вежинского и Анелю Мечиславскую^[40]. Может, Рубинштейн дал бы — независимо от этого — концерт в их честь? Во всяком случае, когда будете в Риме, нажмите со своей стороны на Вежинского, чтобы он действовал. Хлопochу вокруг протеста молодых советских писателей, но это дьявольски трудно. Увидим. А он — даже если будет опубликован анонимно — должен быть подлинным. Вся наша сила в деле Синявского и Даниэля — то, что с самого начала в нем не было и тени блефа.

ГГГ — ЕГ, Неаполь, 20 V [19]66

Дорогой пан Ежи!

Только что вернулся из Рима и застал оба Ваших письма. Весьма благодарен. Я, к сожалению, того же мнения, что и Вы. Дело Синявского и Даниэля постепенно отходит в забвение, становится одной из многих догорающих или вовсе выгоревших сенсаций. Вигорелли рассказывает направо и налево, что для блага С. и Д. надо теперь сидеть тихо, что его в Москве «на коленях» об этом умоляли. То же самое наверняка делает на своем поле Карвер. Как же в таких условиях думать о том, чтобы побудить ПЕН-клуб к широкой акции? Я в это не верю, совершенно не верю. Только Силоне, если поедет в Нью-Йорк, мог бы сказать что-то сильное и ненадолго разжечь угасающий огонек. Но с его поездками никогда ничего неизвестно: они зависят и от настроения, и от плохого здоровья. Вы упомянули о Стравинском. Конечно, не повредит попробовать (через Рубинштейна *via* Вежинского), но

сомневаюсь, чтобы маэстро Игорь захотел испортить похоронный пир, на который привозит гостей из Москвы. Остается только (будем реалистами!) протест молодых советских писателей. Разумеется, подлинный, в меру резкий по адресу Вигорелли и Карвера, не скрывающий горечи при виде нынешнего тихого умывания рук после периода большого шума. (...)

С самыми искренними пожеланиями

Густав Г.Г.

ЕГ — ГГГ, [Мезон-Лафит], 29 V [1966]

Дорогой пан Густав!

(...) То, что Вы пишете о Синявском и Даниэле, к сожалению, более чем справедливо. Карвер не отвечает на многочисленные письма Замойской и друзей Синявского, то же самое — якобы порядочный Лабедз. Поверьте мне, что, имея, как каждый человек, свои симпатии и антипатии, я не руководствуюсь предубеждениями в т.н. работе. Но на примере дела Синявского/Даниэля я получил более чем досадное подтверждение, что этих людей интересует только шум и реклама. Самое плохое, что ничего не известно — потому что не удастся получить информацию — о том, как выглядит дело той «белой книги», которую должен был издать Коллинс (т.е. Конгресс [свободы культуры]) под фирмой ПЕН-клуба. Вся надежда на то, что Силоне всё-таки поедет в Нью-Йорк. Умоляю, держите меня au courant [в курсе]. Но теперь самое главное дело: можете ли Вы попросить Силоне выяснить у Карвера и в Конгрессе, как выглядит вопрос об этой «белой книге», потому что сейчас это важнее всего. Это в самом деле очень срочно. Я делаю, что могу, чтобы получить заявление молодых советских писателей, но получится ли это? Совершенно не ориентируюсь.

Во всяком случае, если Силоне не поедет, то пусть хотя бы внесет предложение принять резолюцию о «неделе помощи» осужденным, проводимую всеми национальными отделениями ПЕН-клубов в мире. Это — не говоря о финансовом аспекте — может быть, позволит нам еще раздуть огонечек борьбы за Синявского и Даниэля.

Кстати, о советских делах: обратите внимание на рассказ А.Одинцова «Порыв» в последнем, 5-м номере «Октября». Настолько характерно, что это орган Кочетова. Это первый (по крайней мере для меня) документальный рассказ о советских

штрафных батальонах. Поразительная история. Думаю, что его публикация на Западе может произвести впечатление. Потому что если даже Кочетов не может воспротивиться этой волне расчетов со Сталиным...

(...) Всего самого хорошего

Ежи Гедройц

ГТГ — ЕГ, Неаполь, 10 VI [19]66

Дорогой пан Ежи!

Я немного встревожен Вашим молчанием. 28 мая выслал Вам заказным письмом предисловие к книге Вейсберга^[41], в согласии с намеченным Вами сроком (...). Моя тревога вызвана тем, что 30 мая здесь объявили трехдневную забастовку почты, которая полностью дезорганизовала и так уже жуткую итальянскую почтовую службу (говорят, горы невысланных и неврученных писем начинают теперь... жечь, не умея с ними справиться). (...) таковы – то приключения человека, живущего в стране «любви, вина и песен».

В этом заказном письме был также текст «Письма из тюрьмы» Даниэля. Я рассчитывал, что Вы дадите его в июльском номере. Как и высланную несколькими днями позже статью Михайлова о Джиласе^[42].

Вернулся из Рима, пробыл там три дня. Силоне всё-таки сегодня едет на этот конгресс ПЕН. Я разговаривал с ним долго, он обещал публично заговорить о деле Синявского и Даниэля (впрочем, и повестка дня предусматривает дискуссию на эту тему), а в частных разговорах с Карвером в Нью-Йорке и с тузами Конгресса [свободы культуры] в Париже напомним о «Белой книге». Отправка посылок женам Синявского и Даниэля уже, по-видимому, некоторое время идет. Остается, однако, фактом, что снаружи Конгресс старается огонек скорее пригасить, чем разжечь. Силоне рассказывал мне, что «Энкаунтер» и «Прёв» собираются напечатать эту ужасную статью Вигорелли из «Темпо...».

Силоне остановится в Париже на обратном пути из Америки (с 20 по 30 июня). Обещал мне, что постарается с Вами связаться. (...) Мне очень важно, чтобы вы с Силоне встретились и поговорили, сейчас это, пожалуй, единственный в Конгрессе человек, с которым можно что-то организовать.

(...) Жму руку. Прошу, отвечайте экспрессом.

Густав Г.Г.

ГТГ — ЕГ, Неаполь, 30 VI [19]66

Дорогой пан Ежи!

Благодарю за последние письма. Да, натворила нам бед эта проклятая итальянская почта. Еще повезло, что Вы даете Михайлова, зато крайне жаль, что Вы отказались от тюремного письма Даниэля. Это документ огромного значения. В сентябре будет поздно, но замолчать письмо нельзя.

Меня очень, до боли огорчило, что несмотря на данное им обещание Силоне не связался с Вами в Париже. Не вмешался ли тут Еленский? Не хочется верить. Это усложняет дело. (...) Во всяком случае в одном у меня нет сомнений: что Силоне затронул вопрос о «белой книге»^[43]. Выйдет ли из этого что-нибудь — другая пара галош, он не всемогущ. И в итальянской прессе не писали о конгрессе ПЕН. Только из «Фьера леттерариа» я узнал, что русские в последний момент отказались приехать, так как не приняли их «условия» вычеркнуть дело Синявского и Даниэля из повестки дня, а также что Силоне очень хорошо говорил о С. и Д. и собачился с Нерудой из-за Пастернака.

С самыми искренними пожеланиями

Густав Г.Г.

ЕГ — ГТГ, [Мезон-Лафит], 30 VII [1966]

Дорогой пан Густав!

(...) Получил известия о своих подопечных. Их условия по-прежнему очень тяжелые. Особенно Даниэля. Открылись его военные раны, ему отказали это учесть, и за отказ от работы он сидит в карцере. Единственное улучшение, что получили право на посылки. Было бы важно организовать отправку посылок при посредничестве Красного Креста. Посылки должны весить до 5 кг. Их шифровой адрес — 5110/1 JK X. Важно, чтобы посылки отправляли какие-нибудь организации — союз писателей или какие-то лит[ературные] журналы. Может, Вы сможете что-то сделать? Возм[ожно], Силоне? У меня сейчас ограниченные возможности, так как я воюю с Конгрессом. (...)

Наилучшие пожелания.

Ежи Гедройц

*

Густав Герлинг-Грудзинский при известии о приговоре, вынесенном в Москве 14 февраля 1966 г., написал, что это был *переломный* процесс в истории Советского Союза:

«С нормальной точки зрения, принятой в мире цивилизованной правозаконности, процесс Синявского и Даниэля был мрачным и жестоким фарсом. Ни один в мире кодекс, не исключая советского, не предвидит наказания за отправку рукописей за границу. (...) это был процесс против мысли и против литературы»^[44].

Несколько месяцев спустя, после петиции 62 советских писателей в защиту осужденных, он прибавлял: «Впервые мы видим, иногда не веря собственным глазам, *открытую* советскую оппозицию в таком большом масштабе. Кто до сих пор считал казус двух арестованных и осужденных писателей проявлением благородного, но бессильного «донкихотства», теперь должен будет переменить мнение. Синявский и Даниэль оказались только вершиной айсберга, который после их ареста и осуждения вынырнул наружу еще больше. (...) русская интеллигенция медленно поднимается с колен»^[45].

-
- 1.
 2. Abram Terc. Sąd idzie. — Anonim. Co to jest realizm socjalistyczny. Przel. z ros. Jozef Lobodowski. Paryz: Instytut Literacki, 1959.
 3. Элен Пельтье-Замойская (1924-2012) — многолетний профессор кафедры русского языка и литературы в Тулузском университете. Она подружилась с Синявским и Даниэлем, когда после войны, будучи дочерью французского морского атташе в Москве, три года училась в аспирантуре Института мировой литературы им. Горького. См. также: Sąd idzie. Stenogram z procesu Andrieja Siniawskiego i Julija Daniela. Wstęp Helene Zamoyskiej. Paryz: Instytut Literacki, 1966.
 4. Peltier-Zamoyska H. Siniawski, człowiek i pisarz. Цит. по: Herling-Grudziński G. Przed sądem // Na Antenie [Monachium]. 1967. №55. Полностью очерк Э.Пельтье-Замойской опубликован в книге: On trial. The case of Sinyavsky-Terz and Daniel-Arzhak. Documents. Ed. by Leopold Labedz and Max Hayward. London: Collins and Harvill Press, 1967.
 5. От стихотворения Мицкевича «Русским друзьям» (перевод Анатолия Якобсона см. Континент. 1984. №41; Новая Польша. 2000. №11). [Примечание переводчика].

6. «Темпо презенте» — римский ежемесячный журнал, издававшийся в 1956–1968 гг. Конгрессом свободы культуры. Его редакторами были друзья Герлинга — Игнацио Силоне (1900–1978), писатель, редактор и политик, и Никола Кьяромонте (1905–1972), редактор, эссеист и театровед; при режиме Муссолини в Италии оба были эмигрантами. Герлинг сотрудничал с журналом на протяжении всего его существования.
7. Римский еженедельник, с которым Герлинг-Грудзинский сотрудничал в 1960-х.
8. Мельхиор Ванькович (1892–1974) — польский писатель и репортер, в 1964 за подписание «письма 34-х», обращенного к властям протеста против ограничений на бумагу для книг и обострения цензуры, а также за отправку материалов в «Свободную Европу», арестован и приговорен к трем годам тюрьмы. Затем срок уменьшили вдвое, а потом и вовсе отступили от исполнения приговора. Станислав Цат-Мацкевич (1896–1966) — польский публицист, политик и редактор, подписант «письма 34-х», в 1965 обвиненный властями ПНР в публикации текстов под псевдонимом в парижской «Культуре». Януарий Гжендзинский (1891–1975) — польский писатель, военный и инженер. В 1965 обвинен в связях с парижской «Культурой» и помещен в психиатрическую больницу.
9. Выделенное курсивом — по-русски в тексте (в польской транскрипции). [Примечание переводчика].
10. Книга Герлинга «Иной мир» о его пребывании в ГУЛАГе вышла по-русски 24 года спустя. См. Иной мир. Советские записи. Пер. с польского Натальи Горбаневской. Лондон: Overseas Publ. Interchange, 1989; М.: Прогресс, 1991.
11. Herling-Grudziński G. Kafka w Rosji // Kultura. 1965. №12. [Рус. перевод: Культура. Третий русский номер. Париж, 1982].
12. Второй русский номер «Культуры» вышел только в 1972. [Примечание переводчика].
13. Herling-Grudziński G. Siedem śmierci Maksyma Gorkiego // Herling-Grudzinski G. *Drugie Przyjście oraz inne opowiadania i szkice*. Paryż: Instytut Literacki, 1963. [Рус. перевод: Континент. 1976. №8].
14. Возможно, это преувеличенные отголоски более раннего дела «Колокола» (массовые обыски и допросы, арестованы и осуждены в конечном счете девять человек, суд проходил в июне 1965). См. упоминание о деле «Колокола» далее, в письме Густава Герлинга-Грудзинского от 5 января 1966. [Примечание переводчика].

15. Обыск на самом деле прошел не у самого Солженицына, а у его друзей, где хранилась часть архива писателя.
[Примечание переводчика].
16. Владислав Гомулка (1905–1982) — польский коммунистический деятель, в 1956–1971 первый секретарь ЦК ПОРП, первоначально отождествлявшийся с демократическими переменами, а в 1960-е — с обострением курса по отношению к Церкви и интеллигенции. Зенон Клишко (1908–1989) — польский коммунистический деятель, ближайший сотрудник Гомулки, в декабре 1970 ответственный за кровавое подавление рабочих протестов на Балтийском побережье.
17. Herling Gustavo. I clandestini. Chi è Abram Terz // *La Fiera Letteraria*. 7.11.1965.
18. Herling Gustavo. Gli arresti di Mosca // *Tempo Presente*. 1965. №11.
19. Milano Paolo. Un Libero pensatore dietro le sbarre // *L'Espresso*. 28.11.1965.
20. Итальянский издатель, с которым Герлинг Грудзинский сотрудничал как советник в 1960-х.
21. Леопольд Лабедз (1920–1993) — польский политолог, журналист и издатель [в Лондоне].
22. Mauriac François. Bloc notes // *Le Figaro Littéraire*. 25.11.1965.
23. Павел Гостовец, наст. имя Ежи Стемповский (1893–1969) — польский эссеист, литературный критик, переводчик, близкий сотрудник «Культуры». Перевел на польский, в частности, «Доктора Живаго». Юзеф Лободовский (1909–1988) — польский поэт, прозаик, переводчик, сотрудник «Культуры», с 1941 эмигрант в Испании.
24. Difendiamo Abram Terz e Nikolaj Arzak // *La Fiera letteraria*. 5.12.1965.
25. Hostowiec Paweł. Abram Terc // *Kultura*. 1965. №12.
26. Herling-Grudzinski G. *Księga krzywd* // *We własnych oczach. Antologia współczesnej literatury sowieckiej*. Paryż: Instytut Literacki, 1963.
27. Джанкарло Вигорелли (1913–2005) — итальянский писатель и журналист.
28. Речь идет о демонстрации 5 декабря 1965 на Пушкинской площади, положившей начало правозащитному движению в СССР. Демонстрация проходила под лозунгами «Соблюдайте вашу конституцию» и «Требуем открытого суда над Синявским и Даниэлем». [Примечание переводчика].

29. Дэвид Карвер, секретарь международного ПЕН-клуба в 1951–1974.
30. Зофья Герц (1910–2003) — сотрудница Ежи Гедройца с 1943, соучредитель «Института литерацкого», после смерти Гедройца директор института (2000–2003). Зигмунт Герц (1908–1979) — муж Зофьи, соучредитель и сотрудник «Института литерацкого». Генрик Гедройц (1922–2010) — брат Ежи Гедройца, сотрудник «Института литерацкого», после смерти Зофьи Герц его директор (2003–2010).
31. Юлиуш Меровский (1906–1976) — польский журналист, публицист, лондонский сотрудник «Культуры».
32. Стенограмма общего собрания московских писателей 31 октября 1958, на котором осудили Пастернака за издание «Доктора Живаго» за границей, в переводе на польский Юзефа Лободовского была напечатана как приложение ко второму польскому изданию романа: Pasternak B. Doktor Ziwago. Przekład z ros. Pawel Hostowiec. Poezje przełożył z ros. Jozef Lobodowski. Wyd.2. Paryż: Instytut Literacki, 1967. [Первое издание — там же, 1959].
33. Людвик Хасс (1918–2008) и Ромуальд Смех — историки, арестованные в 1965 за распространение «Открытого письма к партии» Яцека Куроня и Кароля Модзелевского. Кароль Модзелевский (р. 1937) — польский историк-медиевист, деятель оппозиции, в 1965 вместе с Яцеком Куроном опубликовал «Открытое письмо к партии»; арестован и приговорен к трем с половиной годам тюрьмы.
34. Ошибка Гедройца или его информаторов. Соавтор Синявского по книге «Поэзия первых лет революции. 1917—1920» (М.: Наука, 1964) — Андрей Меньшутин, после ареста Синявского уволенный из ИМЛИ. Дементьев — по-видимому, А.Г.Дементьев, «комиссар при Твардовском» (по выражению Солженицына), автор и редактор ряда учебников и историй советской литературы. [Примечание переводчика].
35. Herling-Grudzinski G. Wyrok // Kultura. 1966. №3.
36. Ярослав Ивашкевич (1894–1980) — польский поэт и прозаик, главный редактор журнала «Творчость», неоднократный председатель Союза польских писателей.
37. В августе–сентябре 1965 на Украине было арестовано 25 инакомыслящих, обвиненных в «антисоветской агитации и пропаганде». С января 1966 были осуждены 19 человек. Дзюба и Свитличный, которых Гедройц называет в следующем письме (видимо, их имена дошли как самые

известные из подвергшихся арестам), не были среди осужденных. [Примечание переводчика].

38. Яцек Куронь (1934–2004) — польский историк, деятель оппозиции, соучредитель Комитета защиты рабочих, в 1965 арестован вместе с Каролем Модзелевским за составление и распространение «Открытого письма к партии», приговорен к трем годам тюрьмы.
39. Наталья Модзелевская (1912–1992) — переводчик, литературовед, автор трудов о Чехове и Гоголе, мать Кароля.
40. Артур Рубинштейн (1887–1982) — польский пианист-виртуоз, с 1939 в США.
41. Казимеж Вежинский (1894–1969) — польский поэт и прозаик, после Второй Мировой войны эмигрант. Анеля Мечиславская (1910–1998) — польская общественная деятельница в Нью-Йорке и Лондоне.
42. Александр Вейсберг-Цыбульский (1901–1964) — австрийский физик, в молодости коммунист, с 1931 в СССР, в 1937 арестован НКВД, в 1940 в рамках обмена передан гестапо, бежал из краковского гетто, с 1946 на Западе. См.: Weissberg-Cybulski A. *Wielka czystka. Przeł. z niem. Adam Ciolkosz. Wstęp Gustaw Herling-Grudzinski. Paryż: Instytut Literacki, 1967. [Нем. оригинал: Hexensabbat: Russland im Schmelztiegel der Säuberungen. Frankfurt am Main: Verlag der Frankfurter Hefte, 1951].*
43. Михайло Михайлов (1934–2010) — сербский писатель из семьи русской эмиграции, русист, диссидент, в 1960 х — 1970 х неоднократно сидел в тюрьме, позже эмигрант в США. Милован Джилас (1911–1995) — югославский коммунистический деятель и писатель, в 1954 исключен из партии и неоднократно сидел в тюрьме.
44. «Белая книга», о которой говорит в своих письмах Гедройц и для которой он доставил большинство материалов, вышла осенью 1967. См. прим. 3. В 1967 независимо от этого вышла «Белая книга по делу Синявского и Даниэля», составленная в Москве Александром Гинзбургом (Франкфурт-на Майне: Посев).
45. См. прим. 34.
46. Herling-Grudzinski G. // *Kultura*. 1967. №1–2.

МНОГОКУЛЬТУРНЫЙ МИР ГУЦУЛЬЩИНЫ

Для начала приведу слова Жанны Эрш: «Хотела бы я, чтобы Бог-Отец был похож на Станислава Винценза». Автор монументальной тетралогии под названием «На Высокой Полонине. Образы, мысли и беседы с гуцульской Верховины», включающей книги «Правда былых времен» (1938), «Раздор» (1970), «Письма с неба» (1974) и «Венок из барвинка» (1979), Станислав Винценз, должно быть, был невероятно симпатичным человеком. О себе он говорил, что никогда не встречал человека, который не мог бы стать ему другом. Он верил, что «у медведя добрый характер и душа христианина. Ведь не зря говорят, что по субботам он моется и читает молитву». Он также знал, что «там, где заканчивается любовь, начинается коммунизм».

Родившийся в 1888 г. на Покутье в Восточной Галиции, в Рунгурской Слободе, ребенком он жил в усадьбе деда в Криворивне над Черемошем, в гимназию шесть лет ходил в Коломые, а потом год в Стрые. После, в Венском университете, который тогда был оазисом космополитизма, изучал биологию, право, славянскую филологию, санскрит, психиатрию и философию. В итоге он выучил 14 языков и свободно читал философские труды в оригинале. Во время Первой Мировой войны служил в австрийской армии, был добровольцем в армии Пилсудского во время польско-советского вооруженного конфликта. После войны занялся литературой, писал о философии религии, переводил Достоевского, а также американских поэтов и философов, живя в основном в Рунгурской Слободе, а также в Быстрце под Черногорой.

Охотнее всего Винценз проводил там время, прогуливаясь по горам, пешком или на лошади, и беседуя с крестьянами. О них он писал: «Наши соседи, земледельцы и пастухи, те, что постарше сорока, были в основном неграмотными, ибо только молодое поколение восприняло обязательность школьного обучения всерьез. Эти же, в отличие от молодежи, мало интересовались официальной наукой, зато обладали феноменальной памятью о старых традициях — церковных, апокрифических и вовсе легендарных, и часто помнили наизусть длинные, почти бесконечные песни-речитативы.

Возможно, долгие зимние месяцы, а также летнее пастушеское одиночество способствовали развитию и наполнению их памяти, научив заодно ценить такое редкое общение с людьми и радоваться встречам с ними. (...) Ведь священники за десятилетия так и не смогли искоренить старый обряд колядования с песнями, плясками, а бывало что и колдовством, и в конце концов махнули рукой, так что победа осталась за упрямыми крестьянами». («Диалоги с Советами»). У этих неграмотных людей были, однако, «свои мечты и идеалы, как бы неправдоподобно это ни выглядело» (там же). Из этого общения Винценз извлек немало пользы, так как хотел запечатлеть их традиционный образ жизни, уходящий в глубь веков. Всё время работая над статьями о народной культуре и гуцулах, он собирал материалы, делал заметки и первые наброски и издал первый том своего гуцульского эпоса «Правда былых времен» в 1938 г., в благоприятных условиях независимой Польши.

Таким образом, литературную карьеру Винценз начал как писатель Второй Речи Посполитой. Когда же началась война, он не сбежал по залещицкой дороге, но и не оказался среди тех, кого вывезли в вагонах для скота в советский ГУЛАГ. Винценз совершенно сознательно выбрал судьбу политического эмигранта. 17 сентября 1939 г., узнав о вторжении советских войск в Польшу, он понял, что спасти родной очаг от уничтожения можно только одним способом — покинув его. Винценз уехал, перейдя венгерскую границу. Когда осенью он вернулся бескрайними хребтами Черногоры, продираясь сквозь ураган, проскальзывая вдоль обрывов над бурлящим потоком и зияющими пропастями, то застал дом под надзором советского патруля. На следующее утро Винценза отвезли в канцелярию Музея гуцулов, оставили под импровизированным арестом в Надворной, а затем перевезли в Станиславов, где принялись искушать обещаниями и лестью: «У нас писатели прекрасно живут, много зарабатывают; если вы приедете в Москву, у вас сразу появится автомобиль. (...) Как писатель, вы мгновенно сделаетесь у нас большим человеком». («Диалоги с Советами»). На свободу он вышел в декабре, перезимовав на Высокой Полонине, недалеко от границы. Он понимал, что идеологическое давление будет только усиливаться, что советизация означает «тоскливую, бессмысленную жизнь и бесконечную, медленную смерть». Стало совсем очевидно, что оставаться в родных краях нельзя. В конце мая 1940 г. с пятью женщинами он ушел в Венгрию, три дня пробираясь через дремучий лес, водопады, скалы, без сна и отдыха (письмо Станислава Винценза Чеславу Милошу от 16.10.1951). Он нес на себе все свои рукописи, дневники и записки, зная, что весь этот

гуцульский мир обречен и, если не взять его с собой, обязательно погибнет.

Годы войны Винценз с семьей провел в Венгрии. Он не терял времени даром: учил венгерский, переводил венгерскую поэзию, изучал народные традиции, писал эссе, в том числе посвященные венгерскому ландшафту. Помогал скрывающимся евреям, за что посмертно получил медаль Праведного среди народов от Института национальной памяти Яд ва-Шем в Иерусалиме; а после смерти его жены Ирены прах писателя был погребен на Сальваторском кладбище в Кракове.

В послевоенные годы Станислав Винценз практически вел жизнь скитальца и отшельника. В 1949 г. поселился в Савойе, а в конце жизни, в 1964 г., переехал в швейцарский городок Пулли под Лозанной, где жила его дочь. Бедствуя в эмиграции, продолжал писать, сотрудничал с парижской «Культурой» и неустанно дописывал и совершенствовал свой титанический труд. Винценз дождался издания второго тома своей тетралогии, выпущенного благодаря стараниям его друзей, упорству подписчиков и самоотверженности лондонского «Издательства поэтов и художников». Два последних тома вышли только после смерти писателя.

Политически и административно Гуцульщина (то есть тот самый мир, описанный Винцензом в его тетралогии) входила в состав Австро-Венгрии. Важнее, однако, то, что этот регион находится дословно «на окраинах», расположен на стыке нескольких культур, наций, религий и государственных границ, на периферии бывшей Австрийской империи, в восточнокарпатском треугольнике, образуемом водами Прута и хребтами Черногоры и Буковины, а также венгерской, румынской и российско-советской границами. Границы здесь, тем не менее, не служат барьером, а помогают обрести за ними убежище. Благодаря этому через Буковину и Валахию мир гуцулов оказывается связан с Ватиканом, Литвой и Веной, а также с целой цепочкой поселений евреев-хасидов, протянувшейся от Карпат до Витебска на территории современной Белоруссии. Географическое сознание охватывает и более далекие края: от Франции до Амура, от Адриатики до Ледовитого океана, включая и Сибирь.

На своей территории гуцулы — с этнической точки зрения это, в принципе, разновидность украинцев, говорящая на общем для них украинском диалекте, — живут бок о бок с экзотической смесью национальностей: армянами, евреями, румынами, цыганами, венграми, влахами, немцами, чехами и, наконец, поляками. В этом мире говорят по-польски, по-

украински, на идише, по-армянски, по-румынски, по-венгерски, по-цыгански, по-русски, по-немецки, по-французски, по-английски и по-итальянски — а также знают древнегреческий и латынь. (В этом плавильном котле лишь об англичанах довольно невысокого мнения, потому что они «вместо богов поклоняются деньгам» и хуже них только пруссаки). Все эти языки обогащают друг друга. Бьюмен Петранкер, старейшина коломыйских балагул-извозчиков, «в повседневной речи использовал славянский язык, абсолютно эклектичный в своей коломыйской разновидности», свободно переходил с польского на русский, еврейский, немецкий и румынский, и даже когда он говорил по-еврейски, в его речи слышалась «искренность русского, философичность немецкого, элегантность польского и высокая мудрость иврита». На Гуцульщине исповедуют любую веру и любую религию, соблюдают все обряды — языческие, протестантские, православные, католические, иудейские и униатские. Этот мир — отличный пример полифонии, плюрализма, этнического, культурного и языкового сосуществования.

Будучи регионом с открытыми границами, Гуцульщина оказывает магнетическое действие на иностранцев, а уездный город Коломыя становится очагом, излучающим притягательность и обаяние. Символом этих загадочных мест становится трактир Хаима Вейзера в Вербяже, на стыке миров и времен, на перекрестке дорог и тропинок, открытый во все стороны, ко всему миру, ко встрече каждого с каждым на лоне ослепительной, чудотворной, волшебной природы. Магия давних времен не исчезла. Солнышко «знало, когда появиться, а когда спрятаться, выпустив на небо тучи. Взошло Солнышко». Пастух братается с солнцем и деревом, а разбойник — с австрийским императором в Вене. Как и у Доброго Пастыря, на Высокой Полонине каждая овечка в стаде живет своей неповторимой овечьей жизнью. Немного языческое отношение гуцулов к природе и стихиям, почитание солнца и неба — всё это, по сути своей, очень близко духовной практике Франциска Ассизского и его *Cantico delle creature*.

Полный магии мир гуцулов отражается и в музыке — он, что называется, распелся и сам стал песней. У скал есть свой язык, и время прочесть их письма еще настанет. Свой голос есть у разливов рек, у леса; у сказителя-ветра — «великий голос великого мира». Свои многолетние думы и незаемный голос — у реки Черемош. Здесь стоит процитировать заметки Ежи Стемповского, вместе с которым Винценз в 1939 г. отправился на чужбину:

«Наибольшей магической силой обладает Черемош, который посреди всех горских рек, сам, один течет в тени столетних елей и пихт. Воды его бурно пенятся в скалистом ложе, журчат на каменном мелководье, бормочут в теснинах, гудят и грохочут среди скал, и каждому из этих голосов, чуть запаздывая, вторит низкое, темное, мощное эхо пущи. И кажется мне: если бы я, ослепший, старый, подточенный горячкой и безумием, снова услышал тот шум, годы блужданий по бездорожью, словно лохмотья невзгод, спали бы с моего тела, и я снова бы стал собой». («Дневник странствий по Австрии и Германии»).

Пастух вслушивается в это пение, чтобы следовать его гармонии, складывая свои песни о том, что будет, и том, как бы это могло быть». Сюда добавляются музыкальные инструменты горцев — трембиты, самограи, фидли. Так рождается миф, а также и правда этого мифа, который, говоря на языке лугов и роц, показывает то, что скрыто от человеческого взгляда.

Важную роль здесь играют горы, знаменуя собой связь Бога и земли, символизируя святое место. В горах открывается окно на небеса, калитка к Господу Богу, и гуцулы верят, что Гуцульщина — это царство Божие, где «Господь живет с нами». По гуцульским полонинам шагает святой Георгий. Мы вступаем в сферу священного. По словам псалмопевца: «Возвел я очи мои к горам, откуда придет помощь моя»; «Пошли свет Твой и истину Твою; да ведут они меня и приведут на святую гору Твою и в обители Твои». Мирча Элиаде писал: «Гора ближе всего к небу. (...) Это — пространство для атмосферной иерофании, проявления чудесного, это — жилище богов». У гор, которые с незапамятных времен дают пищу метафизическим размышлениям и поэтическому вдохновению, свое временное измерение, свое, горное время, время гуцульское, мистическое, круговое, без всяких событий и прогресса, время, множество разновидностей которого можно встретить на этих перекрестках. Именно такое временное измерение — горное и пастушье — лежит в основе самой цивилизации, нашего бытия и наследия. То есть — коротко и ясно — словами Джона Марбаха, швейцарского друга Винценца: «Полонина (...) это все во всем: действительность — утопия — государство Платона — родина — мир — западная культура — религия — любовь — дружба — таинство происхождения души».

Юзеф Чапский, известный художник, автор леденящих кровь «Старобельских воспоминаний», раскритиковал Винценца за

чрезмерную идеализацию однообразно положительного, прекрасного, справедливого мира, за «розовую дымку», которая не позволяет увидеть драматизм существования. Но Станислав Винценз вовсе не был наивным. Просто он хорошо понимал, что для борьбы со злом необходимо продемонстрировать образец Добра. Его «Диалоги с Советами» недвусмысленно свидетельствуют, что писателю удавалось высечь искру человечности даже из окаменевших сердец советских политработников. Собственно, он разоружал зло разными способами: при помощи философских рассуждений, сократовских диалогов, гипербол и гротеска, когда чистилище превращается в оперетту, а круги ада обретают сказочное измерение. В творчестве Винценза, тем не менее, кроется немало парадоксов: отдавая себе отчет в том, что записанные слова существенно ослабляют свойства памяти, он пытался запечатлеть прошлое на бумаге, не порывая при этом с устной традицией. Так он спас, уберег и переработал необычайно богатое наследие горцев. При Габсбургах гуцулы жили, как у Христа за пазухой; после 17 сентября 1939 г. они оказались на грани исчезновения. Тетралогия Винценза может служить Книгой-родословной карпатских горцев, вместе с апокрифами, жизнеописаниями, колядками, молитвами, проповедями и призывом любить мир и людей. Книга «На Высокой Полонине» выступает одновременно как гуцульский Ветхий Завет и гуцульское же Евангелие, обращенное в будущее.

Говоря о квинтэссенции национальной философии Винценза, следует отметить, что эмоционально и идеологически она укоренена в традиции, идущей от великих князей литовских. Не случайно он писал Анджею Бобковскому:

«Я не могу, да и не собираюсь никогда расставаться с так называемой ягеллонской традицией. Это значит, что для меня условные границы Польши простираются от караимов на севере до гуцулов или хасидов (как региональной производной), а исторически, к примеру, от иезуитов в Смоленске и «сеятелей просвещения» в Москве до польских ариан, остатки которых мне встречались в Венгрии».

Геополитические взгляды Винценза отражают мировоззрение искушенного мыслителя, развившееся под влиянием как минимум трех литературных сегментов: Библии, Гомера и Данте. С Гомером и Данте он общался ежедневно, читая их в оригинале. Родина писателя — Гуцульщина — связывает его не с государственно-национальным образованием, а непосредственно с миром, живущим по принципу «где бук растет, там и дом» (письмо из Неаполя Чеславу Милошу). Так

вот, «настоящий универсализм кроется в почве, питается живительными региональными соками, и в этом заключается ведущее направление европейской мысли» («О способах распространения польской литературы и культуры»). В конце концов: «Нация не может существовать в изоляции от других наций, в условиях, когда другим народам отказывают в праве быть понятыми». В том мире, который удалось запечатлеть Винцензу, поляк не находится на первых ролях, не поучает других, но прислушивается к ним, особенно к армянам, евреям и униатскому клиру. И надо накрепко запомнить наказы старой няни, которая так обращается к подопечному:

«Учись, сыночек, учись! Учи Божий и человеческий. Да пусть бы и господский! Учи христианский, учи еврейский! А если можно католический и турецкий — почему бы нет? И лютеранский тоже. Хорошо учи польский, «тальянский» и «хранцузский», пока сил хватит. Учи русский от души, а крепче всего учи рахманский. И гуцульский, и бойковский...».

Как сказано в Евангелии от Иоанна, «в доме Отца Моего обителей много». В Библии, принадлежавшей Станиславу Винцензу, эти слова Христа были подчеркнуты красным карандашом.

ТАТАРСКАЯ НЕВОЛЯ

(Отрывок)

Помещенные здесь отрывки раннего рассказа Генрика Сенкевича, написанного задолго до «Трилогии», не только представляют собой выразительное свидетельство наличия у украинцев собственного национального самосознания, но и дают доказательство политического и исторического отсутствия равенства и сотрудничества между Первой Речью Посполитой и украинцами. Отсутствие такого сотрудничества было и остается грехом польской восточной политики.

Е.П.

По пути я удивлялся всему — как первый раз на Украине будучи, одни неведомые встречал дела и вещи. Земля сия военная, народ в ней крепче нашего и закаленней, а в мужике фантазия такая, какой и шляхтич бы не постыдился. Когда селением проезжаешь, хоть познают, что ты благороднорожденный, а шапки едва приподымут, а в глаза смотрят прямо. В каждой хате там есть и сабля, и ружье, и не один мужик топорик в руке носит точно как в иных местах шляхтич. Завзятая натура в этих людях, и даже — за что их сабля уже карала и еще покарает — на комиссаров Речи Посполитой мало внимания обращают, такой дух в них взрастила близость язычества и постоянная военная готовность. На поле не слишком охотно трудятся, а если у кого и бьет ключом хозяйство, то он лучше на своем, чем на господском, осядет. Зато в свиту придворную, а то и под легкие значки Речи Посполитой жадно тянутся, и солдат, особенно в разведку и конные состязания, из них отборный, хоть и в поле *non obtrescant*, но, крик великий учинивши, на неприятеля, как в дым, идут, секут и колют. Каждое их селение больше походит на табор, чем на село; коней множество держат, которые в степи зимой и летом пасутся, а такие прыткие — как татарские. Многие из них также на *insulae* днепровские убегают и там в Сечи жизнь как бы монастырскую, но военную и вовсе разбойничью ведут, от которого-то их своеволия много выстрадала и еще страдать будет, пока их не укротит, милая родина наша.

На месте, какой бы он ни был, шляхтичу, а хоть и вельможному пану, трудно их удержать, ибо раз за разом срываются и в

пустые степи, которых там предовольно, идут на своем вольном осесть. Конструкция тела, как и *moribus*, от наших мужиков отличная, ибо высоки они и крепки, кожу имеют смуглую, до татарской подобнейшую, усы, как у валахов, черные, а головы, моду от язычества переняв, бреют, на самой только макушке свирепый оселедец оставляя. Что видя и обдумывая, дивовался я весьма и земле сей, и всему, что в ней есть, а как уж назвал ее военной, так тоже и теперь повторю, что для люда вооруженного и конного — края пригоднейшего тщетно было бы по целому свету искать. Когда одни погибнут, другие со всех сторон подтягиваются, и по всем шляхам точно, как стаи птиц, тянутся, а в оной пустоши степной легче услышать, чем жаворонка над пашней, гул самопалов, щёлк сабель, ржание коней, шелест знамен на ветру и солдатские крики. Ходят там также, как на Подолье и Волыни, старые деды, которых все почитают. Деды эти, слепыми будучи, на лирах играют и песни рыцарские *cantant*, чему благодаря дух и жажда славы цветут буйным цветом. Солдат там, тоже видя, что те, кто сегодня жив, завтра гниют, на жизнь свою, как на ломаный грош, не глядит, расточая кровь, как магнат золото, и более о славной смерти, нежели о жизни и бренном достатке, заботится. Другие, войну сверх всего возлюбивши, хоть нередко от славной крови ведя свой род, в уставной солдатчине почти дичают и на битву точно как бы на свадьбу с радостью великой и пением идут, но временем мирным огорчаются сильно, а не находя выхода своим страстям военным, всеобщему спокойствию угрожают. Тех зовут смертниками. Когда человек там погибает, все почитают это обычным делом, и даже близкие не очень его оплакивают, говоря, что пристойнее мужу в степи, чем в спальне, как бабе, кончаться. Ибо там есть наилучшая рыцарская школа и подготовка. Когда полк какой молодой в станице год или два постоит, так он, как турецкая сабля, заострится, и потом ни рейтары немецкие, ни янычары перед фурией его в равном числе не устоят, а что уж там говорить о слабосильном солдате вроде итальянского или о всяческом наемнике Распри там вспыхивают легко, их-то и следует избегать, ибо вся земля роится мужами вооруженными.

Юлиан Тувим

АКАКИЙ АКАКИЕВИЧ

*Режиссеру «Шинели» Станиславе Пежановской,
посвящаю*

Для начала о важном генерале.

У Гоголя он безымянный — просто «значительное лицо». В моей сценической переработке «Шинели» (1934) он был окрещен фантастическим, несуществующим именем-отчеством: Иерихон Иерихонович, да и фамилию получил грозную, звучащую, словно иерихонская труба: Громотрубов. Характер и манеры этого персонажа, гениально и довольно сдержанно описанные Гоголем в его потрясающей повести, получили новое развитие и весьма зловещие очертания в моей весьма посредственной пьесе. Это не единственный и не самый пустяковый ее недостаток. Но здесь не место для подробного разбора всех погрешностей театрализованной «Шинели», среди которых прямо-таки первородным грехом выглядит то, что я превратил повесть в спектакль. Великий, недостижимо великий Гоголь сам, как известно, писал пьесы и довольно неплохие — так что, если бы ему это было нужно, сразу бы написал пьесу, не связываясь с прозой. Если он этого не сделал — значит, перед ним стояли совершенно другие задачи. В сценической версии «Шинели» — беспомощной, но дорогой моему сердцу — появилось очень много, как говорят русские, «отсебятины», было расставлено немало актуальных акцентов, касающихся тогдашней авторитарной Польши под управлением Пилсудского.

Воплощением этого тоталитарного, «государствообразующего», помпезного пустословия был «мой» Громотрубов. Его играл покойный Тадеуш Френкель, сын великого Мечислава. Кажется, это была самая большая, лучшая и наиболее толково и тонко сыгранная им роль из довольно скромного списка его актерских достижений. Высокий, статный мужчина внушительной комплекции...

И вот этот самый Иерихон Иерихонович Громотрубов — его превосходительство! генерал! его светлость! державная мощь! гроза подчиненных! глашатай громокипящих империалистических тирад! «губернатор — возможно, сенатор — не исключено!» — становился совсем другим в уютной

квартирке прекрасной Каролины, которую он время от времени навещал в целях... имеющих мало общего с великодержавной политикой могучей империи. Вот он как раз у нее (первая сцена третьего акта) — нежный, сентиментальный, глаза с поволокой, уже переодевшийся в узорчатый шелковый халат... Диалог:

Он: Отослал свиту, наконец-то мы одни (садится на софу, кладет голову Каролине на колени). О, да, вот так хорошо. Ах, приласкай меня, поцелуй...

Она: Чьи это глазки?

Он: Коко.

Она: А носик?

Он: Коко.

Она: А как делает овечка?

Он: Б-е-е, б-е-е!

Она: А собачка?

Он: Гав, гав, гав!

Она: Коко! Разбойник идет, хочет схватить барышню!

В ту же секунду его превосходительство, изображая пса, вставал на четвереньки, забавно подпрыгивал — и без устали повторял «гав, гав, гав». Прекрасная Каролина заливисто смеялась...

И тут вдруг происходило нечто такое, чего на польской сцене уже никогда не случится. Это неповторимо. Не было, не было, нет и не будет актера, который бы ЯВЛЯЛСЯ так, как Стефан Ярач в роли Акакия Акакиевича Башмачкина. Он входил? вваливался? вскакивал? вплывал? вторгался? Нужно изобрести какой-то новый глагол, объединяющий все вышеперечисленные, чтобы дать представление о мистическом явлении несчастного Башмачкина перед взором лающего пса Коко.

Оба замирают. Генерал, всё еще на четвереньках, поднимает физиономию и оторопело вглядывается в странного визитера. Оба перепуганы, причем неизвестно, кто больше. Но их неподвижность — разная. Генерал застыл, словно соляной столб, он абсолютно неподвижен, ни один мускул не дрогнет. Ярач остолбенел иначе — Ярач играет.

Гениальность его игры заключалась в одном штришке. Публика видит его в профиль, даже в четверть профиля, ибо под таким именно углом впился он глазами в Его превосходительство Пса. Ярач играет одной только рукой, опущенной вдоль бедра, точнее — одной ладонью, еще точнее — одними лишь пальцами, которые легко-легко и в то же время весьма выразительно барабанят по штанине. Его пальцы дрожат, мечутся, трясутся, разговаривают: всё быстрее, всё лихорадочнее и конвульсивнее. Они играют так трагически, так пронзительно, что если подставить им клавиатуру фортепиано, то сыграли бы наверняка какую-нибудь гениальную сонату о тревоге и отчаянии всех на свете униженных, оскорбленных и несчастных... Это длится всего несколько секунд, а публике, загипнотизированной дрожащей рукой Ярача, кажется, что прошел, как минимум, целый час — но час, полный напряжения и восторга: так много успела рассказать эта несчастная ручонка Акакия Акакиевича-Ярача.

Как вдруг — генерал засопел...

АКАКИЙ (вздрагнул и отскочил)

КАРОЛИНА: Коко, что это? Какие вы оба смешные! (Акакию) Что вы здесь делаете? Как вы сюда попали?

АКАКИЙ: Ва... ва... ва... ва...

ГРОМОТРУБОВ (встает, отряхивается)

АКАКИЙ: Ва...ва...ва... ваше превосхо...

ГРОМОТРУБОВ (приходя в себя): Что это? Кто? Зачем?

АКАКИЙ: Осмелюсь напомнить вашему высокопревосходительству: титулярный советник Акакий Акакиевич Башмачкин... (...) Ваше превосходительство! Тридцать три года службы в одном и том же департаменте... в той же должности... никому зла не делал... и начальство довольно... ни аванса, ничего... в одном и том же капоте... и переписывал... А тут мороз... того... по спине... и смеются... а поправить нельзя, ползет... заплатку не на чем положить. Ну, и портной говорит: надо новую делать. Ну, и того, три месяца на хлебе и воде... это ничего... лишь бы шинель новую... И наконец пошили... даже капюшон на шелковой подкладке, воротник из кошки, но как настоящая куница... застегивается на серебряные лапки под аплике... Третьего дня напали и ограбили...

Слушая его, генерал уже успел забыть, что минуту назад был комнатной собачонкой — он стоял, расправив плечи,

огромный, правда, не в мундире, а в халате, но со всей свойственной ему представительностью. Спокойно (убийственно спокойно!) выслушал он умоляющее блеяние: «чтобы найти... чтобы снова при шинели... полиция того, ненадежный народ...» — и вдруг, как громадный двуглавый орел на мокрую ощипанную курицу, с недостижимых вершин своего генеральского чина бросился на отчаявшегося Акакия Акакиевича:

— Что за либерализм распространился между молодыми людьми, а? (неизвестно зачем записал старика в молодые). Что за вольтерьянство? И вы осмелились прийти сюда, где я, после тяжких трудов на высокой государственной должности играю с ребенком... с дочкой, скажем так... так точно! (это его «так точно!», повторяемое на все лады, было срисовано с одного польского Громотруба) и морочить мне голову какой-то шинелью? Да как вы смеете! Знаете ли вы, кому это говорите? Понимаете ли вы, кто стоит перед вами, то есть перед кем вы стоите? И т.д., и т.п.

А стояли они уже так, что Стефана было видно анфас. Теперь уж не пальцы — теперь играло лицо. И снова — не описать, как играло!

Глаза, с самого начала выпученные, быстро заморгали; он бросал умоляющие взгляды в публику, словно прося ее о спасении, то скашивал взор за кулисы, будто оттуда должна была прийти помощь, то глядел на прекрасную Каролину, явно ему сочувствовавшую... Так хлопает ресницами ребенок перед тем, как расплакаться.

И было в нем еще что-то детское: он начал переступать с ноги на ногу, зажимать одну ногу другой (нетерпеливо, выразительно, но при этом исключительно деликатно!) — совсем как ребенок, которому посреди многолюдной улицы вдруг захотелось писать. Длилась эта игра — не трагикомическая, а наитрагичнейшая и наикомичнейшая одновременно — все время, пока звучала долгая, полная грома и молний тирада великодержавного кретина, который, вдоволь накричавшись о мистицизме государственной машины, рангах, иерархиях — «так точно!» — и самодержавии, «твердым шагом, отбивающим ритм», сурово спросил перепуганного беднягу: «Что у вас в голове, солома? Что за психология? А?»

На что Ярач отвечал следующим образом:

— Никакой психологии, ваше превосходительство. Отняли шинель. И нет шинели.

Была какая-то бездна в этой ПОЭМЕ, в которую Ярач превратил повесть Гоголя...

Выше я постарался дать читателям этой статьи какое-никакое представление о жестах и мимике Ярача, описывая их, что называется, «своими словами»... Но в этом случае любые слова оказываются абсолютно бесполезными. Кто в состоянии выразить словами интонацию? Паузу между частями предложения? Мелодию отчаявшегося сердца? Даже пробовать нечего.

Время от времени мы виделись с ним еще лет пять. И всякий раз, встречая его, я говорил: «Никакой психологии, ваше превосходительство». А он отвечал: «Отняли шинель», и мы говорили хором: «И нет шинели».

Пьеса не имела успеха ни у публики, ни среди критиков. Полюбили ее только занятые в постановке актеры и до сих пор с волнением вспоминают:

«Была “Шинель”, — говорят они, — и нет “Шинели”...» Нет не только «Шинели» (невелика потеря) — нет куда большего: великолепного Даниловича (портного), Ходецкого, Френкеля. А самое горькое, что нет тебя, дорогого друга, великого, великого Стефана!

С грустью вспоминаю я эту пьесу и ее несчастливую варшавскую судьбу. Но как только вспомню, что самый гениальный актер нашего поколения показал в ее постановке свое лучшее сценическое воплощение, и что роль Башмачкина была его любимой ролью (я знаю об этом от его близких), на смену грусти приходит гордость — гордость печальная, но очень близко граничащая с писательским счастьем...

1950

Из книги «НАЧАЛО ПЕРЕЧЕРКНУТО»

От переводчика: В июне этого года в Кракове, на III Всемирном съезде переводчиков польской литературы, я пошла на встречу с поэтом Рышардом Криницким. Плохо слыша, я села у самого стола, за которым выступал Криницкий и на котором лежала, в частности, его новейшая книжка. Я принялась ее листать и, как со мной бывает, опять «влюбилась в чужие стихи».

Криницкого я знаю очень давно, а переводить начала еще до встречи с ним, сразу после выхода его первой «тамиздатской» книги в парижском «Институте литерацком». Переводы были напечатаны в «Континенте» (1978, №15), а вскоре в Париже появился и сам автор — перед тем, как на долгие годы стать невыездным. Потом уже мы встретились — и часто встречались — в свободной Польше, где Рышард вместе с женой основал поэтическое издательство а5, вначале в Познани, затем вместе с Криницкими переехавшее в Краков, где и существует по сей день. И опять я переводила его стихи, теперь уже для «Новой Польши» (2005, №6). А с 2006 г. мы оба вошли в жюри Центральноевропейской литературной премии «Ангелус», и теперь, кроме всяческих фестивалей, книжных ярмарок и проч. и проч., регулярно встречаемся на заседаниях жюри. Есть на моей книжной полке и большое избранное Криницкого.

Но вот эта книжечка, новейшая, но практически не новая (стихи 1965–2010 гг.), поразила меня как своей — тем не менее! — новизной, так и несомненной верностью поэта себе на протяжении 45 лет. Удивительно удачный отбор стихотворений — не знаю, сам ли Рышард его произвел или издательство (вроцлавское «Бюро литерацке»).

Поразила — и сразу поставила меня перед жаждой переводить и... непереводаемостью. Я выступила на встрече с поэтом и говорила об этой непереводаемости — что с ней делать? Как ее обойти?

Эта встреча, как читатели «Новой Польши» уже знают, обернулась моим стихотворением «Рышарду Криницкому» (2013, №7–8). А вернувшись из Кракова, я надолго замерла на подступах к попытке перевода и взялась за дело только в Москве, в двадцатых числах августа, в те самые дни, которые у

меня были заняты различными действиями, связанными с 45-й годовщиной нашей демонстрации на Красной площади. Оказалось, что вот так, почти между делом, перевод пошел легче и, осмелюсь сказать, вдохновеннее, чем в, казалось бы, располагающей к труду домашней парижской обстановке. Среди тех стихотворений, которые я перевела (переложила? перетолмачила?), оказались и некоторые «непереводимые» (одно, самое непереводимое, всё-таки осталось непереведенным). Я еще в Кракове, выступая на встрече с Криницким, отметила стихотворение, которое стоит первым в книге (и стало первым в публикуемой подборке). Оно начинается строкой:

nagi, obudziłem się nagle w kolejce po chleb

Это «nagi — nagle», на котором и дальше держится коротенькое стихотворение, ничего не дает при прямом переводе «нагой — вдруг (внезапно)». Здесь важнее мнимая однокоренность двух слов. Что я попыталась передать через «голый — голодный», оправданное, на мой взгляд, «очередью за хлебом».

Не менее трудные задачи ставило и стихотворение «Сочельник ночь», всё построенное на аллитерациях, на реально однокоренных словах, но наибольшую трудность составило простое слово «stocznia» — «судоверфь». Ну, не лезло оно в стихи, и всё тут. Подсказкой стало «stocznia ... otoczona» — «судоверфь ... окружена», откуда я родила, может быть, слегка дерзкий, но, надеюсь, всем понятный неологизм «судостроильня»: «судостроильня ... обстроена» (войсками).

Остальное переводилось относительно легче. Ну, конечно, чуть натянутым оказался перевод последнего из «Фрагментов», где у Криницкого «swita ... swiat» «светает ... свет», но «свет» только в смысле «мир, вселенная», для света-освещения у поляков другое слово — «swiatlo». Но «Фрагменты» я перевела полностью и отказаться от последнего не могла.

Спасибо Татьяне Дубининой, внимательно просмотревшей переводы с оригиналом в руках и сделавшей ряд замечаний и предложений, которые были учтены все.

*

Голый, проснулся голодным в очереди за хлебом,
голодным и голым на Законе Божьем,
на уроке о том, что земля кругла,

на круглом вокзале проснулся голым,
проснулся, чтобы
голодать и блуждать?

Сочельник ночь

никого уже даже пустынь
отпустила пустыню
в снега непогожие погружается пристань
замер прохожий уходящего часа
страшится страх
судостроильня потока
что срывается с обрыва в подпольный полёт
судостроильня утра обстроена войсками вечера
шествием взывает на помощь
стапеля обманывают зренье
немые глаза озаряются заревом
заледелой ночи
в эту ночь бескрайнюю ночь бессонных сердец
и длинных ножей
девушка проходит по стёжке снежной пустоты
женщина беременеет дорогой
вдова рассвета затворяет дверь
смерть плагиаторша ходит по вокзалам
плоть города сходит с костей
кто шел с открытым сердцем
упрячивает руки в карманы
водопад срубает голову реке

зыбучие пески засыпают кровь
в вечной мерзлоте улицы
замерзает ребенок незнаемого бога
плагиатор смерть
жадно высматривает свое имя
в утренней газете

Язык, это дикое мясо

*Господину Збигневу Херберту и господину
Когито*

Язык, это дикое мясо, оно растет в ране,
в открытой ране рта, жрущего изолгannую правду,
язык, это обнаженное сердце, голое лезвие,
беззащитное, этот кляп, что подавляет
восстания слов, этот зверь приручаемый
с человеческими зубами, это нечеловечье, что растет в
нас
и нас перерастает, этот красный флаг, который мы
выплюнем
с кровью, это раздвоенное, что осаждает, эта
правдивая ложь, что манит миражем,
этот ребенок, что, учась правде, правдиво лжет

Унесенное ветром

Ветер уносит обрывки
неразборчивых строк:
забытое слово? сон?
мое немое ты?
на кончике языка
дрожит.

Начало перечеркнуто

Збигневу Херберту

Начало перечеркнуто, с другой
стороны: белое,
меж ними столько жизни, не
выразить —
— это еще страничка: смятая
в пепельнице сжигается
малая бесконечность? ничто?
чутьочка света и тени

(1974; 1985)

*

в этом году
я плодов не уродил
только листья
не дающие тени
боюсь, Равви,
Господи, боюсь,
что проклянет меня голодный
утомленный
бесконечной дорогой
в Иерусалим

*

Слепое? Глухое? Немое?
Непонятое:
Есть.

Город

Чистоту, хозяйственность, порядок он ценит превыше
всего:

синагогу обратил в городской бассейн,
на рыночных парковках
ни следа от еврейского кладбища.

(1979)

Фрагменты (1989 год)

.....

немой,
с головой покрытой,
с камешком во рту
стою перед стеной огня
и забвения
почисленный
в помощники
смерти

.....

сними с меня пепел,
сними с меня груз не
моей вины, дай перенести
на тот берег
раны: покаянье,
горечь

.....

рассвет, цвета Сены,
цвета полыни и желчи

.....

твое ничье уже тело

плывет из ниоткуда в никуда

.....

светает незарубцованный весь свет

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В последние годы признанные польские интеллектуалы не столь уж часто высказываются по общественным вопросам или в связи с политическими событиями и соответствующими событиями следствиями. Тем более заинтересовало меня выступление Антония Либера, автора нашумевшего несколько лет назад романа «Мадам», знатока творчества и переводчика Самуэля Беккета, а также переводчика поэзии Гельдерлина и Кавафиса. На страницах приложения к «Жечпосполитой», еженедельника «Плюс-Минус» (2013, №35), на сей раз попробовавшего ответить на вопрос о самосознании поляков, Либера опубликовал статью под заголовком «Обскурантизм не победить насмешкой». Я внимательно ее прочел.

Либера начинает свои рассуждения, как и положено искушенному интеллектуалу, с предыстории: «Положение Польши в Европе с самого начало характеризовала некая амбивалентность. Из Рима было перенято христианство, что присоединило нас к латинскому Западу и отделило от семьи славянских народов, в большинстве принявших крещение от Византии. Вместе с тем принятие христианства от чехов, а не от наседающей с запада Германии имело следствием некоторое отделение от центра».

Отсюда же, рассуждает далее ученый муж, — «славяно-римская» специфика Польши и естества ее нации, что привело, в частности, к отказу от Реформации и от вдохновленного ею цивилизационного ускорения: «Польша осталась анахронизмом, феодальным молохом. Это оказалось зачатком медленного, но всё усиливающегося регресса, который вместе с иными изъятиями привел страну прямо к цивилизационному провалу, а затем и к политическому небытию».

Читая эти слова, я сожалел, что автор не уделил большего внимания тем самым «иным изъятиям», поскольку их выявление, безусловно, позволило бы лучше понять изломы польской судьбы, но, разумеется, в одну статью всего не вместить. История продолжается: XIX и XX века углубили ощущение периферийности Польши, которая сначала исчезла с политической карты, чтобы, вернувшись, стать на долгое время зависимой страной со всеми вытекающими

последствиями. Тем временем «из катаклизмов и гекатомб, которые принесли тоталитарные системы и мировые войны, явившиеся, несомненно, производной метафизической мутации, Западная Европа вышла ошеломленной, пораженной и нравственно исчерпанной. Стало понятно, что на почве сциентизма не удастся построить безопасное царство человека, что такая опция не может гарантировать никакого абсолютного смысла. При этом и возврат, во всеобщем масштабе, к старому порядку оказался невозможен».

Более того. Мир был разделен, по обоюдному, хотя скрываемому на Западе согласию, на два лагеря: Запад «в течение многих лет вообще не хотел, чтобы подчиненные советской России государства Центральной и Восточной Европы освободились от зависимости, пусть и выказывал демонстративное сочувствие». Что ж, в любом грубом наброске детали смазаны, но вообще-то трудно было бы доказать, что западные немцы не хотели объединения разделенной страны, хотя, конечно, и там нашлись бы сторонники (к ним, в общем-то, относился и Гюнтер Грасс) сохранения отдельной Восточной Германии. Но это, конечно, малозначащая деталь.

При всем том острее и острее становилось сопротивление западных консерваторов, таких как Рональд Рейган, предпринявший борьбу с «империей зла». А одновременно «критикуемая за консерватизм католическая Церковь (...) с достойной удивления интуицией в 1978 г. избрала Папой поляка». И здесь, пишет Либер, в игру вступает Польша:

«Именно в этот момент открывается самая интересная глава в описываемой истории. Всё сильнее бунтующее против тоталитарного режима польское общество начинает вызывать у Западной Европы симпатию и удивление. Эта борьба виделась, конечно же, как реализация стремления к свободе и независимости, побуждаемого, безусловно, левацким духом. (...) Однако вскоре, а именно с первой папской поездки Папы в Польшу, тем более после организации «Солидарности» в августе 1980 го, такая картина начинает меняться, вызывая некое недоумение. Запад дивится молящимся толпам на папских мессах и не понимает, как это вождь бастующих докеров — пролетарий Лех Валенса — вместо какого-либо классического символа борьбы рабочего класса цепляет себе на лацкан образок Богородицы и никогда с ним не расстается. (...) Некоторые, из числа прекраснотушних, смотрели на этот истовый, всеобщий мистицизм не без некоторой зависти и даже с надеждой, что он сумеет вновь разжечь гаснущий на Западе пламень веры. Большинство же всё чаще усматривало в

этом преимущественно фанатизм, который ведет прямым к самой небезопасной из всех опций — к фундаментализму».

Вот и прозвучало действительно важное слово — фундаментализм. Это то, что вызывает опасения, даже просто страх перед вспышкой какой-нибудь «священной войны». Какой такой священной войны опасается то самое большинство на Западе (полагаю, что Либера имеет в виду политических комментаторов, а не простой народ), автор уже не уточняет, он стремится лишь показать тревогу, которую в западных элитах, подверженных диктату сциентизма, воследовавшего от привитой в эпоху Ренессанса и Просвещения инфекции, будит тот самый, как было определено, особый мистицизм польского «славяно-римского» общества, ведомого в бой Лехом Валенсой с Богородицей, припиленной к лацкану пиджака. И связано это не с какими-то прометеевскими левацкими идеями, но с ценностями на консервативной основе. И что с того, что о мистицизме в Польше трудно нечто осмысленное сказать, так как даже хилый мистицизм польских романтиков — это давнее и мертвое прошлое. Основной тезис Либера можно, пожалуй, выразить так: увядшие под светом просвещения либеральные и левые элиты Запады сочли поляков, с их подчас специфичным патриотизмом и демонстрациями верности католической Церкви, угрозой для порядка, с таким трудом наработанного в Европе после Второй Мировой войны.

Но это еще не всё. Именно такой взгляд приняла или, лучше сказать, переняла якобы доминирующая на польском рынке прессы (полном газет и журналов совершенно других взглядов) «Газета выбора», которая тем самым стала укреплять негативный образ Польши за границей: «Последствия этой масштабно запланированной мистификации оказались общественно вредными. По-настоящему обструкционные, анархические или исполненные фрустраций и фобий элементы не только не оказались ослабленными или маргинализированными, но, напротив, по принципу противодействия, укрепились и стабилизировались». Они и формируют цитадель польского обскурантизма, не столь, правда, мощную, как ее рисуют, однако существующую.

Добавим, что речь идет не только об анархистах, но и о группах особенно радикальных националистов. Таких хорошо воспитанный Либера не станет и называть, а в заключении статьи напишет: «Обскурантизм не будет побежден насмешкой, его бесполезно изо дня в день волочить к позорному столбу. Но обскурантизм можно ограничить и преодолеть,

создав сильную, привлекательную альтернативу. Для этого, однако, требуется спокойствие и кропотливая, хотелось бы сказать позитивистская, работа у основ, а не шумный спектакль, рассчитанный по преимуществу на аплодисменты и поддержку высокопросвещенной метрополии». Имеет, возможно, смысл напомнить, что «насмешников» менее, конечно, элегантно, но таким же образом трактовала коммунистическая пропаганда в конце 60-х. Обвинение было аналогичным: очернительство и искажение образа польского общества. Нападкам тогда подверглись такие писатели, как Мрожек, Конвицкий, Казимеж Брандыс, и режиссеры — например, Анджей Вайда. Оставим в стороне вопрос о насмешническом тоне в определении положения «Газеты wyborчей» и последнюю фразу Либеры, но хотелось бы узнать от автора, какова же или чем должна быть эта «сильная, привлекательная альтернатива».

Как бы то ни было, а тема угрозы фундаментализма появляется не только на страницах «Газеты wyborчей». Последний выпуск ежеквартальника «Пшеглэнд политычный» (2013, №119) содержит обширную подборку, озаглавленную «Польша радикалов». В интересном очерке «Веймарское положение» Цезария Михальского, автора, с которым еще недавно можно было встретиться в близкой консерваторам среде, а сейчас связанного с левым «Пшеглэндом политычным», предпринята попытка выстроить параллели с ситуацией периода заката Веймарской республики, в которой политический кризис разрешился в 1933 г. законным, демократическим избранием Гитлера и его партии. Михальский пишет: тот факт, что Польша занимает в Европе положение младшего партнера Германии, «не может удовлетворить всех и становится одним из источников периферийного ресентимента у части польских элит, что грозит нашей стране скатыванием в “веймарское положение”». Одновременно та же часть элиты, «не знающая меры» и погруженная в ресентимент периферийности, отказывается от попыток укрепления централизирующих институтов в Европе как последнего возможного европейского партнера для «полугегемонистской Германии». А в результате, полагает Михальский, с очевидностью укрепляются позиции этих политических кругов, соответственно усиливаются радикализм и даже фундаментализм, направленные против либералов, то есть, в понимании радикалов, «аморальных».

В подборке материалов, представленных «Пшеглэндом политычным», обращает на себя внимание и статья философа Анджея Ледера «Современный политический радикализм».

Автор рассматривает основополагающий для понимания происходящих политических процессов вопрос о суверенитете национальных государств:

«Ключ к проблеме суверенитета — в феномене представительства. Так получается, что двусмысленность самого понятия «представительство» существенным образом проясняет проблемы, с которыми трудно справляется современная политическая теория. Представительство — это, во-первых, возможность для граждан участвовать в политической субъектности современных государств. В соответствии с концепцией Руссо, каждый из нас, благодаря общественному договору, принадлежит общественной воле, которая в государстве является политическим сувереном. Однако представительство, во-вторых, — это и комплекс представлений, мифов, символов и связанных с ними практик, что ограничивает коллективное сознание политических субъектов. Это своего рода имагинариум, в котором мы воображаем себе, кто и каким образом принимает решения, вписываемся в эти процессы, представляем своих врагов и союзников. Политические актеры представляются в общественном воображении. Поэтому я полагаю, что главная проблема современного осуществления политики — это огромный и, безусловно, необратимый разлад между уровнем представительства, понимаемого как делегирование суверенитета, и представительством как способом представления политических процессов в общественном сознании. С одной стороны, мы свидетели дрейфа суверенности, которая все более отдаляется от институтов и процедур, традиционно считающихся представительствами общественной воли; мы все знаем, что ключевые для судеб общества решения принимаются в глобализированных учреждениях и организациях, охватывающих всю планету. Частных, таких как большие корпорации, и общественных, таких как различные наднациональные установления. Их власть базируется на делегированных государствами прерогативах, однако их действительный инструмент — это способность исключить. Кто не принимает продиктованных правил игры, тот просто не присутствует, не представлен — он исчезает. (...) Ответом на такое исчезновение субъектности становится спектакль ее обретения.

Однако лишь крупнейшие, субконтинентальные организмы, такие как США, Индия, Китай, будучи сами по себе федерациями, имеют потенциал для проведения «национальной» политики. (...) Польша — типичная страна, оказавшаяся в ловушке дрейфа суверенитета. По сути дела,

единственный способ обрести несколько бóльшую, реальную политическую субъектность — это дальнейшее ее делегирование европейским институтам, при сохранении определенных гарантий влияния на функционирование формирующегося таким образом «корневища». Проблема в том, что в нашем национальном имажинариуме вообще не имеется символов и знаков, позволяющих позитивно представить процесс делегирования политических полномочий выше уровня польского государства. Разве что единственный символ — Речь Посполитая Обоих Народов. (...) Но в нынешних представлениях именно «мы» были головой этого организма. Это было наше тело. Сегодня же мы можем быть только каким-то не самым главным членом формирующейся федерации. А вот образов лишения суверенитета посредством того, что наднационально, в польском имажинариуме немерено. (...) В этом контексте может лишь вызвать удивление, что пока еще большей части общества удастся отделить нелегкое чувство действительности от ностальгических или жутковатых видений. Однако как долго эта «взрослость» сможет обороняться? Думаю, что, пока хотя бы некоторой части поляков удастся сохранить ощущение своей субъектности в «микромасштабе» индивидуально или семейно переживаемой истории жизни, — до тех пор они могут согласиться с чувством утраты субъектности в политическом масштабе. Но это все-таки не стабильная ситуация. Во-первых, потому что чувство отстраненности от реального политического процесса способствует случайности политического выбора. Во-вторых, в момент кризиса оно может склонить в сторону «самого сильного» спектакля. А такой театр предлагают именно радикальные движения».

Европейский выбор, в чем убеждает в своих последних книгах (прекрасно, признаю, написанных) Ярослав Марек Рымкевич, означает предательство по отношению к польскому духу, это выбор просвещенческого сциентизма, почерпнутого из высокопросвещенных метрополий Парижа и Берлина в противовес бешеной готовности к самоуничтожению при жутком побоище в защиту суверенной национальной избы. Такой тип мышления, особенно перед лицом «подстроенного чужаками» кризиса, при нагнетании чувства зависимости от дальних «штаб-квартир», может пробудить демонов. В этой ситуации стоило бы спросить озабоченного нашими судьбами Антония Либеру, на чем все же должна базироваться постулируемая им «сильная, привлекательная альтернатива».

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

На сей раз и профессиональные кинематографисты, и журналисты, и рядовые зрители высказались единодушно: такого фестиваля Гдыня не видела много лет! Среди 14 фильмов, составивших программу главного конкурса 38 го Кинофестиваля в Гдыне (9–14 сентября) оказалось много работ удачных, важных, побуждающих к размышлению.

«Золотых Львов» поучила «Ида» Павла Павликовского. Действие фильма разворачивается в начале 1960-х. Анна, послушница, сирота, выросшая в монастыре, перед постригом знакомится с Вандой, единственной своей оставшейся в живых родственницей, от которой узнает, что она, Анна, еврейка. Анна и Ванда отправляются в дорогу, которая должна помочь им узнать трагическую историю семьи и правду о собственной идентичности. Агата Кулеша, снявшаяся в роли Ванды, была отмечена наградой за лучшую женскую роль.

— За «Иду» голосовали все. Это очень простой фильм, сделанный хладнокровно, но тем более волнующий, даже вызывающий боль, — сказал, оглашая решение жюри, его председатель Януш Гловацкий.

Еще один триумфатор фестиваля (удостоенный «Серебряных Львов») — фильм «Во имя...» Малгожаты Шумовской, получившей приз за лучшую режиссерскую работу; исполнитель главной роли Анжей Хыра назван лучшим актером. Это история ксендза, влюбленного в молодого мужчину. Действие происходит в польской деревне.

«Серебряными Львами» жюри отметило также фильм Мацея Пепшицы «Хочется жить», основанный на подлинных событиях, — трогательная, а вместе с тем лучащаяся оптимизмом и юмором история страдающего поражением мозга Матеуша.

Специальным призом жюри отмечены два фильма: «Бэби-блюз» Катажины Росланец и «Любовь» Славомира Фабицкого.

«Платиновых Львов» за совокупность творчества получил режиссер Ежи Антчак. Создатель экранизации романа Марии Домбровской «Ночи и дни» приехал в Гдыню с женой, Ядвигой

Баранской, которая сыграла в этом фильме незабываемую главную роль Барбары Нехтиц.

Неожиданно появился в Гдыне Роман Полянский. Вне конкурса был показан его новый фильм — комедия «Венера в мехах». Зрители смогли увидеть также фрагменты находящегося в процессе работы фильма Владислава Пасиковского «Джек Стронг» — триллера, рассказывающего о судьбе полковника Рышарда Куклинского.

На Международном кинофестивале в Венеции 5 сентября прошла мировая премьера фильма Анджея Вайды «Валенса. Человек из надежды». Присутствовал режиссер, исполнители главных ролей Роберт Венцкевич и Агнешка Гроховская, а также сам Лех Валенса с женой Данутой. Фильм был принят овацией, зал (неполный, впрочем) встал... Премьера в Польше запланирована на 21 сентября.

А уже 23 октября на прилавках появится книга Януша Гловацкого о написании сценария к этому фильму. Название пока секрет. Издательство («Свят ксёнки») обнародовало только подзаголовок: «Как я писал сценарий о Лехе Валенсе для Анджея Вайды». «Черный юмор смешивается в этом повествовании с черной действительностью, трагедия с гротеском, правда с вымыслом, а ПНР со свободной Польшей. Громоподобный коктейль. Стоит сравнить с фильмом», — читаем в издательском анонсе.

В интервью польскому «Ньюсуику» Гловацкий сообщил, что в ходе работы над фильмом Вайда изменил некоторые сцены. Гротескно-ироничные стали серьезными и патетическими. Гловацкий признался, что его не увлекало написание «героического» фильма: «Смешное у меня всегда соединяется с пафосом, ибо без смешного нет драмы. Таким я хотел показать и Валенсу».

Национальная библиотека обогатилась рукописями 11 романов Тадеуша Конвицкого. В частности, писатель передал в дар рукописные экземпляры «Зверочеловекоморока» (1969), «Ничто или ничто» (1971), «Хроники любовных происшествий» (1974). Особый интерес вызывают автографы романов, официальную публикацию которых запретила цензура ПНР: «Малого Апокалипсиса» (1979), «Восходов и закатов луны» (1982), «Подземной реки» (1984). Конвицкий передал Национальной библиотеке также картонные папки, в которых хранил рукописи. На этих папках он записывал композиционные замыслы, очередность глав, наброски, планы повествования. Благодаря авторским заметкам мы можем

узнать, что первоначально «Зверочеловекоморок» назывался «Смерть гнома», «Вечерние зори» — «Как написать бестселлер, не умея писать», а «Памфлет на себя» поначалу носил заглавие «Последний вздох».

Тадеуш Конвицкий берег бумагу. В течение многих лет связанный с издательством «Читательник», он писал свои произведения на оборотных сторонах машинописных листов, оставшихся от выпущенных в свет книг (например, дневников Зофьи Налковской и романов Иоанны Хмелевской), а также на обороте машинописи сценария поставленного им фильма «Долина Иссы» по роману Чеслава Милоша.

В финальный тур присуждаемой в восьмой раз Центральноевропейской литературной премии «Ангелус» жюри допустило семь книг. Польскую прозу представляют «Дом под лютней» Казимежа Орлоса, «Дневник» Ежи Пильха, «Грохув» Анджея Стасюка и «Морфин» Щепана Твардоха. В финале также «В чаще метрополии» австрийского писателя Карла-Маркуса Гаусса, «Время ночь» русской писательницы Людмилы Петрушевской и «Музей заброшенных секретов» украинской писательницы, поэтессы и эссеистки Оксаны Забужко.

Победитель будет объявлен 19 октября на торжественной церемонии в музыкальном театре «Капитоль» во Вроцлаве. «Ангелус» — это премия для писателей из Центральной и Восточной Европы, которые поднимают в своих произведениях наиболее важные для современности темы. Премия (статуэтка работы Эвы Россано и чек на сумму 150 тыс. злотых) присуждается за лучшую книгу прозы, опубликованную на польском языке в предыдущем году.

Ранее премией «Ангелус» были отмечены книги «Двенадцать кругов» Юрия Андруховича (2006), «Смерть в бункере — повесть о моем отце» Мартина Поллака (2007), «Harmonia caelestis» («Небесная гармония») Петера Эстерхази (2008), «Инженер человеческих душ» Йозефа Шкворецкого (2009), «Мессии» Дьёрдя Шпиро (2010), «У войны не женское лицо» Светланы Алексиевич (2011), «Срда поет в сумерках на Пятидесятницу» Миленко Ерговича (2012).

В первый раз в истории литературной премии «Нике» в финале оказался комикс — «Приключения на необитаемом острове» Мацея Сенчика (издательство «Лампа и Искра Божья»). Кроме того, выдвинуты четыре романа: «Темно, почти ночь» Иоанны Батор (W.A.B.), «Ночь живых евреев» Игоря Остаховича (W.A.B.), «Морфин» Щепана Твардоха («Выдавничество литерацке») и

«Смотри на меня, Клара» Каи Маляновской («Критика политычна»). За награду состязаются в нынешнем году также сборник стихов «Bach for my baby» Юстины Баргельской («Бюро литерацке») и репортаж Катажины Сурмяк-Доманской «Болотце» («Чарне»).

«Нике» — это премия за лучшую книгу года. Победитель получает 100 тыс. злотых и статуэтку Нике работы Густава Землы. В нынешнем году в жюри председательствует Тадеуш Нычек.

Лауреата узнаем 6 октября.

Рита Гомбрович намеревается написать книгу, которая подытожит годы ее жизни после кончины мужа, умершего в 1969 году. «Я хотела бы описать эти 45 лет после смерти Гомбровича, показать польским читателям то, что в это время происходило с его наследием, как я над ним работала», — сказала вдова писателя. Творчество своего мужа она назвала «энергетической сферой», которая питала ее работу: «Гомбрович оставил мне свое наследие, так что я ежедневно им занималась. Витольд присутствовал в мире при моем посредничестве».

Рита Гомбрович (род. 1935 в Канаде, живет во Франции) — французская писательница, теоретик литературы, куратор изданий Гомбровича. Благодаря ее усилиям книги автора «Фердидурки» ежегодно издаются в разных странах. Сегодня они уже переведены на 37 языков. Рита Гомбрович издала две биографические книги: «Гомбрович в Аргентине» и «Гомбрович в Европе». В мае нынешнего года она опубликовала интимный дневник писателя под названием «Кронос».

В октябре, как раз накануне Краковской книжной ярмарки, «Выдавництво литерацке» выпустит книгу «Слава и фортуна», содержащую все письма, написанные Станиславом Лемом его американскому переводчику Майклу Канделю. Письма относятся к 1972—1987 гг., причем абсолютное большинство из них Лем направил за океан в 70-е годы. Он в это время создал такие значительные книги, как «Голем XIV», «Маска», «Фиаско», «Мир на Земле». К нему пришел успех за границами социалистического блока, писатель начал завоевывать Запад. По мнению крупнейшего знатока творчества Лема профессора Ежи Яжембского, переписка с Канделем — это «повесть об успехе, о том, как, не пренебрегая интеллектуальной добросовестностью и художественной достоверностью, можно постоянно поднимать планку, а одновременно не пренебрегать и миллионами читателей, славой среди элит и даже деньгами,

которые приходят несколько поздно, зато в количестве более чем достаточном. Повесть Лема, однако, не радостна: всё это происходит в единичной жизни, которая полнится болезнями, разочарованиями, постепенным ослаблением веры в потребность творчества. При этом единичные люди и целые общества проявляют свои худшие черты, история обманывает и обманывает ожидания, тайны мира не находят серьезных разгадок, а место покровителя человечества — Бога, в которого не получается поверить, — занимает пустота, напрасно взыскующая заполнения».

Автор «Соляриса» часто объясняет Канделю главные идеи своих произведений. Нигде более писатель так тщательно не анализировал свои работы. Для поклонников творчества Станислава Лема книга «Фортуна и слава» будет, безусловно, кладом информации.

7 сентября второй раз проводилось «Народное чтение». Героем мероприятия в нынешнем году был Александр Фредро, который «смотрел на своих земляков с юмором, иногда с иронией, но и с углубленным раздумьем», как написал президент Бронислав Коморовский, приглашая к участию в общем чтении. И добавил: «Многие годы Фредро ставят на сцене, экранизируют, но его можно также читать в кругу семьи, знакомых, с кем-либо или одному, по ролям или без ролей, в парке, в саду, в доме. Потому что стоит читать драмы, которые с давних наших времен, от романтизма до современности, формируют картину польской культуры, создают определенный культурный код, который мы как поляки очень хорошо понимаем».

В Саском парке в Варшаве было представлено пять комедий гениального знатока человеческих характеров. «Месть» по ролям читали, к восторгу публики, Кшесимир Дембский (Чесник), Аня Русович (Клара), Анджей Понедзельский (стряпчий Мильчек), Уршуля Дудзяк (Подстолина), Михал Огурек (Папкин), Анджей Понговский (Дындальский).

Общее чтение собрало толпы на Главной площади в Кракове, в Гданьске на Мариакской, в Быдгоще.

«Народное чтение» — это инициированная в 2012 году президентом Польши общенациональная акция публичного чтения величайших польских литературных произведений. Героем первого мероприятия был «Пан Тадеуш» Адама Мицкевича. В следующем году чтение отдано Генрику Сенкевичу.

Анджей Северин (род. 1946) отмечает 45-летие творческой деятельности. Он дебютировал в варшавском театре «Атенеум». Стал третьим в истории иностранцем, вошедшим в элитарную труппу парижского театра «Комеди Франсез». На сцене национального театра Франции Северин дебютировал в 1993 г. в заглавной роли в «Дон Жуане» Мольера. Три годами позже французская критика признала его лучшим актером сезона. Северин стал членом правления «Комеди Франсез» и преподавателем в Высшей школе театрального искусства и техники в Лионе. Столь яркого успеха во Франции никогда не добивался ни один польский актер.

Северин, выпускник Государственной высшей театральной школы в Варшаве, до 1980 г. был связан с театром «Атенеум». Первая заметная роль в кино относится к 1974 г. — Макс Баум в «Земле обетованной» Анджея Вайды. В начале 80-х выехал во Францию, где его застало военное положение. В интернациональном актерском ансамбле принял участие в «Махабхарате» — одном из главных театральных представлений британского режиссера Питера Брука. Северин снялся более чем в 40 польских и зарубежных фильмах, в том числе в картине «На серебряной планете» Анджея Жулавского, в «Детских вопросах» Януша Заорского, «Границе» Яна Рыбковского, в «Человеке из железа», «Без наркоза» и «Дирижере» Вайды, а также в «Списке Шиндлера» Стивена Спилберга. В 2000 г. в фильме Тересы Котлярчик «Примас. Три года из тысячи» воплотил образ кардинала Стефана Вышинского.

Окончательно вернулся в Польшу в 2010 г., стал директором Польского театра им. Арнольда Шифмана в Варшаве.

Северин — обладатель множества наград и премий, в том числе «Серебряного Медведя» Берлинского международного кинофестиваля за роль Адама в «Дирижере». В 2006 г. получил Золотую медаль «Gloria Artis» министра культуры и французский орден Почетного легиона. В 2008 г. был отмечен Командорским Крестом ордена Возрождения Польши.

Юбилей актера был отмечен в Польском театре спектаклем «Школа жен» Мольера. С Анджеем Северином в главной роли.

В программе 56-го Международного фестиваля современной музыки «Варшавская осень» (20–28 сентября) концерты из произведений Витольда Лютославского, Генрика Миколая Гурецкого и Кшиштофа Пендерецкого. В нынешнем году отмечается 100-летие Лютославского и 80 летие Гурецкого и Пендерецкого. 22 сентября в Национальной филармонии в

Варшаве выдающийся польский пианист Кристиан Цимерман исполнил фортепьянный концерт Лютославского, прозвучала Третья симфония композитора. Оркестром Национальной филармонии дирижировал Яцек Каспшик. Состоялся также концерт, программу которого составили все струнные квартеты Генрика Миколая Гурецкого в исполнении Силезского квартета. Публика услышала также «Страсти по Луке» Кшиштофа Пендерецкого в исполнении оркестра и хора Национальной филармонии и Варшавского хора мальчиков. Состоялась также польская премьера новой композиции Павла Мыкетина «Wax Music». Произведение было создано с мыслью о первом в истории носителе звука, которым стал восковой валик для изобретенного Томасом Эдисоном в конце XIX века фонографа.

48-й Международный фестиваль «Wratistavia Cantans» (6-15 сентября) был обращен к югу Европы — назывался «Путешествие в Италию». Художественное руководство взял на себя видный дирижер и инструменталист Джованни Антонини. Были представлены произведения итальянских и работавших в Италии композиторов, а также произведения, вдохновленные богатой традицией этой страны.

Итальянское путешествие вело слушателей по разным эпохам: от Ренессанса (Джезуальдо да Веноза) через Боккерини, Верди и Пуччини — до современности (Лучано Берио). Цикл «Италия, видимая с севера» включал произведения Моцарта, Шуберта, Мендельсона и Стравинского (концертное исполнение балета «Пульчинелла»). В первый раз была исполнена Третья симфония польского композитора Войцеха Земовита Зыха. Не было обойдено вниманием и 100 летие Витольда Лютославского.

Пожаловало немало итальянских звезд, в том числе известные польской публике и любимые ею Роберта Инверницци и Соня Прима, были звезды из других стран — Юлия Лежнева и Ольга Пасечник, а среди коллективов, например, «Kölner Kammerchor», «Spira Mirabilis», «Vox Luminis», «Lutosławski Piano Duo», а также легендарная вокальная группа «The Swingle Singers».

12 сентября краковский Национальный музей открыл Центр европейской культуры «Европеум» — площадку для показа западноевропейского искусства. Экспозиция в камерных интерьерах включает жемчужины коллекции Национального музея — свыше 100 картин и скульптур, в числе которых «Распятие» Паоло Веронезе, «Поклонение Младенцу» Лоренцо Лотто, «Проповедь Иоанна Крестителя» Питера Брейгеля

Младшего, французская скульптура XIV века «Мадонна с Младенцем», «Бюст епископа», исполненный в Нидерландах около 1500 г., каталонские Мадонны, «Бегство в Египет» Луки Джордано, «Меркурий» Бертеля Торвальдсена.

«Европеум» разместился в очень красивом здании амбара XVII века на площади Сикорского, по соседству с монастырем капуцинов, неподалеку от Главной площади. Здание долгие годы использовалось как склад. Реконструкция осуществлена на средства Евросоюза.

В варшавской галерее «Захента» открыта выставка «In God We Trust», долженствующая показать богатый пейзаж религиозности в Америке. Представлена там и работа Петра Укланского, польского художника, живущего в США. Она представляет собой помещенную в стеклянную баночку однодолларовую банкноту, старательно сложенную и спрессованную так, что видна только надпись «In God We Trust» — нынешний национальный лозунг Соединенных Штатов. Дорота Ярецкая в рецензии, озаглавленной «Сакральный китч. Made in USA», пишет, что эта, в общем-то, скромная работа оказалась для нее самым сильным впечатлением от выставки. Остальное может понравиться этнографам, исследователям и любителям религиозного китча. Но китч — всегда только лишь китч. «Я понимаю, что целью выставки было показать богатство верований, но также и неоднозначность и опасности массовых религиозных практик в Соединенных Штатах, — пишет Ярецкая в «Газете выборчей». — Это одна из выставок-фресок. Выставка больших итогов. Но в целом складывается ощущение луна-парка. Кажется, что моделью был Диснейленд, а поэтому после обозрения данного показа я готова все фильмы, фотографии, анимацию сменять на эту вот небольшую, едва заметную работу. Мал золотник, да дорог». Выставку можно посмотреть до 10 ноября.

В нынешнем году Премию имени Яна Карского и Поли Ниренской получила профессор Барбара Энгелькинг — выдающийся исследователь истории Катастрофы. Лауреат этого важного отличия, присуждаемого авторам публикаций на тему польских евреев, много лет работает в Институте философии и социологии Польской Академии наук. В 2003 г. она основала здесь Центр исследований уничтожения евреев. Профессор Энгелькинг — автор многих публикаций на тему Катастрофы, в том числе необычной книги «Варшавское гетто. Путеводитель по несуществующему городу», написанной в соавторстве с Яцеком Леотяком.

Премию в 1992 г. учредил профессор Ян Карский — военный курьер польского правительства, который первым информировал Запад об истреблении евреев. Среди лауреатов премии — Ежи Фицовский, Марек Ростворовский, Генрик Гринберг, Ханна Краль и свящ. Станислав Мусял.

Люблинский университет им. Марии Кюри-Склодовской учредил грант имени Леопольда Унгера для молодых журналистов (до 35 лет). Из 31 кандидата гранты предоставлены четырем: Ольге Берут в размере 5 тыс. злотых на осуществление репортажа об Абхазии, Лукашу Гроняку предоставлена двухнедельная стажировка в брюссельской газете «Суар», где печатался Унгер, Мацею Орловскому — месячная стажировка в «Газете выборчей», Малгожате Осовецкой — месячная стажировка в еженедельнике «Политика». Цель начинания — способствовать распространению ценностей, которые исповедовал Леопольд Унгер, один из наиболее серьезных европейских публицистов, печатавшийся преимущественно на страницах газеты «Суар», парижской «Культуры» и «Газеты Выборчей».

В состав капитула гранта входят члены семьи Леопольда Унгера, ректор университета им. Кюри-Склодовской профессор Станислав Михаловский, свящ. Адам Бонецкий, Стефан Братковский, Ярослав Курский, профессор Адам Даниэль Ротфельд. Председатель — профессор Ивонна Хофман.

Прощания

8 сентября в возрасте 79 лет умерла Данута Врублевская, историк искусства и художественный критик, практик музейной работы, публицист. Она была организатором громких выставок современного искусства — например, в «Захенте», «Кордегардии», в Музее Варшавского архиепископства.

«Врублевская собирала возле себя крупные индивидуальности, художников и мыслителей, — сказала в интервью агентству ПАП ее многолетняя сотрудница Веслава Верховская. — Чувствительность и страсть, глубокое знание современного искусства и ясная система ценностей, глубокая деликатность в отношении художников, замечательный дар слова — все это позволяло ей влиять на формирование общественного мнения, способствовало популярности в польской художественной среде».

Врублевская — автор четырех книг о современном польском искусстве, в том числе — в соавторстве с Анджеем Ватом — обширной работы о творчестве Яна Лебенстайна.

Среди многих своих наград Врублевская особо ценила «Серебряного Горностая с Красной Розой» — присужденную ей в 2012 г. премию Общества друзей Академии изящных искусств.

2 сентября в Кракове умер Ярослав Сметана, один из лучших польских джазовых гитаристов. Ему было 62 года. Смерть наступила в результате осложнения после перенесенной в начале года операции по удалению опухоли мозга. Музыкант пользовался огромной популярностью в своей среде. В апреле друзья организовали концерт в его пользу.

За годы карьеры Ярослав Сметана создал более двухсот джазовых композиций, записал несколько десятков пластинок. Он сотрудничал с ведущими польскими и западноевропейскими джазовыми музыкантами. Создал сингл, посвященный истории джаза, — «A Story of Polish Jazz». Был также преподавателем в Краковской школе джаза и легкой музыки. В 1998 году стал лауреатом Музыкальной премии «Фридерик» за альбом «Songs and Other Ballads». Он также получил награду президента Кракова за выдающиеся достижения. В июле нынешнего года был награжден статуэткой «Джазовый Барашек», которая вручается выдающимся артистам, связанным с историей джаза в Кракове.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ

— МЦК возник в 1991 году. Это было первое в Польше учреждение культуры такого рода после общественно-политических преобразований. Чем занимается Центр?

— Для начала я бы просто поделила все мероприятия на заметные извне, доступные для широкой публики, и внутренние, предназначенные для узкой группы специалистов. Общедоступные мероприятия мы адресуем, главным образом, краковской публике и туристам, посещающим наш город. Здесь я имею в виду всё, что происходит в Галерее МЦК, то есть выставки (как те, что мы принимаем, так и те, что готовим сами) и ряд акций, сопутствующих этим экспозициям. В зависимости от темы, это и мастер-классы для детей и взрослых, и лекции, встречи с кураторами и художниками, иногда и продвижение книг, вписывающихся в контекст данной экспозиции. Еще мы организуем посещение выставок в сопровождении кураторов либо специалистов. Нужно сказать, что всё это пользуется большим успехом.

Очень заметна для публики и деятельность нашего издательского центра. Мы выпускаем не только каталоги к нашим выставкам или многочисленные публикации по итогам конференций. Издательство МЦК прежде всего создает издательские серии, которыми мы гордимся с давних пор. Например, мы ведем огромный инвентаризационный проект, касающийся церквей и монастырей на Кресах бывшей Речи Посполитой. Тома, подготовленные группой краковских историков искусства под руководством Яна Островского и изданные к настоящему времени МЦК, охватывают монастыри и католические церкви на территории бывших «русских» земель Речи Посполитой Обоих Народов, то есть нынешней Украины (20 книг). В следующих сериях, реализованных в рамках того же проекта варшавским научным сообществом, в первую очередь Марией Каламайской-Саед, мы описываем с этой точки зрения также бывшие земли Великого Княжества Литовского, то есть нынешнюю Белоруссию. Это уже, можно сказать, наша монументальная серия. С 2009 г. мы выпускаем «Библиотеку Центра Европы», в рамках которой вышли пока две книги (третья готовится). Стоит обратить внимание на инициативу последних лет — ежеквартальник «Herito»,

запущенный нами в 2010 году. «Herito» — польско-английское издание, адресованное не только специалистам, но и всем, кого в какой-то степени интересует культурное наследие, история, память или искусство Центральной Европы в широком смысле этого понятия (в том числе и в современном контексте).

Частично в публичную деятельность нашего центра вписывается и «Центр образования — Академия наследия» (ЦО-АН). Однако его предложения направлены прежде всего профессионалам, а также чиновникам и работникам самоуправления, желающим получить в рамках последипломного обучения дополнительное образование в области управления и охраны культурного наследия. ЦО-АН проводит и Вышеградские летние школы. Пользуясь случаем, я хотела бы здесь подчеркнуть, что, волей министров вышеградской группы^[1], МЦК с 2007 г. координирует группу экспертов V4 по вопросам культурного наследия. Отсюда, кстати, и сама инициатива, и проведение нами в этом году уже второго Форума наследия Центральной Европы.

Я немного рассказала об инициативах, направленных вовне. Если же говорить о второй части нашей деятельности, менее заметной для публики, то ее отличный пример — это центр, который ее представляет, а именно Институт европейского наследия МЦК (ИЕН). Деятельность ИЕН сосредоточена в основном на научно-исследовательских проектах и сотрудничестве в этой области с иностранными партнерами, главным образом с нашими соседями. Наш центр, помимо организации экспертных встреч, обучающих визитов или конференций, ведет и долгосрочные проекты, как минимум двух-трехлетние. Один из таких проектов, который мы в настоящее время реализуем, это «Миф Галиции». Я сама сейчас приступила к работе над проектом «Польша и Петербург». Он будет осуществлен МЦК по заказу польского министерства культуры и национального наследия в рамках года Польши в России, а его финал в виде выставки и сопутствующей ей культурно-научной программы планируется на 2015 год. Так что мы тут в ИЕН потихоньку работаем за своими столами, а то, что мы делаем, заметнее в профессиональной среде или за границей, чем для посетителей МЦК.

— Хотелось бы ненадолго вернуться к проблеме «широкой аудитории». На интернет-страничке МЦК вы пишете, что вас интересует главным образом пропаганда новых позиций в отношении европейского наследия...

— Верно. Это предложение нового взгляда было заметно в ряде уже осуществленных проектов. В основном нас заботит развитие некой чувствительности и чуткости к нашему нередко общему культурному наследию, но в форме, соответствующей как эволюционирующей философии наследия, так и современным стандартам, а также постоянно растущим потребностям. С этой целью мы завязываем диалог со многими странами, оставаясь прежде всего внутри Восточной Европы: ведь еще в 90-е годы мы начали сотрудничать с украинскими партнерами. В рамках этого сотрудничества мы устраивали выставки и конференции (например, посвященные феномену Львова и его архитектуре или, в 2008 г., польско-украинский «круглый стол» по вопросам общего наследия), издавали работы и публикации по результатам конференций. Так же, как с Украиной, мы организовали два года тому назад встречу с белорусскими партнерами, посвященную перспективам двустороннего сотрудничества, в том числе в контексте внесения в список ЮНЕСКО и современного управления наследием. Мы открыты для диалога и рассчитываем, что, возможно, в будущем наше сотрудничество с Белоруссией приобретет более реальные формы. Во всяком случае, мы стараемся прежде всего развивать сотрудничество с ближайшими соседями.

Здесь я, конечно, с учетом профиля вашего журнала подчеркиваю восточных партнеров, но (для ясности) главный предмет наших интересов — это Центральная Европа, в связи с чем большинство проектов реализуется со словацкими, венгерскими и чешскими (а также немецкими) партнерами и касается центрально-европейских контекстов. Для широкой публики мы организуем в первую очередь циклы открытых лекций. В предыдущие годы в течение двух сезонов мы совместно с Итальянским институтом культуры в Кракове проводили итальянские лекции, а с прошлого года у нас цикл русских лекций. Его инициатором стал варшавский Центр польско-российского диалога и согласия, и пока, надеюсь, обе стороны очень довольны этой варшавско-краковской «продукцией». Одно из главных правил (и достоинств) таких открытых лекций — посвященных данной стране, главным образом в контексте интересных явлений, касающихся ее наследия, культуры и памяти, — то, что лекции проводятся на языке этой страны (с синхронным переводом). К примеру, лекции, связанные с Россией, шли по-русски и по-польски. Думаю, это хорошее направление, дающее контакт с живым языком. Встречи пользуются большим успехом и всегда хорошо посещаются, благодаря не только личностям лекторов и затрагиваемой тематике, но еще и языку. А это поощряет нас

проводить такие лекции дальше. Мы также стараемся, чтобы культурное и научное сотрудничество, а в особенности забота о наследии, нередко общем, происходило в двух плоскостях. Кроме открытых лекций, мы стараемся организовывать семинары и обучающие визиты специалистов. Наши сотрудники и связанные с МЦК исследователи часто ездят на восток. Уже много лет Программный совет МЦК проводит в рамках цикла «Культурное наследие Центральной Европы» выездные семинары в разных странах Центральной и Восточной Европы. Мы были, в частности, на Украине, в Литве, Белоруссии, а год тому назад — в Калининградской области.

— Вы сказали, что МЦК занимается главным образом Центральной Европой, но мне хотелось бы поговорить о польско-российских проектах, которые также организует МЦК. В 2011 г., например, мы смогли увидеть выставку «Краков — Санкт-Петербург. Светотени наследия», на которой были представлены произведения российской художницы Надежды Анфаловой. Еще МЦК организовал уже упоминавшийся в нашей беседе цикл открытых лекций «Польско-русский диалог в МЦК». В этом году эти встречи прошли во второй раз...

— Если говорить о проектах, связанных с Россией, начать следует с того, что к сотрудничеству с российскими партнерами мы приступили гораздо раньше упомянутого события. Тесные контакты с Россией начали завязываться еще в 2008 году. Большую роль в развитии этого сотрудничества сыграл Польский институт в Санкт-Петербурге, а особенно его нынешний директор Цезарий Карпинский, организовавший обучающий визит в Краков ведущих «специалистов по наследию» из Санкт-Петербурга. Участниками этой поездки были, среди прочих, директор «Царского Села» и руководители двух неправительственных организаций, в круг интересов которых входит и культурное наследие (одна из них — петербургский «Мемориал», а вторая — Международный благотворительный фонд им. Дмитрия Лихачева). Вот с этого момента и началось тесное сотрудничество.

Первым ее результатом стала наша совместная конференция, которую мы организовали в 2008 г. в Петербурге во взаимодействии с Польским институтом и Фондом Лихачева. Она называлась «Краков — Санкт-Петербург. Наследие двух столиц. Город и политика». Эта встреча и дискуссия российских и польских специалистов по существу вопроса принесли плоды в виде нашей публикации под тем же названием, которую мы традиционно — как и в случае других двусторонних встреч такого рода — выпустили на двух языках, т.е. по-польски и по-

русски. Через несколько лет, как я уже упоминала, в 2012 г., у нас состоялся выездной семинар Программного совета МЦК по бывшей Восточной Пруссии и Калининградской области. Там тоже прошел «круглый стол», названный «Калининград: лаборатория центрально-европейского города (ревитализация и культурное наследие)», предметом которого был феномен этого города и его культурной идентичности. Тогда нашим партнером был калининградский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. Мы надеемся на продолжение начатого таким образом сотрудничества с Калининградом.

Еще в том же году мы предприняли — практически параллельно — две инициативы: появилась идея лекций «Польско-российский диалог в МЦК» и проект с рабочим названием «Польский Петербург». Тем временем, продолжая сотрудничество с Фондом Лихачева, мы приняли участие в трехстороннем семинаре в Санкт-Петербурге, одним из организаторов которого был вышеупомянутый фонд. На этом семинаре встретились специалисты из Польши, России и Соединенных Штатов, а конкретней, из трех городов: Кракова, Петербурга и Вашингтона. В течение двух дней мы дискутировали на тему значения и специфики исторических городов, в том числе и в контексте внесения в список ЮНЕСКО. Напомню, что как Краков, так и Санкт-Петербург есть в этом списке, а вот Вашингтон всё еще раздумывает, подавать ли заявку на внесение. Вашингтонские коллеги сопоставляли свой опыт с польским и российским, и, надо признать, это был весьма вдохновляющий семинар. Большой резонанс вызвало, например, выступление польского министра Малгожаты Омиляновской, которая на примере восстановления варшавского Старого города затронула проблему реконструкции памятников, в особенности того явления, которое встречается с 90-х годов на территории Центральной и Восточной Европы. Речь идет о тенденции строительства «новых памятников», то есть восстановления объектов, полностью уничтоженных несколько десятков лет тому назад и даже в более далеком прошлом. В связи с этим был поставлен вопрос о границах реконструкции: что можно и чего нельзя делать, где проходит тонкая линия, позволяющая среднему потребителю уловить разницу между оригиналом и «новоделом». Обращение к этой проблеме вызвало очень широкий отклик и большую дискуссию. Одним из сюжетов, который постоянно возникал в ходе этой встречи, была тема знаменитого газпромовского небоскреба и вопрос, насколько Петербург способен защититься от столь серьезных вторжений

в свою историческую субстанцию. Как известно, удалось заблокировать строительство этого небоскреба в самом центре; тем не менее он все же будет построен на несколько километров дальше, а значит — с учетом плоского расположения города — всё равно будет виден. Должна признать, что лично мне было необыкновенно интересно наблюдать за тем, как Фонд Лихачева и петербургский «Мемориал» сотрудничают с неправительственной организацией «Живой город». Эта организация объединяет в основном молодых людей, выполняющих роль своеобразных общественных кураторов и опекунов петербургских памятников. Они обращают внимание на все попытки и незаконных пристроек, и неправильного ремонта, и т.д. Эта группа проводит своеобразный мониторинг того, что происходит вокруг памятников в Петербурге, и меня крайне поразила картина этого почти образцового сотрудничества молодежи с почтенными профессорами. Возвращаясь к первой линии вопроса и проекту «Польша и Петербург»: это будет крупное мероприятие, но в связи с тем, что сейчас идет лишь первоначальная подготовка, я бы не хотела много говорить на эту тему.

— *Но могли бы вы сказать хотя бы, в чем идея этого проекта? Его основа?*

— Что ж, начнем с того, что Петербург — город мультикультурный и многонациональный. В последние годы там часто проходили сезоны или годы культуры отдельных стран. Нынешний год, например, это год Голландии, но до этого состоялся, в частности, год Германии, Италии, Франции, и каждая из этих наций очень сильно старалась подчеркнуть свое присутствие в Петербурге и заслуги своих соотечественников для этого города. Думаю, самое время вспомнить и о польском присутствии и вкладе поляков в то, что происходило в Петербурге, особенно в XIX веке.

Польская община с конца XVIII века и до наших дней эволюционировала: изменялся ее социальный и количественный состав. Тем не менее присутствие поляков в Петербурге особенно обозначилось именно в XIX веке, причем во всех областях. Счет поляков, получавших в то время в Петербурге высшее образование, шел на сотни. Это были всевозможные учебные заведения, начиная с военных и технических по разным специальностям, затем художественные училища, готовившие скульпторов, живописцев и архитекторов, и заканчивая юриспруденцией, лингвистикой и медициной. Все эти имена стоит вспомнить, а

их на самом деле немало. Это люди, послужившие как Петербургу и России, так и Польше. Здесь я имею в виду и тех, чьи судьбы часто делятся надвое: на время до и после революции 1917 года. Это ряд личностей, сыгравших важную роль в культурной либо общественной жизни Петербурга, а также в процессе строительства возрожденной Польши. Еще я хотела обратить внимание на один интересный сюжет, а именно: почти все исторические некрополи Санкт-Петербурга были уничтожены. Выборгского римско-католического кладбища практически не существует, а ведь там хоронили большинство поляков. И, как это ни парадоксально, может оказаться, что больше всего петербургских поляков сейчас похоронено на варшавских Повонзках^[2]. Конечно, мы еще будем проверять и удостоверять многие факты и цифры, но нужно замечать и такие парадоксы. Поэтому я думаю, что российской общественности, прежде всего петербургской, стоит напомнить об этом присутствии и вкладе поляков в развитие их бывшей столицы, особенно в широком контексте возвращения памяти о других народах, участвовавших в ее создании. Этот процесс на примере упомянутых выше наций проявился в виде как выставок, так и публикаций. Сегодня в Петербурге доступна целая масса книг и статей на тему деятельности иностранцев в этом городе. Я сама недавно даже обнаружила в книжном магазине книгу под названием «Турецкий Санкт-Петербург», в которой подробно описаны турецкие сюжеты и присутствие представителей Османской империи на Неве. Пора уже вспомнить и о поляках, тем более что там встречались личности с совершенно неординарными биографиями, представлявшие почти все области жизни. Думаю, и для поляков был бы интересен свежий взгляд на то, что наши соотечественники делали и чего достигли в тогдашней столице имперской России. Я, наверное, напому здесь всего об одной такой фигуре, чье имя знакомо каждому варшавянину, — об инженере Станиславе Кербедзе^[3], чья настоящая карьера началась в Петербурге. Впрочем, не в одном из мостов, соединяющих невские берега, есть «польский вклад» благодаря Кербедзу и другим польским инженерам.

— Выставка о поляках в Санкт-Петербурге откроется только в 2015 г., а мне бы хотелось задать вопрос о резонансе другого события: цикла лекций «Польско-российский диалог в МЦК». В 2013 г. эти встречи прошли во второй раз, впервые они проводились в 2012 году. Насколько мне известно, посетителей оба раза было много, а сами лекции вызвали большой интерес.

— Да. Мы тоже задумывались над посещаемостью, так как первым нашим лектором была Ирина Прохорова. Она

прекрасно известна в России (хотя бы в контексте последней предвыборной кампании и ее телевизионной баталии с Никитой Михалковым), тогда как в Польше ее имя пока не очень на слуху. Поэтому мы были поражены, когда на вступительную лекцию собрался полный зал. Частично такой интерес объясняется тем, что как МЦК, так и Центр польско-русского диалога и согласия приложили много усилий, пропагандируя этот цикл. В этом нас активно поддерживает Центр культуры русского языка Педагогического университета. Думаю, что нам уже удалось наработать определенную репутацию в глазах тех, кто каким-то образом занимается Россией, в особенности среди студентов и преподавателей краковских учебных заведений. Большое достоинство этих встреч — определено то, что близ краковской Рыночной площади звучит русский язык, чего в течение многих лет, пожалуй, нельзя было себе вообразить. Прекрасно и то, что на этом языке говорится о вопросах культуры, как популярной, так и высокой. Встреча с Ириной Прохоровой была необыкновенно интересной, потому что она как историк культуры и филолог, а прежде всего директор и владелица одного из крупных российских книжных издательств «Новое литературное обозрение», представила широкий обзор современной российской литературной сцены. Она обращала внимание на новые тенденции и направления, на молодых художников и писателей, за которыми стоит следить. Многие из них не были до того времени широко известны в Польше. У нас их не переводят и не издают. Кроме того, руководимый ею фонд присуждает уже известную литературную премию «НОС». Эта премия была учреждена в связи с двухсотлетием со дня рождения Гоголя. Для нас большой неожиданностью стала реакция публики на лекции. После каждой встречи у публики было на самом деле много вопросов, причем весьма часто их задавали на очень хорошем русском языке. По большей части вопросы были очень конкретными и подробными. Их характер указывал на то, что мы фактически угадали с публикой, которую действительно интересует данная тематика. После лекции Ирины Прохоровой состоялась встреча с Виктором Ерофеевым. Он как раз очень хорошо известен в Польше, так что здесь с заполнением зала не было ни малейшей проблемы. Во время конференции он в основном обращался к своему опыту писателя как комментатора жизни и отношению писателя к действительности, в том числе в контексте происходящего теперь в России. Здесь тоже прозвучало много интересных вопросов из публики.

А в этом году мы провели уже три встречи. Первым лектором в этот раз был посол Ежи Бар, который говорил о «Востоке» как

вызове современности. Во время его лекции зал был заполнен до краев, дискуссия же оказалась очень живой и интересной. Ну, посла Бара никому в Польше представлять не надо, это живая легенда нашей восточной дипломатии. Следующим гостем, известным в Кракове по регулярным лекциям в Ягеллонском университете, был Александр Липатов из Москвы. Профессор Липатов свое выступление озаглавил «Польша и Россия — культура и политика». Как славист, культуролог и литературовед, он сделал обзор нашей общей истории, выделив те сюжеты, которые, с точки зрения русского, казались ему интересными или спорными. Последним, кто согласился выступить у нас перед каникулами, был герой издательской сенсации последних месяцев Константин Усенко — автор широко обсуждаемой книги «Глазами советской игрушки. Антология советского и российского андеграунда». На этой встрече большую часть публики составляла молодежь. Лично меня поразила дотошность и характер вопросов, так как мне казалось, что я кое-что знаю на тему российской музыкальной сцены — много лет, посещая Украину и Белоруссию, я старалась всегда делать какие-то музыкальные покупки и слушать то, что творится на альтернативной сцене, в том числе и российской. Ну и меня на самом деле поразили некоторые вопросы. По его собственным словам, Константин Усенко уже думает о следующей книге, которая в свою очередь должна представить российскому читателю польский андеграунд. Надеюсь, что этот проект будет реализован. Подводя итоги состоявшихся к настоящему времени встреч и учитывая тот факт, что у нас отлично складывается сотрудничество с Центром польско-российского диалога и согласия, мы уже думаем о продолжении этого цикла. Надеемся, что в этом году нам удастся организовать еще две встречи. Наш партнер ведет переговоры, подробности которых мне пока не хочется оглашать. Скажу только, что это точно будут персоны самого высокого уровня. Соответствующие подходы делаются в отношении одного известного режиссера и одной известной писательницы. Так что, думаю, ожидается много интересного.

*

В в бумажном издании №10 «Новой Польши» за этот год в статье «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ» была допущена ошибка: Беата Ныкель является заместителем **руководителя Института европейского наследия МЦК**, а не заместителем **руководителя МЦК**. За допущенную неточность приносим извинения.

1. Вышеградская группа, также известная как Вышеградская четверка (V4) — объединение четырех центральноевропейских государств: Польши, Чехии, Словакии и Венгрии. Образована в 1991 г. в венгерском городе Вышеград, в котором была подписана совместная декларация о стремлении к интеграции в европейские структуры. — Здесь и далее прим.пер.
2. Повонзки — самый старый и известный некрополь Варшавы.
3. Станислав Валерианович Кербедз (1810-1899) — российский инженер польского происхождения, генерал. Построил, в частности, Благовещенский мост в Санкт-Петербурге и Александровский мост через Вислу в Варшаве

ВРАТАРЬ ИЗ ЛЮБЛИНА

Сквозь круглые очки на меня смотрят глаза человека, который прекрасно знает, что делает. Он не обращает внимания на голоса ненависти, которые сопровождают его уже 20 лет.

В последнее время эти голоса слышались в реакции епископа Веслава Меринга на известие о том, что Люблинский католический университет (ЛКУ) откроет новое направление — тексты культуры и сетевая анимация, — а также планирует организацию лекции «Гендер: феминизм, квир-исследования, изучение мужчин», подготовленную центром «Городские ворота — Театр NN». Томаш Петрасевич руководит им с начала 1990-х.

Епископ в письме к руководству ЛКУ спрашивал о причинах сотрудничества с «подозрительным» центром, «близким к политической критике и крайне левому крылу», а также просил программу курса, так как намеревается затронуть тему в высоком собрании епископов. Такой курс — это «необдуманый» поступок, который «возбуждает беспокойство людей, ибо нельзя смириться с чем-то, что несовместимо с христианством».

— Меня не интересует концепция гендера. Меня интересует, каковы взгляды Иисуса Христа, Евангелия и Церкви на вопросы супружества и семьи, так как это сейчас в опасности. Если Господь создал мужчину и женщину, то давайте не будем исправлять Его, — заявил епископ Меринг Католическому информационному агентству.

Университет защищает свое решение, на новое направление записалось уже 36 желающих, и до необходимого минимума — 40 человек — осталось совсем немного.

Томаш Петрасевич не хочет распространяться по поводу язвительных нападок епископа. Впрочем, это лишь невинная инсинуация по сравнению с тем, с чем Петрасевич сталкивался раньше.

— Я чувствую неприязнь и враждебность, особенно на форумах в Интернете, где нас обзывают чужаками, жидокоммуной, представительством «Газеты выборчей» и т.п. — говорит он. — Но с упреками по существу у них дело обстоит хуже. Поскольку

на нашей стороне результаты нашей работы. Не к чему придраться.

Сын офицера

Несколько лет назад посреди ночи кирпич со свастикой выбил в его доме окно. Он выбежал на улицу в 20 градусный мороз, но никого не было. Он понял послание. Прежде тоже был кирпич, но без надписи; тогда он подумал, что это просто выходка пьяного хулигана.

Были и плакаты на стенах и остановках, крики фанатиков под ратушей: «Петрасевич, вон из Люблина!». И еще муляж бомбы на парашюте, которую пришлось проверять антитеррористической группе. В городе поднялся шум, но в центральные СМИ просочилось немного.

Полиция была беспомощна.

— Не знали, кто за этим стоит, плохо ориентировались в ситуации, но и не знали ничего ни обо мне, ни о том, чем я занимаюсь, — говорит Томаш.

Благопристойный Люблин тоже не знал, что предпринять, хотя это была атака на самостоятельную культурную организацию с богатыми традициями и известными достижениями.

— Меня уговаривали, чтобы я обратился под «Воротами» к демонстрации. Я послал их подальше. Я не собираюсь вступать в словесные перепалки, — закончил он.

Еще в 2001 г. городские депутаты из Избирательного действия «Солидарность» хотели устранить Петрасевича и «Ворота». Обращение к мэру города они обосновали якобы растратой денег. Натравили Высшую контрольную палату и специальную комиссию. Напрасно. Растраты не было, мэр ходатайство об увольнении не принял.

Я вижу, что меня больше, чем Томаша, охватывает идеологическая злость, какую в правом крыле и в лагере шуршащих сутан возбуждает его деятельность. Но я также чувствую, что он прав, когда хочет, чтобы факты говорили сами за себя, а ненавистный зубовный скрежет остался за порогом.

Перечень наград и отличий «Ворот» бессовестно длинен. Последняя — это Европейская гражданская премия Европейского парламента за содействие пониманию и интеграции людей в Европе.

Раньше были среди прочего диплом признания от Израиля за охрану еврейского наследия в Польше, «Erasmus EuroMedia Medaille» за проект «Евреи в Европе вдали от метрополии» и много других национальных наград. Сам Петрасевич получил титул почетного члена Польского общества праведных среди народов. А на этой неделе в «Воротах» состоялся ежегодно проводимый Яд ва-Шемом в Иерусалиме семинар для европейских учителей истории, занимающихся Катастрофой. Яд ва-Шем делает его выездным в первый раз. «Городские ворота» были отмечены за оригинальный, единственный в таком масштабе вклад в сохранение памяти о польских евреях и их уничтожении.

Четверть века назад, когда в Польше разваливался коммунизм, ничто не предвещало, что в Люблине может возникнуть что-то подобное.

Он и сам того не подозревал, так как ничто в его биографии не склоняло к тому, чтобы беречь раны. Он не еврей, не был историком. И, как большинство люблинцев, немного знал о прошлом своего города. Как многие выросшие в ПНР поляки, он был жертвой замалчивания и искажения истории многонациональной Польши и обстоятельств Катастрофы. Он не был ни анти-, ни филосемитом, безупречный, как чистый лист.

Я прекрасно его понимаю, будучи сам воспитан в варшавском Муранове, где между домом, детским садом и двумя школами, между Новолипками, Смочей, Дзельной, Милой и Павьей улицами, я прожил больше десяти лет в полном неведении, что я хожу по человеческим костям, по пепелищу гетто. Дома, в школе об этом молчали, несмотря на то что этажом ниже жил друг семьи Эдмунд Нойштейн, который уехал из Польши в 1958 г. и до самой смерти держал в Тель-Авиве польскую книжную лавку.

Петрасевича никто не подготовил к порыву совести и воображения.

В 1970-е — 1980-е гг. Люблин был динамичным диссидентским центром, колыбелью андеграунда и независимой культуры. В нем было несколько независимых театральных сцен, здесь издавали первые номера журналов «Запис», «Спотканя», публикации НОВой и Комитета защиты рабочих. Помогала поддержка ЛКУ и таких его студентов, связанных с демократической оппозицией, как Богдан Борусевич или Войцех Самолинский.

Среди взбунтовавшихся студентов и «антисоциалистических низов» был студент физики университета им. Марии Склодовской-Кюри. С 1976 г. он печатал и распространял независимые журналы. Его привлекал Комитет защиты рабочих и Яцек Куронь. Он был в июльских забастовках, с которых начался Август 1980-го. Потом вступил в «Солидарность».

Дома нелегко. Отец был подполковником Польской народной армии.

— 13 декабря 1981 г. утром я вышел на студенческую забастовку в «Хатку Жака» [Академический центр культуры в Люблине. — Пер.], а отец взял пистолет и пошел комиссаром какого-то предприятия. Я был в трех местах, в том числе в Свиднике. Я помню пацификацию, дула танков, направленные в нашу сторону. Но как вернулся — не помню. Мне повезло, потому что тогда кучу людей задержали — рассказывает Томек.

Потом отец заболел раком, а дома обыск.

— Господин сын офицера, господин Томаш? Вы не понимаете, давайте поговорим в кафе, — уговаривали гэбэшники.

Отец умер в ноябре 1982 года. Спустя годы сын понимает его лучше. — Отец происходил из многодетной семьи, у него было десять братьев и сестер. Семнадцатилетним он вступил на военный путь. Армия была для него путем роста.

Меньше понимания встречает Томаш у товарищей по другую сторону баррикад. Один скручивал его во время военного положения; гэбэшник, бывший каратист. Потом он поехал на работу в посольстве в Париже. Другие примкнули к патриотической байке об измене в Магдаленке [деревня под Варшавой, где проходил «круглый стол». — Пер.], мифу о смоленском преступлении.

— Мне не хочется вступать в спор с теми, для кого факты ничего не значат, — говорит он.

В 80-х гг. он начал деятельность. Он основал Фонд общественных инициатив и собранные деньги посылал, в частности, повстанцам в Афганистане.

— Мы были невеждами, мы не знали, что помогаем талибам. Для нас было главное насолить Советам, — рассказывает Томаш. Он выписывал по почте «Русскую мысль», поэтому госбезопасность организовала прослушивание и следила за ним днем и ночью. Спустя годы кто-то, кто прочитал в Институте

национальной памяти его папку, нашел запись «имеет контакты с украинской эмиграцией». — Оригинальными они не были.

Он работал в альтернативных театрах, в Люблине таких было несколько, в частности «Провизориум» и «Временная группа».

— Но под конец 1980-х сделалось мрачно. У меня было ощущение бесполезности всего. Время уходило.

Мы стоим в воротах

«Круглый стол» Томаш Петрасевич принял как предвестие перелома. Он был доверенным лицом в первых полусвободных выборах в июне 1989 года.

— Я осознал, что произошло то, чего мы добивались. Мы снова обрели Польшу. У нас есть свобода. Я решил делать что-то новое. Я не хотел опираться ни на собственный военный опыт, ни на политику.

В 1990 г. их театр перенесли в центр культуры из аварийного здания, примыкающего к старым городским воротам. И вдруг всё переменялось.

— Я стоял раз на стене под Городскими воротами с проф. Владиславом Панасом. А он говорит: «Посмотри, Томек. Здесь, с этой стороны, был еврейский город. Ничего от него не осталось. Мы стоим в воротах, которые отделали христианский город от иудейского». И тут меня осенило. Чего я ищу? Ведь это здесь».

Ворота назывались Городскими или Еврейскими, но этому названию не было тогда понятного объяснения. Ведь в еврейский город они не вели, потому что его не было. В 1942 г. в Майданеке и Белжеце уничтожили 43 тыс. евреев, треть Люблина. Оставшиеся две трети забыли о них. Сейчас ворота разрушаются. В сумерки около них лучше не шататься.

Сперва еврейский район сравнивали с землей немцы после ликвидации гетто, а потом его забетонировали строители «Народной Польши». Они хотели сделать образцовый польский город, и в том месте, где тянулась главная улица еврейского города, ведущая к посаду и синагоге, они построили полукруглый фрагмент современного старого города в стиле варшавского Мариенштадта и вымостили территорию под большую стоянку.

— Профессор Панас сказал: «Это шанс, здесь христиане, а здесь иудеи». Я об этом тогда не имел понятия, не придавал этому

значения, — рассказывает Томек. — Что-то там читал, Вилькановича, номер «Знака» о евреях. Но чтобы в Люблине? Тогда я осознал мощь символа. Мне захотелось покончить с пробелами в памяти. Я вернулся из центра культуры в «Ворота». Другьям сказал: там мое место. Они pokrутили пальцем у виска. Но четверо-пятеро пошли со мной.

Из его собственного забвения стали возвращаться картины.

— Я воспитывался до девяти лет в доме, находящемся в двух километрах от Майданека. Вроде как было известно, что там находился лагерь, но никто об этом не говорил ни дома, ни в школе. Из начальной школы в Люблине я запомнил рассказ учительницы математики, которая во время войны жила в деревне Каменка и видела, как эсэсовец ведет на казнь еврейского мальчика. По дороге, за пять минут, мальчик поседел. Я спрашивал потом у мамы, потому что когда в 1939 г. немцы ее выселили из Тчева, она попала в Каменку, и там у нее была та же учительница. Спрашивал друзей. Никто этого не помнил. Спустя годы я написал в Яд ва-Шем с вопросом, известна ли эта история. Они ответили, что чудесами не занимаются.

Томаш Петрасевич, Витольд Домбровский с товарищами занялись поисками памяти и города. Но они не знали источников, иногда только какая-то книжка, воспоминание. В музее города и в архиве немного. Начали искать фотографии, свидетелей, книги. В течение пяти лет изучали территорию.

Городские ворота до 1994 г. они отстраивали сами. А когда уже стали самостоятельной организацией, то получили городскую дотацию на капитальный ремонт «Ворот» и зданий. Он закончился в 2000 году.

В 1997 г. они организовали первое городское представление. Поставили ораторию «Поэма о городе Люблине» с музыкой Кшесимира Дембского на стихи Юзефа Чеховича. Этот поэт в 1930-е гг. жил в Варшаве, но когда началась война, вернулся в Люблин и погиб во время немецкой бомбардировки 9 сентября, сидя у парикмахера в здании на Краковском Предместье, 46.

«Одна земля»

В 1999 г. митрополит люблинский Юзеф Житинский попросил Петрасевича, чтобы он что-нибудь подготовил для Конгресса христианской культуры, первое открытие которого епископ планировал в Люблине в 2000 году. Возникла мистерия «Одна земля — два храма».

Вечером 16 сентября два ряда зрителей соединили с двух сторон Городские ворота и руины приходского костела в старом городе с тем местом, где когда-то находилась разрушенная немцами синагога.

Погасли светофоры, на ближайших улицах было перекрыто движение. Посредине двойной гирлянды людей (каждый держал зажженную свечу) вдоль стороны еврейского города встали спасшиеся от Катастрофы евреи, а вдоль христианской стороны — праведные среди народов, которые их спасали. Раввин Михаэль Шудрих и архиепископ Житинский одновременно взяли немного земли с тех мест, где когда-то стояли синагога и костел. Потом урны с землей передавали друг другу из рук в руки спасенные и праведные. Каждый рассказывал немного о себе. Урны встретились в воротах. Там землю смешал в одном горшке ксендз Ромуальд Векслер-Вашкинер — еврейский ребенок, спасшийся от Катастрофы, выросший христианином и ставший католическим священником. Потом два школьника из Израиля и Польши посадили в этот горшок два куста винограда, привезенные из Израиля и из-под Люблина.

— Я хотел, чтобы мы прикоснулись к пустоте, — говорит Петрасевич.

Благодаря «Воротам» шаг за шагом, год за годом поляки обретали память, а евреи — место в ней.

В 2000 г. процессия пяти религий и вероисповеданий: католики, православные, протестанты, мусульмане, иудеи — прошла через Майданек, от ворот лагеря до крематория. Хор читал свидетельства тех, кто выжил.

С 2001 г. «Ворота» ставят мистерии памяти в годовщину ликвидации люблинского гетто.

С 2002 г. люди пишут письма на несуществующие адреса еврейского города. Они возвращаются с пометкой почты: «Адрес (или адресат) неизвестен».

С 2004 г. здесь же, рядом с «Воротами», днем и ночью горит один из нескольких сохранившихся довоенных фонарей.

С 2005 г. люди могут писать письма Энио Житомирскому, который в возрасте семи лет погиб в Майданеке. Известно, где он жил. Альбом семьи Энио попал в «Ворота» из Израиля. На шести фотографиях сохранился образ ребенка, растущего на

улицах Люблина. Последний снимок был сделан летом 1939 года. 1 сентября Энио должен был пойти в школу.

Петрасевич велел сделать еще один снимок в том самом месте, где Энио был сфотографирован в последний раз. Те же самые ступени и вход в ворота, только пустые. Здесь появился столик и почтовый ящик, и люди пишут Энио.

С 2007 г. люди вспоминают сотню еврейских детей из городского приюта в старом городе, погибших в Майданеке.

«Ворота» построили там барак памяти детей, который называли «Букварь». Один из экспонатов этого музея — это найденное в сандалике погибшей 9 летней девочки стихотворение, которое распевали на мелодию песни «На Войтуся из камина...» Янины Поразинской:

По Эльжуне бедной справить

Некому поминки:

На Майданек угнан папа,

Мамочка — в Треблинке.

С 2007 г. «Ворота» собирают рассказы праведных. Их можно послушать или прочитать здесь и в интернете. Эту программу Европейская комиссия признала лучшей среди образовательных программ.

«Ворота» получили сложный геодезический план довоенного Люблина. Они реконструировали город до Катастрофы со всеми домами и адресами. Виртуально его можно увидеть в интернете, а сам макет находится в культурном центре.

Недавно на чердаке одного люблинского здания были обнаружены стеклянные негативы еврейского профессионального довоенного фотографа. Три тысячи бесценных снимков несуществующего города и его погибших жителей, евреев и христиан, напоминают в «Воротах» о разгромленном мире.

— Это почти чудо. Евреи обрели лицо, — говорит Томек.

«Ворота» ездят по окрестностям Люблина с Зингеровским фестивалем, с каждым годом осваивая все новые места. Витольд Домбровский говорит: «Фестиваль фокусника из Люблина». У него с этим проблемы, так как Исаак Башевис

Зингер с трудом находит общий язык с местными властями. Маршал воеводства не проявляет к этому интереса.

— Они предпочитают фестиваль вареников, ну или хотя бы еврейской кухни. Почему-то нам проще познавать и принимать что-то новое на уровне желудка, — сетует он. Но не разочаровывается. С зингеровским обозом они ездят уже пять лет.

«Ворота» хотят взять под свою опеку территорию прежней бойни, откуда в 1942 г. немцы вывозили люблинских евреев.

«Не открываем глаза»

«Ворота» пишут историю Люблина. И Польши.

Они устраивает в городе поэтические хэппенинги. Люблинцы здесь — Юзеф Чехович и Юлия Хартвиг.

«Ворота» ознаменовали выборы 1989 г. хэппенингом со 170 урнами в избирательном округе в Люблине.

В 2005 г. — в годовщину забастовок, которые начались в июле 1980 г. именно в Люблинском воеводстве — поехали вагоном памяти на Гданьскую верфь.

Скоро закончится ремонт нового здания в Люблине, где создается центр свободного слова. Во время войны здесь работала подпольная типография. Немцы ее обнаружили и расстреляли рабочих.

Томек уже сейчас печатает там книги и журналы на починенном печатном станке 1903 года. Там стоит первый подпольный копировальный аппарат, с которого в 1977 г. сошли два первых номера подпольного «Записа» и номера «Споткань». В типографии, в настоящих мастерских, будут проводиться практические занятия по истории культуры и политике. Это тоже будет обретенная память, потому что сейчас, когда Петрасевич хочет рассказать молодым людям о существовании независимой культуры во время ПНР, ему еще приходится прибегать к понятному языку. Поэтому он говорит им о том, как «хакерствовал» коммунизм.

Томаш Петрасевич здесь уже бы закончил, но я велел ему потерпеть, так как меня больше, чем его, огорчает национально-католический, иногда даже грязный поток, который спустя четверть века после обретения свободы и демократии отравляет жизнь. «Газета» пригласила его на майские дебаты о фашистской угрозе в Польше. Он не приехал,

голова у него была занята более важными делами, чем переливание из пустого в порожнее. И вот я прошу, чтобы он сказал, что он об этом думает:

— Мне плохо от этого. От всего этого экстремизма и насаждения патриотизма. Мы ведь знаем, к чему это приводило в Европе. Чего-то мы не сделали с молодым поколением. Что-то упустили. Мы не занимаемся просвещением, не открываем глаза на сложные проблемы. Не устраиваем серьезных дискуссий на более простом уровне школ. Разве что на уровне прихода, да и то видно, в каком тоне.

Мне жаль молодых людей, отравленных упрощенными взглядами. Потерянные, брошенные, они не воспользовались переменами, поэтому чувствуют себя в опасности, замыкаются в себе. А склоняются над ними те, кто дает им простые рецепты, но относятся к ним как к средству достижения цели. По крайней мере, к встрече с современным миром не готовят. А он сложен.

Знает ли его святейшество Меринг, что делают «Ворота» и Томаш Петрасевич? А если узнает, то скажет ли какое-нибудь человеческое слово?

Мне стыдно перед Томашем Петрасевичем. Он сделал в жизни то, на что я, мальчик из Муранова, никогда бы не решился.

ПОЛЬША ДЛЯ НАС ОБРАЗЕЦ

— Правительство Грузии собирается провести пенсионную реформу. Правда ли, что она будет опираться на польскую модель?

— Да, это правда. Сейчас мы находимся на подготовительном этапе создания нового законодательства и институциональных рамок пенсионной системы. Фактически мы одновременно проводим две реформы. Первая — это создание второй части пенсионной системы, вторая — реформа рынка капиталов. Ведь обе системы взаимосвязаны. Польская модель для нас очень важна, потому что Польша — один из пионеров создания второй части пенсионной системы в Центральной и Восточной Европе. Кроме того, польская система доказала свою надежность. Мы знаем, что сегодня в Польше идут споры по поводу будущего пенсионной системы, она вызывает противоречивые оценки, но у нас есть возможность взять от нее всё лучшее. Мы изучили пенсионные системы восьми других стран Центральной и Восточной Европы, а также кавказского региона (в следующем году вторая часть начнет работать в Армении), и я должен признать, что на фоне других систем, с которыми мы сравнивали, польская пенсионная система решительно выделяется в положительном смысле благодаря современности и развитости ее инфраструктуры. Мы говорили на эту тему с министром финансов, министром экономики и министром государственной казны Польши. В свою очередь, с руководством Варшавской фондовой биржи я обсуждал вопрос о том, как существование Открытого пенсионного фонда положительно отразилось на рынке капиталов.

— У вас были также планы по развитию Тбилисской фондовой биржи как финансового центра в Южно-кавказском регионе. Что собирается делать министерство, чтобы добиться поставленной цели?

— Мы работаем над тем, чтобы создать привлекательные условия для проведения торгов грузинскими компаниями на бирже в Тбилиси. У нас была очень интересная встреча с заместителем председателя ВФБ, на которой обсуждались перспективы сотрудничества обеих бирж. У нас есть богатый потенциал для такого сотрудничества. Грузинские фирмы могут расти до определенного уровня у себя в стране, а затем, когда им потребуется дополнительный капитал в больших

объемах, они могли бы размещать публичные предложения (IPO) на Варшавской бирже. ВФБ может также помочь нам в адаптации нашего законодательства, касающегося рынка капиталов, так, чтобы оно соответствовало законодательству Евросоюза и располагало к себе европейских инвесторов. Кроме того, нас интересует опыт, связанный с реформой депозитных и расчетных учреждений. Поэтому мы видим широкое поле для заинтересованности ВФБ в сфере бизнеса в сотрудничестве с нашей биржей. Варшавская биржа проделала огромную работу, чтобы достичь положения одной из ведущих бирж Центральной и Восточной Европы, стать одним из самых динамичных паркетов. В Центральной и Восточной Европе она очевидный лидер. Поэтому мы будем рекомендовать большим грузинским компаниям выставлять свои акции на ней. В то же время мы будем развивать нашу биржу. Думаю, у наших паркетов есть большие перспективы для совместной работы.

— Какие еще экономические реформы планирует нынешнее правительство Грузии?

— Я хотел бы с самого начала подчеркнуть, что наше правительство сохранит всё положительное наследство предыдущего кабинета. Во время его работы был достигнут большой прогресс, проведены реформы налоговой и таможенной системы, упрощены таможенные процедуры, модернизирована и сделана более удобной сфера общественного обслуживания, снижена мелкая коррупция. Мы не только сохраним эти достижения, но сделаем шаг вперед. Мы начинаем принимать решительные меры для улучшения предпринимательского климата в Грузии. Совершенствуем законодательство, касающееся охраны собственности компаний, выводя ее на самый высокий уровень. Еще одним важным пунктом является борьба с монополиями. В предыдущие годы множество небольших фирм перестало существовать на рынке из-за нездоровой ситуации в некоторых отраслях бизнеса. Мы хотим воспрепятствовать этому, поэтому создаем независимое агентство, целью которого будет наблюдение за конкуренцией на рынке. Здесь мы многим обязаны польскому правительству, которое дало нам рекомендации по функционированию такого типа институции. Мы создаем также систему экономического арбитража, так как суды не справляются с потоком сложных процессов, касающихся бизнеса. Если говорить о торговой политике, то мы усиленно работаем над этим, согласованы практически все пункты в переговорах о создании углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли (DCFTA), являющейся частью соглашения об ассоциации с Евросоюзом,

которое мы надеемся подписать осенью. Это увеличит наши шансы на привлечение инвесторов из Евросоюза и других стран, на создание ими промышленной базы в Грузии с последующей продажей произведенных у нас товаров на территории зоны свободной торговли.

— Экономика Грузии развивается очень активно. В прошлом году ВВП страны вырос на 6,2%, в этом году рост может составить 6%. Как долго можно удерживать такой темп роста?

— В прошлом году у нас были высокие темпы роста, но лишь в первом квартале 2013 г., а сразу после парламентских выборов наступил спад — до 1,9%, в том числе потому, что на настроениях отразилась неуверенность, связанная со сменой состава правительства. Сейчас наблюдается ускорение, к концу года ВВП может вырасти до 5-5,5%. Поддержание таких темпов роста возможно. Через Грузию проходит коридор к Черному морю и дальше в Европу из восьми государств, не имеющих выхода к морю, — даже из Афганистана. Это дает нам высокие шансы на развитие транспортной инфраструктуры, на то, чтобы стать региональным лидером в сфере логистики. То, что Грузия — торговые ворота в Европу, создает огромный потенциал для наших предпринимателей, инвесторов и соседних государств. Мы надеемся, что в перспективе двух-трех лет нам удастся добиться двузначных показателей темпа экономического роста.

Георгий Квирикашвили родился в 1967. С октября 2012 — министр экономики и устойчивого развития в правительстве Бидзины Иванишвили. В 1999 был заместителем начальника Департамента фискальной и денежной политики и международного экономического сотрудничества канцелярии президента Эдуарда Шеварнадзе.

Полный польский текст интервью — на сайте www.ekonomia24.pl

Петр Мицнер

ПОЭТИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ В ГРУЗИИ

В июле состоялся VI Международный русско-грузинский поэтический фестиваль. Международный, но русскоязычный.

Традиция фестиваля берет свое начало в довоенном 2008 году и продолжается до сегодняшнего дня, в первую очередь благодаря упорству главного менеджера фестиваля Николая Свентицкого, потомка польских ссыльных, театрального режиссера, директора Тбилисского государственного русского драматического театра им. А. С. Грибоедова, который своей твердой рукой управляет этим вдвойне сложным предприятием. В организации фестиваля участвовали две институции — Русский клуб и Международная федерация русскоязычных писателей.

Русские поэты из 27 стран вместе с поэтами грузинскими ездили по Грузии, читая стихи перед публикой и друг другу, дискутируя и поднимая тосты.

Названием фестиваля на этот раз стала цитата из Владимира Маяковского — «Во весь голос»: в этом году отмечается 120-летие со дня рождения поэта. Грех было не посетить его родной дом в живописно расположенной деревне Багдади. Вторым поводом было 85-летие со дня рождения грузинского писателя Нодара Думбадзе (1928–1984), в Польше известного зрителям по театральной постановке его повести «Белые флаги». И еще один, особенно трогательный вечер памяти был посвящен скончавшемуся в прошлом году в Лондоне русскому поэту татарского происхождения Равилю Бухараеву.

Самым важным пунктом программы были, конечно же, поэтические встречи, но стоит вспомнить и о двух сопровождающих мероприятиях. Так, под струями дождя в Батуми прошел концерт Мананы Менабде, исполнившей старинные русские и грузинские романсы, песни на стихи поэтов Серебряного века, Иосифа Бродского и свои собственные. Кроме того, был показан документальный фильм Наны Гонгадзе о живущей в США дочери Маяковского.

Несколько десятков поэтов, в случайном порядке поделенные на меньшие группы, часами колесили по ужасным дорогам

этой невероятно красивой страны, тут и там усеянной, к сожалению, бетоном и ржавым железом — следами бывшей империи. А доехав до цели, встречали удивительную публику, которая не вернулась к свободе и традиции — нет, она их просто-напросто сохранила. Одна из самых запоминающихся встреч, в которой мне довелось принимать участие, проходила далеко и высоко — в горном армянском анклав, городке Ахалкалаки. Я ожидал благосклонности и гостеприимства, но не ожидал, что даже сложная поэзия встретит понимание, а поэтический юмор вызовет именно такую реакцию, о которой мечтает каждый автор, — бурную, живую.

Грузинский фестиваль не выделяет какого-то типа поэзии или поэтической школы. Тут были и те, кто пишет традиционную силлаботонику, и приверженцы верлибра. Очень интересно прозвучали стихи Федора Сваровского и Арсения Ровинского, пока еще неизвестных в Польше представителей направления «нового эпоса». Это поэзия очень точная, основанная на ритме или метафоре, на анекдотических и бытовых ситуациях невозможного современного эпоса.

Дважды мне удалось услышать мистическое чтение грузинского поэта Шалвы Бакурадзе. Ни поведение, ни внешность (потертые джинсы и футболка с принтом) не предвещали его перевоплощения на сцене. Поэт закрыл глаза, и словно какой-то дух вселился в него. Он прочел, а скорее, пропел по-грузински стихотворение-балладу. Не понимая ни слова, мы унеслись куда-то ввысь.

*

Еще один грузинский поэт, которого я по разным причинам хотел бы здесь представить — это Шота Иаташвили. Контакт с его стихами упрощает то, что он переведен на русский и еще семнадцать языков; более того, он и сам пишет по-русски. Его тексты, как и поэзия «нового эпоса», тесно соприкасаются с действительностью, но это иной, словно панорамный взгляд, попытка с каким-то академическим упорством объять как можно бóльшую «поверхность» мира, как можно больше его явлений, и даже сделать выводы — только выводы эти заключены в иронические кавычки.

В публикуемом в этом номере цикле (или поэме?) «Трехстишия моих городов» присутствует именно такая шпилька самоиронии. У Иаташвили она никогда не выражена напрямую, но звучит приглушенно, выражается в замедлении ритма — так, как это делает сам поэт в разговоре или во время чтения своих стихов вслух.

Несколько слов об авторе. Шота родился в Тбилиси в 1966 году. Издал девять стихотворных сборников и четыре сборника рассказов. Как можно заключить из публикуемого цикла, ездит, а точнее, летает по всему миру как гость поэтических фестивалей и встреч. Однажды, в 2012 г., он оказался в Польше. Для него это была особенно важная поездка, потому что его предки были польскими ссыльными. Еще его отец, драматург и журналист Годердзи Бутковский, носил польскую фамилию, но взял фамилию матери — Иаташвили.

Начав переводить «Трехстишия», я довольно быстро, как мне кажется, нашел нужный тон. В этом мне помог один немного схожий цикл в поэзии польской, неизвестный, конечно, грузинскому поэту. Я имею в виду замечательные мимолетные «Трамвайные билеты» Ярослава Ивашкевича, в которых тоже есть аллюзии на его путешествие в Италию.

Шота Иаташвили

ТРЕХСТИШИЯ МОИХ ГОРОДОВ

Роттердам

Первая покупка — зонтик.

Последняя — билет в Париж.

Остальные растворились в подслушивании метафор.

Париж

Что обозначить?

Тут все чудо,

Даже секс с женой.

Лион

Было лень так рано вставать.

Повернулся на другой бок и снова уснул.

Так и не увидел, что за город.

Лиссабон

Все видели сквозь стекла машины.

Только иногда выходили и нам показывали,

Где родился, писал стихи и умер Пессоа.

Порто

Старый трамвай довез до океана.

Смотрю на небо, покрытое птицами.

Час назад, в гробнице, меж саркофагами блуждал как
тень.

Люблин

Из концлагеря в старый город провожала
жизнерадостная студентка.

Потом угостил в еврейском кафе пастор,

И чтобы все это как-то пережить, в конце дня напился
в хлам вместе с панками.

Гданьск

Я стоял у рабочего стола Леха Валенсы,

А потом ел в его буфете рассольник.

И ветер, наверно свободы, дул на судоверфи...

Берлин

Был похож на Одри Хэпберн из «Римских каникул»,

Каждое утро просыпаясь,

удивленно смотрел на потолок и думал: «Где я?».

Бухарест

По-европейски одетые, цивильные цыганки

Сидят в кафе и разговаривают о жизни,

Как туристы и остальное население страны.

Стамбул

С каким усердием моют тротуары!..

Но тут и грязь так же удивительно блестит,

Как и все остальное.

Орду

Три дня лил дождь.

Разговаривал часто на веранде гостиницы с финкой,
пил пиво,

И казалось, что смотрю не на черное, а на балтийское
море.

Баку

Языки пламени.

В открытом кафе пьем чай

И смотрим, как красиво горит земля.

Ереван

1.

«Похож на столицу несвершившейся империи» —

Сказал философ Иванов, стоя на площади Республики

И вместе со мной глядя на полуосвященные гордые
колонны.

2.

Стадион «Раздан» смотрит на музей Параджанова.

Музей Параджанова смотрит на стадион «Раздан».

Оба удивляются.

Симферополь

Прилетал и улетаю, прилетал и улетаю.

Одна девушка пару раз присылала мне письмо отсюда.

В советский союз.

Алупка

Любил всем показывать камень Айвазовского.

Ночью лазил в окно санатория, чтобы попасть в свою
палату.

А у пруда, вместе с лебедями, отмечал свержение
ГКЧП.

Коктебель

Очень большая концентрация поэтов.

Но среди них я все-таки заметил ангела.

И она заметила меня и даже подала знак...

Киев

Только этот город

Никак не вмещается в трехстишие.

Или все-таки поместил его каким-то способом?

Москва

«Не похож на поэта, слишком молод!» —
сказал милиционер, а я вспомнил Пушкина,
уже умершего в моем возрасте.

Тула

Сидел у кремля, и женщина рассказывала мне его историю.

Шел по улицам, и в лицо дул ветер.

А название города краше всех воспоминаний.

Ленинград

Поступил прямолинейно, но ритуально:
Купил собрание сочинений Достоевского,
Хотя можно было купить и дома.

Тбилиси

Всегда мучаюсь,
Никак не понимаю,
Что тут показывать гостям.

Батуми

И сегодня,
гуляя по этому городу,
хочется держатся за мамину руку.

Таллинн

Фотографирую национальные костюмы,
всем предлагающие сладости,
И странные дорожные знаки.
И то и другое встречается на каждом шагу.

Рига

Спустились к реке и говорили о математике.

Не целовались и даже не прикасались друг к другу.

Потом рассвело, и она побежала к своему автобусу.

Вильнюс

Ежик в садике студгородка.

Денег у нас не было и решили его продать,

Но выяснилось, что ближайший зоопарк только в Каунасе.

Амстердам

Женская грудь на полотне импрессиониста.

Женская грудь на улице Красных фонарей.

А под вечер в чистоплотном парке мать кормит ребенка.

Аэропорт

Этот город почти везде на земле.

В этом городе цены очень высокие.

И люди так радуются покупкам в Duty Free, что начинают летать...